ИРИНА БЕЗРУКОВА
МАРК ДУБОВСКИЙ
ЕЛЕНА ЗАДОРНОВА
МАКСИМ ГАЛКИН
ЯКУБОВИЧ ЛЕОНИД
ВЛАДИМИР КАЧАН
ДУБОВЦКАЯ РЕГИНА
ЛИН ИЗМАЙЛОВ
СЕРГЕЙ ДРОБОТЕНКО
МАКСИМ ЗАБЕЛИН
ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ
АНДРЕЙ АЛЯКИН
И ДРУГИЕ
МИХАИЛ ЗАДОРНОВ.
АПЛОДИРУЕМ СТОЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Михаил Николаевич Задорнов был рупором, который без страха и упрёка, не боясь цензуры, произносил вслух то, что многие боялись озвучить. Любая его книга вызывала горячий интерес. И не важно, смешная она была или информативная, любая из них находила своего читателя… Сегодня на этих страницах мы собрали рассказы людей, которые знали Михаила Николаевича не понаслышке. У каждого из них был свой Задорнов. Итак, рассказывают ученики, друзья и коллеги по сцене, товарищи из детства и даже старенькая школьная учительница, которая хорошо помнит своего рано ушедшего звёздного ученика…

- Михаил Задорнов. Аплодируем стоя
  - ○
  - ○
  - ○ От издательства
  - ○ Папе
  - ○ 2 × 25, или Русский писатель на фоне Рижского залива
  - ○ Экскурсия
  - ○ Райтер – Задорнов
  - ○ Одно детство на двоих…
  - ○ О Мише Задорнове
  - ○ Он жил задорно!
  - ○ Веселуха
  - ○ О дружбе
  - ○ Как Задорнов сам от смеха упал
  - ○ «Мерседес» – в студию!
  - ○ Задорнов и аюрведа
  - ○ Два девятых вагона по-прежнему в пути
  - ○ Кратковременная память…
  - ○ Весёлый мальчишка с нашего двора…
  - ○ Для меня – просто Миша…
  - ○ Нет, мы не безнадёжны
  - ○ Вместо входного билета
  - ○ Заряд молнии
  - ○ Эстафетная палочка
  - ○ Как стать счастливым
  - ○ Когда востребованы поэты…
  - ○ А зачем? Он точно хуже!
  - ○ Мы были счастливыми, у нас были иллюзии
  - ○ Таких уже не будет…

    - Надо перестать бояться
    - Обаяние, которое нельзя купить
    - Последнее интервью
    - Михаилу Николаевичу
- notes
    - 1

Михаил Задорнов. Аплодируем стоя

© Алякин А., Безрукова И., Галкин М., Дроботенко С., Дубовицкая Р., Дубовский М. (наследники), Забелин М., Задорнова Е., Измайлов Л., Качан В., Маркова Е., Трошкина Р.,Фокина Н., Хазанов Г., Цапик А., Якубович Л., текст, 2019
© «Центрполиграф», 2019

* * *

Огромная благодарность всем, кто откликнулся и принял участие в написании этой книги!

Он появился у меня на кафедре, где я работал инженером. В 1969 году пришел знакомиться – весёлый, рыжий, громогласный и жутко активный молодой человек. Ему тогда был 21 год.

Лион Измайлов

Как вместить на нескольких страничках рассказ о человеке, у которого не было размера, рамок и ограничителей? Писателя с парадоксальным мышлением, с энцикло педи ческими знаниями, сатирика с большим сердцем.

Рита Трошкина

Когда меня однажды позвали к телефону и я услышал голос, похожий на Задорнова, естественно я сразу не поверил, что это он. «Серёжа, вы не женщина, поэтому я могу задать этот вопрос: сколько вам лет?» Я ответил: «Тридцать». Он говорит: «Простите, я вам не звонил тридцать лет». И я понял –

Сам!

Сергей Дроботенко

От издательства

Некоторые авторы за годы работы с издательством становятся практически родными. Таким и стал для нас Михаил Николаевич Задорнов… Горько, что мы потеряли такого интересного, популярного и любимого автора.

Михаил Николаевич был рупором, который без страха и упрёка, не боясь цензуры, произносил вслух то, что многие боялись озвучить. Любая его книга вызывала горячий интерес. И не важно, смешная она была или информативная, любая из них находила своего читателя.

Работать с текстами Задорнова огромное удовольствие и отдушина. Не секрет, что далеко не каждый материал, поступивший в издательство, даётся редактору легко. Но только не тексты Михаила Николаевича. Здесь всё было предельно просто и ясно. Изначально интересный авторский текст – уже хорошо! Плюс чётко и грамотно работающие преданные помощники автора всегда готовы были посодействовать, помочь, поддержать, поучаствовать в обсуждении структуры книги. Как результат: все книги Задорнова, вышедшие в «Центрполиграфе», – нарасхват. Ни одного прокола или провала.

Острое слово, искромётный юмор, ирония, немного сарказма… не боялся он посмеяться и над собой…

Однажды муза плача Анна Ахматова написала поразительные строки:

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.

Пришёл черёд измениться портрету Михаила Николаевича, но перед ним мы аплодируем стоя прекрасному, мудрому и щедрому человеку и талантливому автору.

Сегодня, отдавая дань памяти, на страницах этой книги мы собрали рассказы людей, которые знали Михаила Николаевича не понаслышке. У каждого из них был свой Задорнов. Итак, рассказывают ученики, друзья и коллеги по сцене, товарищи из детства и даже старенькая школьная учительница, которая хорошо помнит своего рано ушедшего звёздного ученика…

Папе

Ты остался в сердцах миллионов людей,
Это истина, и не пустая.
И тебя сейчас сонмы шальных лебедей
К себе взяли как лидера стаи.

Наступили для стаи ТВОИ времена,
Ты расскажешь им всё про этрусков,
И про Гиперборею, язык, племена,
И как это забавно – быть русским!

И ты встретился с теми, кто близок душой,
Твой отец, Евтушенко и Пушкин,
И от няни его комплимент был большой,
Как от старой знакомой подружки!

И с Филатовым Лёней вы встретились вновь,
Он сказал тебе: «Мишка, спасибо!
Ты не предал гусарскую жилу и кровь,
И стихи мои вторил красиво…»

Тебя встретили гении разных эпох,
Не со всеми, возможно, ты сладил
И устроил, конечно же, переполох,
Ты ж Задорнов! Зачем ещё ради?

И тебя принимал и крестьянин, и граф,
Ты гулял меж больших акведуков,
И с тобою сейчас гумилевский жираф
Гордо ходит, теряясь в бамбуках.

Расскажи наверху, как живётся у нас,
Порой грустно, порою безбожно,
А бывает смешно, и закончи рассказ,
Что не всё ещё так безнадёжно!

Если что-то про русских тебе наплетут
Иль над нашим народом смеются,
Расскажи, что народ наш воистину крут!
Наши РУССКИЕ ведь не сдаются!

Посмотрел вокруг света ты все те места,

Куда раньше, увы, не доехал,
Чтобы новую жизнь и с пустого листа
Начинать, закрывая прорехи.

Не бери как посмертный пустой комплимент,
Мне отцовские чувства важнее!
Вероятнее, в этот печальный момент
Ты был Богу зачем-то нужнее.

Есть душа – а есть бренность непрочности тел,
И минуя любые преграды
Мы станцуем НАШ вальс, как всегда ты хотел, –
Это свыше благая награда.

Не бери как посмертный пустой комплимент,
Мне отцовские чувства важнее!
Вероятнее, в этот печальный момент
Ты был Богу зачем-то нужнее.

Елена Задорнова

Дочь

2 × 25, или Русский писатель на фоне Рижского залива

Мы с ним тут прыгали в длину. Простой прыжок и тройной – кто дальше. На влажном песке было легко пальцем отмечать результат. С разбега надо было отталкиваться от мокрого песка и в сторону дюн прыгать в сухой, мягкий. А результат отмечать палочкой, положив её на место приземления. Я, занимавшийся лёгкой атлетикой, прыгал дальше, но годы шли, форма терялась, и в одно прекрасное лето он меня перепрыгнул…

Я удивился. «Ну-ка, ну-ка», – сказал я себе и прыгнул изо всех сил. А он опять на полступни дальше. «Да он тут тренировался, пока я отсутствовал, чтобы меня сделать, когда приеду», – подумал я тогда, но промолчал и смирился. У меня вообще характер другой, я предпочитаю состязаться с самим собой. Себя, короче, побеждать. А его стихия как раз наоборот – конкуренция. Ставит он, к примеру, цель, чтобы на его концертах всегда был аншлаг, и эта цель достигается. Ставит цель добиться популярности не меньшей, чем у первых лиц нашей эстрады, и выполняет. И даже ничтожная задача – перепрыгнуть друга Качана – решается до тех пор, пока не решится.

Пару лет назад я тоже решил обрести некое подобие спортивной формы и начал делать гимнастику, двадцать – тридцать упражнений, не важно когда – утром, днём или даже вечером. Получалось, что делаю иногда вечернюю зарядку.

И приехал я тогда в Ригу на гастроли. Поселили нас в Юрмале, прямо на берегу моря. Вышел я к вечеру на берег, народу почти не было, сентябрь, сезон окончен. Но не для меня – когда я ещё сюда попаду? Теперь ведь это чужая страна.

Пункт проката пляжных принадлежностей, как ни странно, ещё работал. Я заплатил один лат и взял белый пластиковый шезлонг. Развернул его к заходящему солнцу, приподняв изголовье, чтобы солнце смотрело прямо на меня, а я прямо на залив. Лёг в шезлонг, солнце медленно падало в залив. «Вот и счастье, – подумал я, – и больше ничего не надо. Я это люблю почти до слез».

Чайки орали, как весенние коты, нагло и призывно. «И по помойкам они роются не хуже голубей», – лениво и некстати проплыла мысль и погасла в красно-зелёно-голубой закатной дорожке от солнца ко мне. Некстати, потому что нечего примешивать к счастью грязные жизненные реалии. Оказывается, в Библии нет такого термина «счастье», а есть «совершенная

радость». Вот-вот, именно так: радость моя была совершенна и спокойна, я чувствовал себя единым – с этими дюнами, соснами, солнцем, морем; я был крохотной и не самой лучшей частью этого пейзажа. Вот так, в совершенной радости провёл я полчаса. Затем решил выполнить долг перед собой и сделать вечернюю зарядку. У моря – что может быть лучше! Когда дошла очередь до приседаний, гармонию природы нарушил неприятный хруст в коленных суставах. Но всё-таки он был не так слышен, как в квартире: море заглушало. «У него-то колени не хрустят», – подумал я не с завистью, а с уважением к физической форме моего друга. Через несколько дней он тоже сюда приехал, и мы встретились на спортивно-пляжном полигоне нашей юности.

…Мы с Владимиром Качаном – сейчас скажу не совсем правильно – прожили очень интересную жизнь (точнее, мы ещё не прожили, но той частью, которую прожили, уже можно гордиться). Почему? Да потому, что мы видели и были знакомы и даже порой дружили с величайшими и талантливейшими людьми эпохи…

Михаил Задорнов

– И как ты себя чувствуешь, – спрашивает он, – на берегу Рижского залива?

– Хемингуэя вспоминаю, «Старик и море»…

– Ну, знаешь, – говорит Задорнов, – и ты не совсем старик, и это не совсем море.

Мы сидим на песке и болтаем. Прыгать будем позже.

– Что это у тебя на руках? Комары искусали? – спрашивает он.

И мы разговариваем о комарах. Я начинаю развивать мысль о том, что рижские и московские комары – модель рижской и московской жизни. Рижские комары никуда не спешат и не суетятся. Они знают, что их терпение и солидное поведение вознаградятся ужином, когда этот ужин заснёт. Они не жужжат над ухом, а пролетают мимо, словно вы их вовсе не интересуете, садятся где-нибудь неподалёку и спокойно и терпеливо ждут. Московские же комары истеричны и суетливы, особенно те, что в центре города. Они даже никуда не садятся, а если садятся, то нервно взлетают при малейшем движении. Борьба за пропитание делает их необыкновенно вертлявыми, их убить почти невозможно, потому что очень трудно попасть. Кроме того, даже один-единственный комар своим судорожным поведением создаёт впечатление, будто их десять. Он противно пищит прямо в ухе именно в тот момент, когда ты засыпаешь, ты в полусне бьешь себя в ухо без всякой, впрочем, надежды на результат; в ухо, конечно, попадаешь, в комара – никогда; и через минуту опять писк и опять нельзя заснуть. В ярости ты включаешь свет и откидываешь одеяло, предлагая комару уже нажраться и успокоиться, не мешать спать. Ан нет! Не садится, гад, боится, его инстинкт выживания и тут побеждает. Они из-за этого инстинкта даже мутировали; ей-богу, я видел у себя на кухне такого комара-мутанта. Он сел на розетку с вареньем, опустил туда хоботок и – что бы вы думали – лопал варенье! Крови им уже мало, им десерт подавай и вообще всё, что можно урвать в наше трудное и для комаров время.

У Михаила глаза загораются. Это же тема! Ну чем, скажите, отличаются комары рижские и московские в своём поведении от людей – рижан и москвичей? Сколько общих черт! А сибирские комары? – развиваем мы тему дальше. Они же кидаются на человека без всякого страха; их совершенно не волнует, будут они убиты или нет. Пикируют и садятся бесхитростно, с простодушной прямотой. О-о! здесь о многом можно подумать.

Мы хохочем и бежим к воде. Мы – те же, что и тогда, нас смешат или печалят всё те же вещи, мы не переменились. Хотя очень многие наши друзья той поры переменились совершенно, почти неузнаваемо. И мы с ними больше не встречаемся.

Поговорили и об этом. Уходил тёплый осенний день у моря, один из последних дней бабьего лета. Вот точно так естественно и печально уходит из твоей жизни чья-то другая жизнь, и ты даже не огорчаешься – всё нормально, так и должно быть. Только почему в уходе лета, человека и жизни есть что-то общее, отчего

ты всякий раз провожаешь лето так, будто видишь себя в этом жёлтом листе, в этих лысеющих деревьях, в этом море, которое всё холоднее, в этом пляже, который постепенно пустеет… Даже тогда, когда тебе двадцать пять, ты всё равно об этом думаешь и пробуешь на вкус у Рижского залива этот опасный коктейль из любви и тоски…

Давайте-ка вместе приедем на Рижский вокзал, сядем в фирменный поезд «Латвия» или «Юрмала» (он уходит чуть позднее) и тронемся в Ригу. Да, кстати, загранпаспорт не забыли? И виза с собой? Ну прекрасно, поехали. Нам сразу подадут знаменитое пиво «Алдарис» или «Алдарис зелта». «Зелта» – в переводе «золотое». Она, Рига, начинается с поезда. И под стук колес я начну рассказывать о том, как мы с Михаилом там жили. А потом мы приедем, и я поведу вас по тем местам, где нам было хорошо, по местам нашей «малой Родины», которая теперь перестала быть нашей Родиной. Нам сказали: «Всё ребята! Это уже не ваша Родина, а наша». Что ж, ваша так ваша, разве мы спорим… Но хотя бы внутренне: в сознании, в душе, да к тому же и в детстве – всё равно наша…

Экскурсия

Обратите внимание на это здание. Перед вами школа, в которой мы учились, 10-я рижская средняя школа с производственным, понимаете ли, обучением. С производственным потому, что это была одиннадцатилетка, и по окончании её я, как и Михаил, получил специальность токаря первого разряда, чуть не оттяпав себе при обучении мизинец кулачком кулачкового патрона. А его будущей жене Велте, учащейся той же школы, повезло стать чертёжницей-деталировщицей, и, если бы не это обстоятельство, не знаю, сумела бы она потом защитить докторскую диссертацию и преподавать в МГУ.

Да и Мишка тоже вряд ли чего-нибудь написал, если бы не стал токарем первого разряда. Однако если бы это было самой большой глупостью в нашей Отчизне, то мы все были бы просто счастливы.

Вот в этой самой школе мы и познакомились с Мишкой. (Поскольку мы с вами поехали в детство, я некоторое время буду называть его так, как тогда.) Мне тринадцать, ему двенадцать лет. Знакомство произошло во время легкомысленной игры в настольный теннис. Он всякий раз рассказывает, что, мол, играли мы в настольный теннис, и я, проиграв, решил взять реванш тем, что спросил: скольких девочек он уже целовал? Зардевшись, он соврал, что одну. На что я с нахальством опереточного любовника якобы небрежно ответил, что у меня, мол, за плечами уже семьдесят пять поцелованных девочек. В каждом новом изложении количество девочек растёт, и на моём бенефисе в театре (а бенефис потом плавно перешёл в выступления друзей) Мишка назвал цифру восемьдесят шесть. Но, согласитесь, сатирик без гиперболы – это хуже, чем песня без баяна, чем ёжик без иголок, чем токарь (даже страшно подумать!) без кулачкового патрона.

А сейчас наш экскурсионный автобус приближается к перекрёстку бывших улиц Кирова, Свердлова и Стрелковой. Налево – Стрелковый же парк. Тут многие места назывались «стрелковыми», очевидно в честь легендарных латышских стрелков, которые помогли Ленину закрепить успех Октябрьской революции. Бывшую улицу Ленина, центральную, разумеется, магистраль города, мы уже проезжали. Через несколько десятков лет потомки латышских стрелков возненавидят тот режим, который их же деды помогали устанавливать, и станут мстить кому ни попадя за своё попранное этим режимом детство. Больше

всех достанется русскому языку, но пройдёт ещё несколько десятков лет, и (где-нибудь в 2030 году) выяснится, что русский язык – как раз то, что следовало сохранить, если ты хочешь остаться в поле мировой культуры. Но это сейчас не важно, и к теме нашей сегодняшней экскурсии отношения не имеет. А тема – «Юность Задорнова и его друзей».

Вот тут, на улице Свердлова, в доме № 4, жил я, а за углом, на улице Кирова, метрах в ста пятидесяти от моего дома, – Миша.

Вот, взгляните направо, на этот красивый дом в тенистой части улицы. Он не просто красивый, он, я бы сказал, элитарный дом. В нём проживал классик советско-латышской литературы Вилис Лацис. Помните роман «Сын рыбака»? Не помните?.. Ну ничего страшного, просто вам придётся поверить мне на слово, что Янис Райнис и Вилис Лацис являлись национальной гордостью Латвии. И только потому, что Мишин папа тоже был классиком (только русско-советской литературы), он и его семья имели право жить в этом, почти мемориальном, доме, в квартире № 1, всегда поражавшей меня своими размерами и солидностью. Потом, когда в России и Латвии победила демократия и обе страны стали свободными, семью Задорновых из этого дома «попросили».

Они познакомились с новым словом «реституция», и знакомство оказалось неприятным. Согласно реституции, некоторые дома возвращались прежним владельцам. Объявился владелец и этого дома. Но, слава богу, к тому времени у Миши была уже возможность переселить семью на новое место. И слава богу, что его отец этого уже не увидел.

Теперь я хочу вам немного рассказать о Мишином отце, Николае Павловиче. Он был лауреатом нескольких Государственных премий и писал хорошо и основательно. Николай Павлович (традиционно для почти всех крупных писателей) не любил истерическую сутолоку больших городов, а любил покой и простор. Всё это было в Риге, поэтому Мише повезло вырасти там, где много воды, зелени и неба, как, впрочем, и вашему экскурсоводу, выросшему там же, но в семье простого русского офицера, или, как сегодня тут принято говорить, – оккупанта.

Теперь мне кажется, как это ни цинично, что нашим отцам отчасти повезло не дожить до того состояния демократии, которое приличные люди называют обыкновенным хамством, а не очень приличные – свободой. Кстати, крылатая фраза Задорнова о «стране с непредсказуемым прошлым» родилась отсюда, из этого детства, из жизни его отца, который ну ничем не провинился перед Латвией, однако был посмертно наказан выселением. Да и

мой отец именовался тут сначала «воином-освободителем» от фашизма, зато теперь он «оккупант», а фашисты, наоборот, – хорошие!

Воспитание, осанка, манера поведения достались Мише в первую очередь от отца. Николай Павлович словно олицетворял собой образ русского прозаика, неспешно и серьёзно размышляющего о жизни и своём месте в ней. Эта стать, эти летящие назад седые волосы, эти очки в тонкой оправе на породистом лице, да ещё – трость, на которой покоится рука, временно отложившая перо, да ещё – честность и высокая нравственность во взоре (именно взор, заметьте, а не какой-нибудь простой взгляд), и в нём к тому же – груз ответственности за судьбу русской литературы на латышской земле – ну всё буквально выдаёт в нём маститого писателя!

Обычно такие лица бывают скучны – именно своей маститостью и назидательностью. Скучные, сановные, добропорядочные лица. Порядочней самой порядочности. Они так и лучатся миссионерским светом.

Всё было бы так, если бы не весёлая лёгкость, потаённое лукавство и даже озорство, поблёскивающее из-под его очков. Они намекали, что всё тут не так одномерно и просто, что он знает гораздо больше, чем показывает, и что этот маститый, казалось бы, реликт всё время слегка потешается над вами и над вашим петушиным максимализмом. Эта догадка обескураживала поначалу, при первом знакомстве, но он всё равно заставлял вас раскрываться дальше, потому что проявлял к вам настоящий интерес, и это вам льстило. Мишин папа проявлял всегда живое, весёлое любопытство к собеседнику и ко всему вокруг, хотя теперь я понимаю, что это не только черта характера, это было важнейшей составляющей его писательской профессии: писатель, наверное, просто обязан быть любопытным и наблюдательным. И точность его, Николая Павловича, наблюдений временами смущала нашу юношескую самоуверенность и наглость. Он специализировался, так сказать, на Дальнем Востоке, именно эта часть страны была местом действия большинства его романов. У всякого маститого писателя имелся тогда свой застолблённый участок, свой писательский ареал.

У Маркова, например, Сибирь, у Задорнова Дальний Восток.

А будущий писатель-сатирик, его сын, живёт себе в Риге, Дальний Восток для него – совсем дальний, он потом только узнает, что его близкий друг Вова родился там же, в городе Уссурийске. И спустя полжизни Миша будет ставить памятник отцу на Дальнем Востоке, на берегу реки Амур, и Дальний Восток, таким образом, объединит нас всех снова. Я уже говорил, что в

судьбе ничего не бывает случайным, надо только уметь это замечать.

А сейчас вернёмся чуть назад, к перекрёстку и Стрелковому парку.

После уроков, домашних заданий, тренировок, став на пару часов свободными, мы встречались вот на этом углу Свердлова и Кирова и шли в Стрелковый парк гулять. Угол Свердлова и Кирова у всех мальчишек нашего района назывался «пятак»; именно на «пятаке» назначались встречи, нередко там вспыхивали драки, но, замечу, никогда не было драк русских с латышами, да и латышский язык мы учили вполне добровольно с четвёртого класса, справедливо полагая, что надо знать язык и культуру того места, где живёшь. Я даже теперь могу кое-как объясниться на латышском языке, а тогда даже разговаривал.

Наверное пытаясь изо всех сил освободиться от пут этой застенчивости, мы иногда пускались в совершенно наглые авантюры, которые можно было бы квалифицировать только статьёй «хулиганство»…

Сейчас будет набор существительных, которые для многих –

ничто, а для нас с Михаилом – всё, быть может, даже лучшая часть жизни; и минимум остальных слов, которые тоже могут вдруг понадобиться…

Итак: парк, старые деревья, канал, по берегам заросший ряской, лебеди на нём, кем-то построенный домик для лебедей, в котором ни один уважающий себя лебедь жить не станет (Задорнов потом расскажет об этом домике на концерте, добавив, что на нём висела табличка: «Посторонним вход воспрещён». И с соответствующими комментариями типа «Посторонним лебедям?..» или «Кому придёт в голову ползти в этот домик?». Я, честно говоря, этой таблички не помню, но органичный симбиоз увиденного, а затем доведённого до маразма – всегда был одним из его основных приёмов). Ну, дальше… Беседка у канала, каменные ступени, слегка тронутые мхом, – вниз к воде; фонтан в глубине парка, никогда не работавший, в виде какого-то каменного идола (у него изо рта должна была бить струя, но я это видел только один раз в жизни); скамейки, на которых тогда ещё ни один балбес не увековечил своё имя; первые поцелуи на этих скамейках со школьными же девчонками – скромный и целомудренный, я бы сказал, сексуальный опыт. Нежность, романтизм, сентиментальность, которые было стыдно выразить. Тени, фонари, запах сирени, стихи, готовность № 1 к любви, которой пока всё не было; мучительный и ложный стыд оттого, что выгляжу не так, говорю не так, беру за руку не так, может быть, не нравлюсь, а навязываюсь… Словом (процитируем ещё одного эстрадного автора), «я не умею понять, я не умею обнять». Только в его песне как-то не сквозит желание научиться обнять, а вот у нас сквозило, да ещё как! Кстати, наверное пытаясь изо всех сил освободиться от пут этой застенчивости, мы иногда пускались в совершенно наглые авантюры, которые можно было бы квалифицировать только статьёй «хулиганство».

Однажды Задорнов был переодет в девушку: ему был сделан соответствующий макияж (сестра Мила помогала), были надеты чёрные чулочки (не колготки, замечу, так как это потом сыграло свою роль), подобраны туфли на высоком каблуке (он в них едва втиснулся) и даже какая-то ретрошляпка с вуалеткой.

И пошли мы по улице Кирова к улице Ленина, то есть к самой центральной улице во всех городах страны в то время.

Сценарий поведения был неясен: помню, мы должны были изображать ссорящуюся пару, а дальше – как пойдёт. Моя роль была попроще, я всё-таки изображал юношу, а значит, в некотором смысле был ближе к себе; Мишке же было сложнее: туфли жали, навыка хождения на высоких каблуках не было, кроме того, перед ним стояла нелёгкая задача свой ломкий

юношеский баритон каким-то образом превратить в девичий щебет. Единственным способом, известным нам, было перейти на дискант; это звучало фальшиво и визгливо, но, как ни странно, работало на образ, придавая ему омерзительный оттенок капризности, склочности и вульгарности. Таким голосом можно и нужно ругаться на базаре. В создаваемом наспех образе угадывалась стерва…

И вот пошли… Кстати, о «пошли». Мало того что туфли на высоком каблуке, мало того что они жали, он ведь пытался ещё при этом изобразить женскую походку. Поэтому, почти хромая, не забывал развязно вихлять бёдрами и в манере вокзальной шлюхи мне что-то выговаривать. На нас стали обращать внимание мужчины, вернее – на «неё». Они, видимо, думали, что «она» сейчас со мной поссорится и тут они её, тёпленькую, и возьмут. Поэтому некоторые встречные мужчины просто разворачивались и шли за нами, вожделенно глядя на задорновские ножки. Положение становилось критическим, игра зашла далеко. А тут у него ещё и чулок спустился. Становилось совсем конфузно. Шмыгнув в ближайшую подворотню, Мишка задрал юбку и стал поправлять сползающий чулок. Это была уже откровенная эротика с точки зрения трех-четырёх мужчин, как бы невзначай остановившихся возле. Но один из них, самый наглый, подошёл поближе, чтобы лучше видеть. Тут бы мне, наконец, вступиться за честь «дамы», но Задорнов меня опередил. Он к этому времени уже «закипал». Швырнув подол юбки на место, он нарочито косолапо пошёл на эротомана и, возвращая голос в привычный регистр, этак баском рявкнул ему: «Чё те надо? Чё те надо? Я вот тебе щас как дам! Пшёл отсюда!»

Надо было видеть лицо того мужика. Отвисшая челюсть и выпученные глаза человека, который почувствовал, что вот именно сейчас он сходит с ума, что поехал чердак, который он никак не может удержать на месте. Он тряс этим чердаком и пятился от Задорнова, как от привидения. Наверно, бедный, долго потом на улице к девушкам не подходил. Но и это ещё не всё. Надо было возвращаться домой. И быстро. С чулком отношения не налаживались. Поэтому обратный путь мы проделали бегом, не придумав ничего более изящного, чем пустив меня впереди, а его (её!) – сняв туфли, в одних сползающих чулках – за мной с визгом: «Когда, сволочь, будешь алименты платить?!»

Простим юношам сомнительный характер этой шутки и не будем забывать, что начинающие сатирики почти всегда шутят грубовато, а это был всего-навсего тест на преодоление застенчивости. Я подозреваю теперь, что в отношениях с

девочками именно это было основным, а не сами девочки. Поэтому любовь школьная была похожа на самовнушение и накручивалась воображением. И только для того, чтобы она увлеклась, произнесла слова заветные, чтобы совершился акт самоутверждения, чтобы понять, что я в этом вопросе – не последний, что я могу нравиться и даже, возможно, быть кем-то любимым, пусть даже на уровне слов, но главное – вырвать признание. То есть, получается, и это носило спортивный характер, всё было в одном ряду: перестать быть толстым, перепрыгнуть всех, быстрее всех пробежать, а также покорить девочку, и хорошо бы – не одну.

Райтер – Задорнов

Настоящая фамилия Михаила Задорнова – Райтер… Ну-ну, расслабьтесь, господа сионисты и, наоборот, антисемиты: это всего лишь шутка, имеющая, однако, реальную жизненную почву.

Однажды на съёмках одной ТВ-передачи о книгах, которая осуществлялась почему-то в ресторане, к Задорнову подошла хозяйка этого заведения, крутая дама лет сорока – шестидесяти, улыбнулась, сверкая всем золотом своих зубов, и попросила автограф. У Михаила ничего не было с собой, кроме визитной карточки, отпечатанной с одной стороны на английском языке. На этой стороне он и расписался.

– А что тут написано? – спросила крутая дама, желая хоть ненадолго продлить знакомство с кумиром своих телегрез.

– А-а, тут по-английски, – рассеянно глядя по сторонам, сказал Михаил.

– А что по-английски? – кокетливо брякнула золотой (опять же) цепью дама.

– Ну… Задорнов, райтер…

Дама оцепенела.

– Как Райтер? – потрясённо прошептала она.

– Вот так. Райтер. Писатель, значит.

– Я понимаю, что писатель. Кто ж не знает, что вы писатель. Но простите… ваша настоящая фамилия – Райтер? – Тут она совсем перешла на шёпот, вероятно чувствуя себя сейчас резидентом, напавшим случайно на важную государственную тайну. Она округлившимися глазами таращилась на Задорнова, а затем, быстро оглянувшись, напряжённо и тревожно спросила:

– Вы еврей?..

– Да нет же, – терпеливо объяснял тот, – «райтер» по-английски – писатель. Вот тут так и написано: «Zadornov. Writer».

Но дама, распираемая изнутри сенсацией, понимать не желала. «Шо, я не понимаю? – сияло на её счастливом лице. – Мы ж свои люди. Задорнов – это для конспирации, а Райтер – это настоящее».

– Так вы не еврей? – уточнила она с лукавством, означавшим, что, мол, меня вы можете не стесняться, говорите, что вы эскимос, я поверю. Задорнов уже начинал злиться, и она это увидела.

– А выглядите вы всё равно хорошо, – сказала она и отошла.

Михаил только руками развёл. «Никогда наша страна не оскудеет идиотами», – вспомнили мы тогда фразу Александра Иванова, ведущего телепередачи «Вокруг смеха», с которой началась задорновская слава. Наши идиоты и их идиотства –

питательная среда для всех писателей-сатириков, и Задорнов тут не исключение. Но он умеет все эти идиотства подмечать и выявлять так, как мало кто умеет, поэтому его слава заслужена и персонифицирована: его интонации, его сарказм ни с чем не спутаешь. Как никто он умеет сделать из политика болвана (впрочем, и наоборот тоже); и совсем не случайно его слава достигла апогея именно в тот момент, когда наша знаменитая перестройка достигла, в свою очередь, абсурда. Он этот абсурд угадал чуть раньше, чем тот фактически состоялся. Это, кстати, у него часто бывает. «Прогноз» Задорнова часто сбывается, и это даже несколько страшновато. А в пик абсурда перестройки он увенчал его, как ёлку верхушкой, своим поздравлением с Новым годом всего постсоветского народа. В полночь. Вместо президента. По телевизору и радио, под бой кремлёвских курантов.

– Страна дошла, – шутил он тогда, – сатирик вместо президента.

Однако не дошла. Всё доходит и доходит… Причём веками. И это – неисчерпаемый источник вдохновения нашего героя.

Вообще президентам от него достаётся сильно: и старым, и новым, и, по-моему, даже будущим; причём тогда, когда это вроде как нельзя и уж во всяком случае опасно.

Это потом редко кто не пинал М.С. Горбачёва, не понимая, что служит живой иллюстрацией к басне Крылова о поверженном льве и об осле, который с наслаждением вчерашнего раба его лягает. Однако пока он был не повержен, пародисты и сатирики язвили и пародировали только по своим кухням, а Задорнов уже делал это на огромных концертных площадках, о чём, наверное, жалеет сейчас, ибо Михаил Сергеевич выглядит сегодня рафинированным интеллигентом по сравнению с некоторыми действующими императорами политики и экономики. Ну что же, над ними он смеётся сейчас, и опять, как правило, начинает это первым, а все остальные собратья по цеху уже потом легко скользят по проторенной им, Задорновым, лыжне. В нём есть и отвага, и злость.

Мне известны все раздражения и недовольства по его поводу со стороны некоторых патриотов «чистого» искусства и литературы. Я слышал от них, что он, мол, работает на потребу публике, что временами опускается до пошлости и т. д. и т. п. У меня только одно возражение: эта «публика» составляет сейчас 99 % населения, и надо это признать, успокоиться и перестать кичиться тем, что ты наслаждаешься музыкой Шнитке и перечитываешь ночами Шопенгауэра. И для этих 99 % кто-то должен что-то делать. Правда, тут есть нюанс… Если уж ты

заставил слушать себя всю эту публику всеми средствами, имеющимися в твоём распоряжении, даже животным хохотом над сомнительными шутками, дальше ты не имеешь права не делать хотя бы попыток лечения их вкуса и нравственности; не имеешь права продолжать кормить их только тем эстрадным попкорном, к которому они уже привыкли и глотают не разжёвывая.

Так вот, Задорнов эти попытки делает. В каждом его концерте есть два-три момента, когда он всех подводит к зеркалу и заставляет посмотреть на себя если не с отвращением, то с испугом. Можно винить всё и всех вокруг, но это путь тупиковый. Надо учиться спрашивать с себя. И он эту простую, но крайне важную мысль старается постоянно внушить залу, который с изумительным даже для русского человека мазохизмом ржёт над тем, что он глуп, жаден, необразован и бессовестен. Что вы думаете, Задорнов не знает, где он заигрывает с залом? Знает, уверяю вас, он ведь дома Толстого читает, а не Маринину, но он большой хитрец и хорошо понимает, что с этой публикой разговаривать на санскрите бессмысленно; им надо по-русски и так, чтобы они хоть что-нибудь поняли.

Кроме того… Внимание! Сейчас я открою вам одну страшную тайну, но это будет строго между нами: Задорнов сентиментален. Только тайной склонностью к сантименту можно объяснить ту самую встречу с одноклассниками, которую он организовал. А весь его цинизм – это не только отрезвляющий душ для лоха, но и горькая, проверенная опытом убеждённость в том, что патриотический пафос наших руководителей, бесконечные вскрики о том, что надо в очередной раз спасать Россию, – блеф и прикрытие. Задорнов знает, что спасать надо себя каждому, персонально; он знает и не понаслышке, что всякая большая политика – это как раз и есть настоящий, беспредельный цинизм; а его личный цинизм заключается в единственном правиле, которым он руководствуется и которое его никогда не подводило. Что бы ни произошло вокруг, Задорнов ищет ответ на простой вопрос: где бабки? У кого и в чём денежный интерес, кто в результате хапнет: войны ли это в Чечне или Югославии, финансовый ли кризис или смена правительства – Задорнов задаёт себе вопрос: «Кому выгодно? Кто хапнет?» – и, как правило, находит на него ответ. При этом мало кому известно, что у Задорнова есть простые и совсем не весёлые рассказы о нашей жизни, не содержащие ни одной эстрадной репризы, и что они до сих пор мирно лежат в ящике его письменного стола. Читает со сцены он совсем другое, популярность зарабатывает совсем другим и побаивается, что вдруг кто-то обнаружит его добрым и нежным. Если это кто-то из близких и заметит, он

смущается и быстро меняет тон или переводит разговор в совершенно другое русло. Нежность и цинизм, лирика и холодная жёсткость, сонет и фельетон, красный перец с тортом, Онегин и Ленский в одном лице – вот двуликий портрет Задорнова. Его телевизионный образ и лирическая суть однажды комично столкнулись на Пасху несколько лет тому назад. «Пойдём на крестный ход», – однажды предложил он, и мы пошли. Семьями. Пошли к храму в центре, на улице Неждановой. Когда подошли, у него тут же родилась первая фраза юмористического рассказа: «На крестный ход собралась вся тусовка». И действительно, кого там только не было, кто только не почтил своим присутствием Воскресение Спасителя! Народу было – тьма!

Нежность и цинизм, лирика и холодная жёсткость, сонет и фель етон, красный перец с тортом, Онегин и Ленский в одном лице – вот двуликий портрет Задорнова.

Религия в тот год входила в моду. Наши новые предприниматели стали регулярно посещать церкви. Не только в праздники, но и в будни. С охапками самых толстых и дорогих свечей они метались от иконы к иконе и перекрикивались между собой, как на базаре, внося в почтительную и интимную тишину храма чужое и непривычное. Чёрные кожаные куртки и спортивные штаны были для них почти униформой.

– Эй, Руслан, Руслан! – кричала из-под алтаря одна кожаная куртка другой. – Где ему-то поставить?

– Чего поставить? – громко отвечал Руслан, подтягивая

спортивные штаны у иконы Божьей Матери.

– Да, свечи, ё… твою мать. Извините. – Последнее – то ли иконе, то ли людям вокруг.

– Щас узнаем! Командир, – это уже проходящему мимо человеку в рясе, – командир, где, это самое, ну, поставить?

– Кому? – кротко улыбается священник.

– Ну кому-кому. Самому!

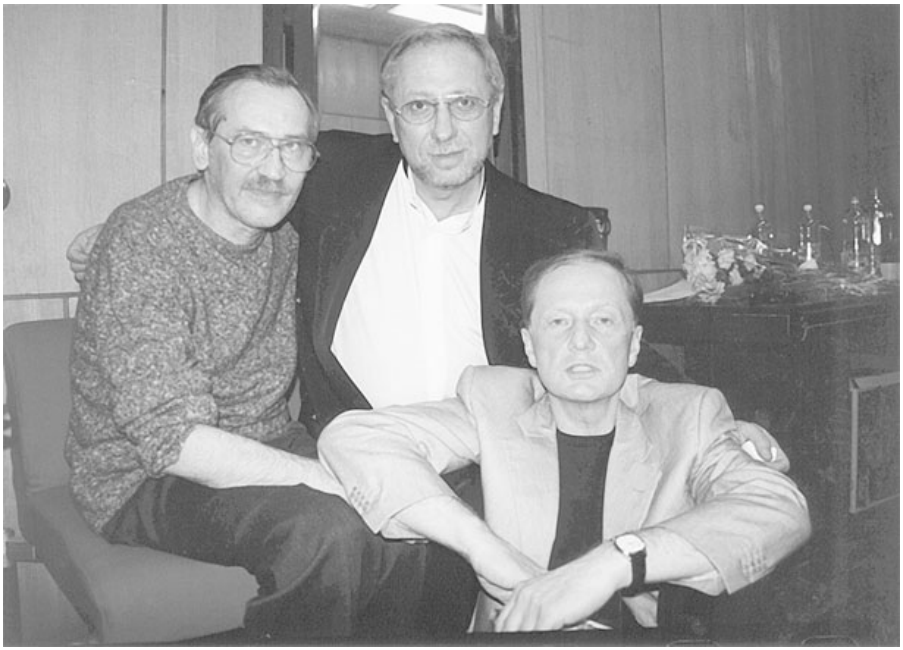
– Спасителю? – догадывается тот.

– Во-во, ему!

Священник показывает, и они водружают куда надо свои толстые свечи, гася и выбрасывая маленькие, которые им мешают, и даже их свечи кажутся какими-то наглыми и беспардонными. Продаёт же церковь свечи и за три рубля, и за пятьдесят рублей, хотя перед Богом все равны. Но кожаная братва об этом равенстве не знает, они думают, что если Ему поставить самые дорогие свечи, то Он это оценит и простит то, что им там надо простить. Хотя они не прощения просят, они просят другое – успеха в своих делах, относясь к Богу, как к таможне, с которой всегда можно договориться.

Да, посетить церковь тогда стало так же жизненно важно, как демонстрацию новой зимней коллекции Валентина Юдашкина, а ещё лучше – посетить престижную церковь, в которой появляются первые лица страны вместе с патриархом. Надо было не святиться в церкви, а светиться, засвечиваться, чтобы тебя там все видели время от времени. И похоже, что всю эту фантасмагорию, всю эту пародию на самое себя наша сегодняшняя церковь заслужила, да и мы, конечно, вместе с ней. Поэтому и мелкое событие перед не самым, но всё-таки вполне престижным храмом на улице Неждановой обрело черты пародийности, тем более что центральной фигурой этого события был Михаил Задорнов.

Итак, мы стоим в центре действительно тусовки. И Юдашкин, с которым наш герой знаком, – тут же. А рядом стоят, видимо, несколько его моделей в длинных платьях «от купюр» (эту полную изящества оговорку я придумал специально для вас). Вся прилегающая к церкви территория забита «мерседесами», «ауди», «вольво» и прочими средствами передвижения наших бизнесменов. Сами они, разумеется, тоже тут. И телохранители их, а как же! У всех сотовые телефоны, кое-кто по ним разговаривает: праздник праздником, но и дела не стоят: пропустишь пару звонков сегодня – завтра пропустишь пару миллионов, уйдут в другие руки. Поэтому жизнь кипит!



Концерт под названием «На троих». В самом начале Задорнов представлял Филатова, который был на тот момент уже тяжело болен, и Леонид читал что-то из недавно написанного. Потом уходил, провожаемый овациями благодарной публики. Вслед я, словно продолжая его теперь уже незримое присутствие на сцене, пел песни исключительно на его стихи. Так заканчивалось первое отделение, а всё второе брал на себя Михаил Задорнов, который и тогда был настолько популярен и любим публикой, что вторая часть концерта шла легко и радостно…

А крестный ход между тем начался. В шествии вокруг церкви, со свечами в руках узнаваемые лица известных актеров,

политических обозревателей Центрального ТВ и даже членов Государственной думы. Они приветливо здороваются со всеми, кого узнают в толпе, как и на любом светском приёме. И только льющийся сверху перезвон колоколов напоминает о том, чей всё-таки сегодня день. Возле нашей группы уже довольно долго топчется пожилой нищий, совсем пьяный. Задорнов достаёт бумажник и вынимает оттуда пятьдесят тысяч – самая крупная купюра в то время. Быстро суёт её нищему и говорит: «На. Ну всё. Иди, иди». Без брезгливости, а я бы даже сказал, с этакой суровой жалостью Салтыкова-Щедрина нашего времени. Нищий не уходит, держит бумажку обеими руками, догадываясь, что это много, и ещё не веря своему счастью. «Ну иди, давай, иди, – опять повторяет Миша. – Больше нету. Иди». Да какой там – больше! Нищий глядит на купюру и различает на ней цифры. Ясно, что никто и никогда ему столько не подавал, и он, потрясённый, начинает медленно поднимать глаза от банкноты к лицу подавшего, чтобы посмотреть, что за благодетель такой отыскался, и тут… узнаёт. Задорнова в это время по телевизору – столько, что если он, телевизор, у нищего есть, то не узнать сейчас сатирика, даже будучи пьяным в хлам, невозможно. А телевизор у нищего, выходит, был. И он вдруг падает на колени перед Михаилом, крича на всю площадь: «Спаситель ты мой! Артист знаменитый!» И его крик, его слова неудобны и почти оскорбительны, хотя он хотел как лучше, это были самые высокие слова, которые он знал. Но обозвать писателя ничтожным именем «артист» – неправильно и неудачно, это во-первых. А во-вторых, кричать в апогее Пасхи слово «спаситель» и адресовать его не виновнику торжества – это уж и вовсе не прилично. Но нищий не унимается. «Какое счастье, – кричит, – что такой человек… заметил меня… помог! Да я своим детям по гроб буду рассказывать!» и т. д., и т. д.

Задорнов совсем смущён и к тому же видит мою реакцию на всё это дело, а какая у меня ещё может быть реакция, я, понятное дело, хохочу, закрыв лицо руками. А нищий тем временем ловит руку Задорнова с целью поцеловать. Миша отдёргивает руку, краснеет и злится. Вот тут его цинизма не хватает, чтобы довести всю ситуацию до привычного ему абсурда. Если бы он спокойно дал нищему поцеловать свою руку, а затем осенил его крестным знамением, образовалась бы вообще законченная картина «Явление Задорнова народу» и вполне логично финальным штрихом завершила бы всю эту карикатурную бесовщину. Вот уж воистину ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным…

Однако его порыв сделать очередное маленькое добро, а затем явное смущение, даже с временной потерей чувства юмора,

от изъявления такой страстной благодарности – это скрытая от телевизионных камер и, может быть, даже лучшая часть его натуры. Лучшая, потому что стыд или порыв к добру – качества, которые сам Спаситель, надо думать, не осудил бы. А уж ничтожное расстояние между высоким и смешным у нашего паранормального населения Он, вероятно, уже давно заметил. У нас больше всех денег на открытии храма Христа Спасителя собрал, говорят, один наглый, но остроумный нищий, который повесил на грудь табличку: «Жертвуйте на восстановление… бассейна “Москва”».

Владимир Качан

Актёр, музыкант, писатель

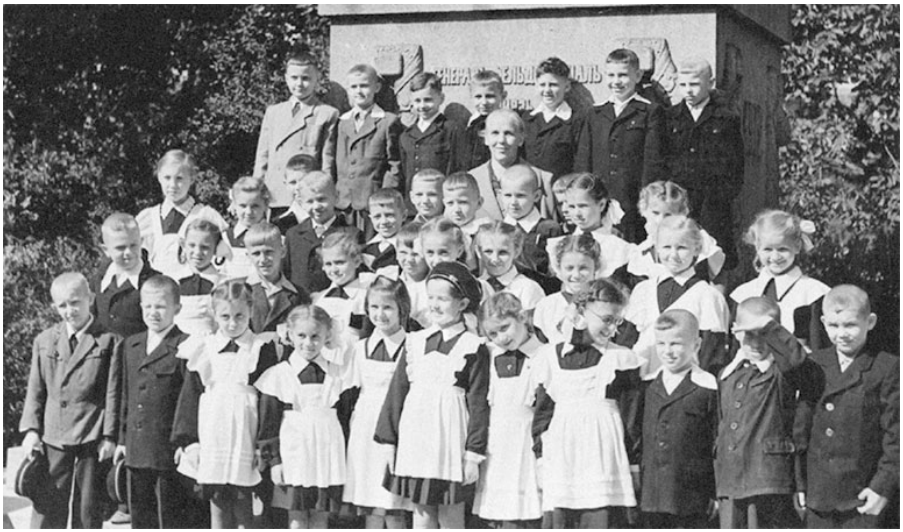
Одно детство на двоих…

Детство – поразительный отрезок человеческой жизни. Уж если что-то закладывается в душе, в сознании, в памяти, а ещё загадочней и всегда без расшифровок – в подсознании, то человек живёт с этим всю жизнь. Ладно, живёт. Подчас детство определяет взрослые поступки, подчас якобы неосознанный выбор, подчас будоражит совесть, если тебя вдруг ведёт явно не в ту степь… и волоком – в другую сторону.

Недаром Христос сказал – «не будете как дети – не войдёте в Царство Божие». Не «детьми» оставаться, а хранить это уникальное «здесь и сейчас», которое подвластно только ребёнку, и быть верными своему детству. С возрастом человеку дано порой с горечью осознавать, как много упущено из того, что сулило щедрое детство. Но, наверное, это не так. Всё заложено в человеке на разных уровнях глубины. Как драгоценные полезные ископаемые. Что-то легко достаётся с поверхности, а над чем-то надо ох как потрудиться. Говорят, это больно, когда вызревает душа. Но не было бы брошено зародыша в детстве – нечему было бы вызревать. А насчёт того, что упущено… Возможно, намного важней, кем ты НЕ СТАЛ, чем то, кем СТАЛ. Это НЕ СТАЛ богаче и содержательней состоявшегося, воплощённого, как недоговорённость всегда богаче сказанного, как незавершённость загадочней и таинственней результата…

Детство всегда отдаёт и никогда не забирает. Как часто ребёнок, сам не понимая почему, вдруг начинает горько рыдать, когда не он сам, а кто-то рядом разбивает коленку. Не понимает, просто ревёт, а в душе в этот момент формируется, вылупляется великое человеческое свойство – сострадание. В том, что все мы родом из детства, совсем недавно убедилась, когда «разбила коленку». Муж в больнице, сын в полной запарке на работе, у дочери – пятимесячный малыш на руках, – а мне надо лететь в Томск на празднование столетия отца, и что-то придумывать, и что-то организовывать. И тут, как по мановению волшебной палочки, звонок из нашего общего московско-рижско-коктебельского детства. Прозвучал он аж в четыре утра, я схватила мобильник, понимая со сна, что в такое время ничего хорошего быть не может. Но ошиблась. Услышала опять же со сна не узнанный, но знакомый голос: «Привет! Ну ты хоть понимаешь, что всё только начинается?!» Я хрипло промычала, что сплю и ничего не понимаю. Голос извинился и сообщил, что перезвонит утром. Когда, проснувшись, я глянула на дисплей мобильника, то увидела: «Миша Задорнов». Ну да, вот так и живём. Не видимся

месяцами, а потом, как почувствуешь себя в плену у детства, тут уж не до времени суток – всегда остро и безотлагательно. Миша извинился за ночной звонок, выслушал мой вопль по поводу возникшей ситуации с юбилеем отца и без паузы для обдумывания заявил, что всё берёт на себя и надо срочно встретиться. Я положила трубку, и мысли мои унеслись в коктебельскую бухту, где мы с Мишкой пытались выжить, попав в шторм на взятой напрокат лодке. Так как детям лодки не выдавались, мы подговорили отдыхающего в Доме творчества писателей студента, который взял напрокат лодку и отогнал её в Лягушачью бухту. Там уж мы сами сели за вёсла. Когда лодка оказалась далеко в море, небо внезапно насупонилось, набрякло, вода стала сизой, по ней пошла рябь, а потом и волны. Нас относило всё дальше от берега. Мы гребли изо всех сил, но начинавшийся шторм уже кидал нас как щепку. Мы тогда поняли, что наша преждевременная кончина практически неизбежна. Одновременно оба уцепились молящим взглядом за единственное лицо, которое взирало с Кара-Дага. Каменный профиль Пушкина как всегда священнодействовал над морем… Минуту спустя сквозь наши дикие вопли прорезался звук мотора. Спасатели выловили нас из залитой до краёв лодки и доставили на берег…



Подчас детство определяет взрослые поступки, подчас якобы неосознанный выбор, подчас будоражит совесть, если тебя вдруг ведёт явно не в ту степь… и волоком – в другую сторону

И вот теперь, в преддверии юбилея моего отца, я в очередной раз убедилась, что и один в поле воин, если он – Задорнов. Миша так деятельно включился в подготовку томских юбилейных торжеств, что трудно назвать событие в той программе, к которому он не приложил бы руку. А большинство этих незабываемых для томичей и для нас событий он сам и организовал от начала до конца. Помню, томские чиновники промолчали и опустили очи долу, когда Миша заговорил с ними о необходимости восстановления сгоревшего дома семьи Марковых – дома, в котором в поздние советские годы был филиал краеведческого музея – настоящая изба сибирского охотника-промысловика, моего деда.

По его инициативе в Томске и сельских школах Томской области был проведён конкурс на лучшее сочинение по темам, связанным с творчеством моего отца. Перечитанные Мишей романы Георгия Маркова «Строговы», «Сибирь», «Отец и сын» превратились в соцветье интереснейших вопросов литературной викторины и тем для сочинений. А победителей сам Задорнов награждал книгами и первыми творческими гонорарами в конвертиках. Всё это было проведено и организовано на его личные средства, а концерт в областной филармонии в Томске – по льготным билетам в память о томиче Георгии Маркове. Конечно же, зрители пришли «на Задорнова». Но и об этом Миша подумал, сказав в начале концерта самые тёплые и задушевные слова о моём отце и о своём посвящении сегодняшнего вечера его

памяти. До сих пор для меня совершенно непостижимо, каким образом ему удалось всё так стремительно и чётко осуществить.

Одна беспардонная мадам из местной администрации вдруг задала мне вопрос:

– Скажите, пожалуйста, а почему Михаил Николаевич так… ну, что ли, старается? Вас что-то связывает?

– Ещё как! Одно детство на двоих.

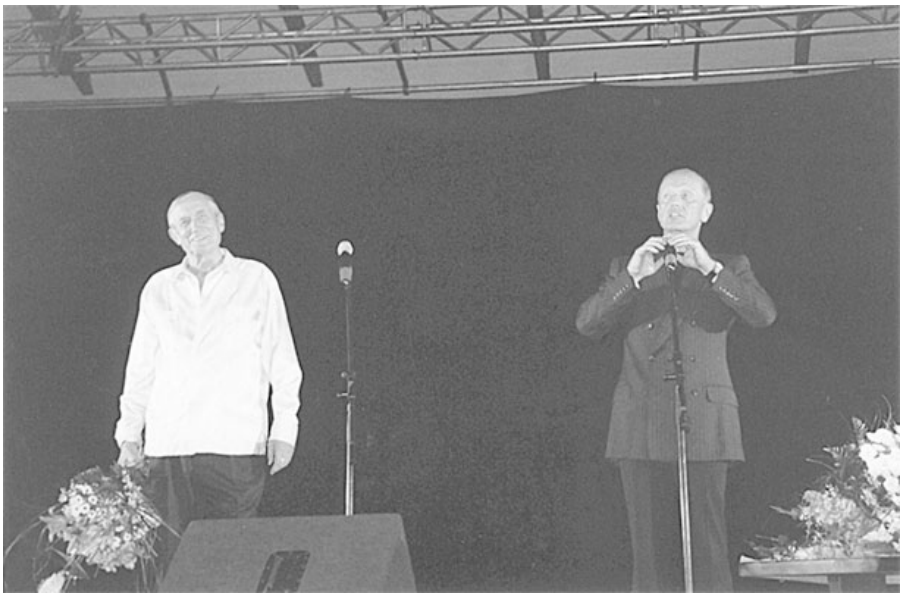
– Ну-у, – недовольно протянула мадам и притушила нездоровый плотоядный блеск в глазах, – это же дела давно минувших дней…

– Для кого как! Так что сожалею, что не оправдала ваших ожиданий. Никакой любовной подоплёки, совсем-совсем другой мотив. И конечно, родители. Наши отцы дружили. И это тоже – не кот чихнул! Тот самый фундамент и то, что не ржавеет…

Миша присвоил русской библиотеке, которую открыл в Риге, имя Николая Павловича Задорнова – замечательного русского писателя, своего отца. Около входа в библиотеку, расположенную на первом этаже изысканного старинного дома в центре Риги, очень часто стоит очередь людей, пришедших поменять книги. В библиотеку – очередь! И это в век диктатуры Интернета. Оказывается, подержать в руках книгу – пошуршать страницами, полистать, понюхать следы типографской краски и бумаги – не до конца зарытое и похороненное чувственное блаженство. По мне, так с детства запах книги дороже и изысканней всех шанелей и диоров. Но самое удивительное, что в очереди в библиотеку среди молодых, совсем юных, среднего возраста, пожилых было много латышей.

Мне тогда вспомнилось – когда митрополита Сурожского Антония, сына русских эмигрантов первой волны, принёсшего православие на Британские острова, спрашивали, чем было заполнено его парижское детство 1920-х годов, он отвечал: «Я был страстно русским». XX век не раз разломил русский мир. После двух волн русской эмиграции пришёл 1991 год – возникло «ближнее зарубежье». В эмоциональной памяти, в историко-генетическом кровотоке нескольких поколений подданных «красной империи», оказавшихся гражданами «ближнего зарубежья», произошёл травмирующий сбой. Словно причудливая сеть кровеносных сосудов перестала доставлять кровь к русскому сердцу – «русскому» не в смысле национальности, а в том смысле, что бьётся это сердце ритмами русской культуры. Этому сердцу срочно потребовалась донорская кровь. И Миша Задорнов стал «донором», тоже – на совсем новом витке русской истории – «страстно русским». В обстоятельствах, которые больше всего способствовали разрыву связей, стал эти связи восстанавливать.

Он создал встречное течение – русский мир за пределами России. Ещё в советское время академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв называл «последними святыми на Руси» представителей двух самых альтруистических профессий – библиотекарей и архивистов, сшивающих разрываемую ветрами исторических смут ткань культурной памяти поколений.



У Евгения Евтушенко есть строчки: «Уходят люди, их не возвратить, их тайные миры не возродить». Рижские школьники, воодушевлённые Михаилом Задорновым, возродили в своих сочинениях память… И сам Миша был уверен – сохранят и передадут дальше

Описать рижскую библиотеку им. Н.П. Задорнова совершенно невозможно. Там надо побывать. Одно хочется сказать. Там, в этих просторных помещениях за толстыми старинными стенами – весь мир классической литературы. Вся выдающаяся современная русская и зарубежная проза и поэзия. И невероятная атмосфера любви. Каминный зал для встреч и общения, огромный экран для просмотра фильмов. И тёплое внимание «последних святых на Руси»… На прощание мне подарили несколько книг. Одна из них – уникальная и по идее и по воплощению. Называется – «Книга памяти правнуков победы». Читаем оглавление: «Военное детство моей бабушки» – ученица 6-го класса Алиса Кислицкая, «Моя няня – бабушка Шура, – герой!» – ученица 5-го класса Кристина Доценко, «Письмо моему прадедушке» – ученица 11-го класса Екатерина Ткачёва, «Мои прадеды защищали Ленинград» – ученица 8-го класса Надежда Левит… И десятки других,

пронзительных, трогательных детских рассказов о семейных преданиях военных лет. У Евгения Евтушенко есть строчки: «Уходят люди, их не возвратить, их тайные миры не возродить». Рижские школьники, воодушевлённые Михаилом Задорновым, возродили в своих сочинениях память… И сам Миша был уверен – сохранят и передадут дальше.

На последней страничке вынесенных мною из библиотеки книг красуется штемпель: «Украдено в библиотеке им. Н.П. Задорнова». Ну, конечно… Если вдохновитель всего – писатель-сатирик.

Екатерина Маркова

Подруга детства

О Мише Задорнове

Миша учился в школе, в которой я работала и преподавала ему географию с 5-го по 11-й класс. Учился он хорошо, особенно ему нравилась физическая география. Он легко и быстро ориентировался по карте, знал все высочайшие вершины гор и вулканы, в том числе и труднопроизносимый Попокатепетль в Кордильерах, а став взрослым, даже поднимался на некоторые из них – например, на Камчатке покорял гору Тятя, а с Везувия любовался панорамой Неаполя. У него была отличная память, поэтому с названиями и терминами проблем не возникало.

Миша не был отличником, но по всем предметам учился хорошо, знания его были твёрдыми. Очень любил задавать вопросы «где?», «почему?», в том числе и шутливые. Скажем, я показываю на карте полуостров Ямал, а он спрашивает: «А где Большой?» Или горы Памир, «крышу мира», а он: «А что на крыше?» На Памире пик Ленина. «А где пик Сталина?» Он был остроумным, находчивым мальчиком, любил шутить, и этому его умению завидовали многие.

Миша не был отличником, но по всем предметам учился хорошо, знания его были твёрдыми. Очень любил задавать вопросы «где?», «почему?», в том числе и шутливые. Скажем, я показываю на карте полуостров Ямал, а он спрашивает: «А где Большой?»

Миша не был рядовым учеником, его знала вся школа, потому что ни одно внеклассное мероприятие не проходило без

его участия, особенно спортивные состязания. Он был чемпионом школы по прыжкам в высоту, участвовал в городских соревнованиях по ручному мячу, очень любил теннис и увлечённо занимался им.

Из всех школьных кружков больше всего он любил драматический, где исполнял самые разные роли, но особенно хорошо ему удавались комические персонажи. Его даже хвалил актёр Рижского русского драматического театра Домбран, который приходил на репетиции и помогал с постановкой пьес. Этот школьный опыт пригодился Мише позже в организации студенческого театра в МАИ, с которым он объездил многие города, побывал на стройках Сибири, на Дальнем Востоке, Камчатке, Крайнем Севере и в других местах.

Миша был увлекающимся юношей, хотел многое узнать, посмотреть, и поэтому много читал и путешествовал. Он был компанейским человеком, заводилой, и среди сверстников пользовался не просто уважением, а любовью.

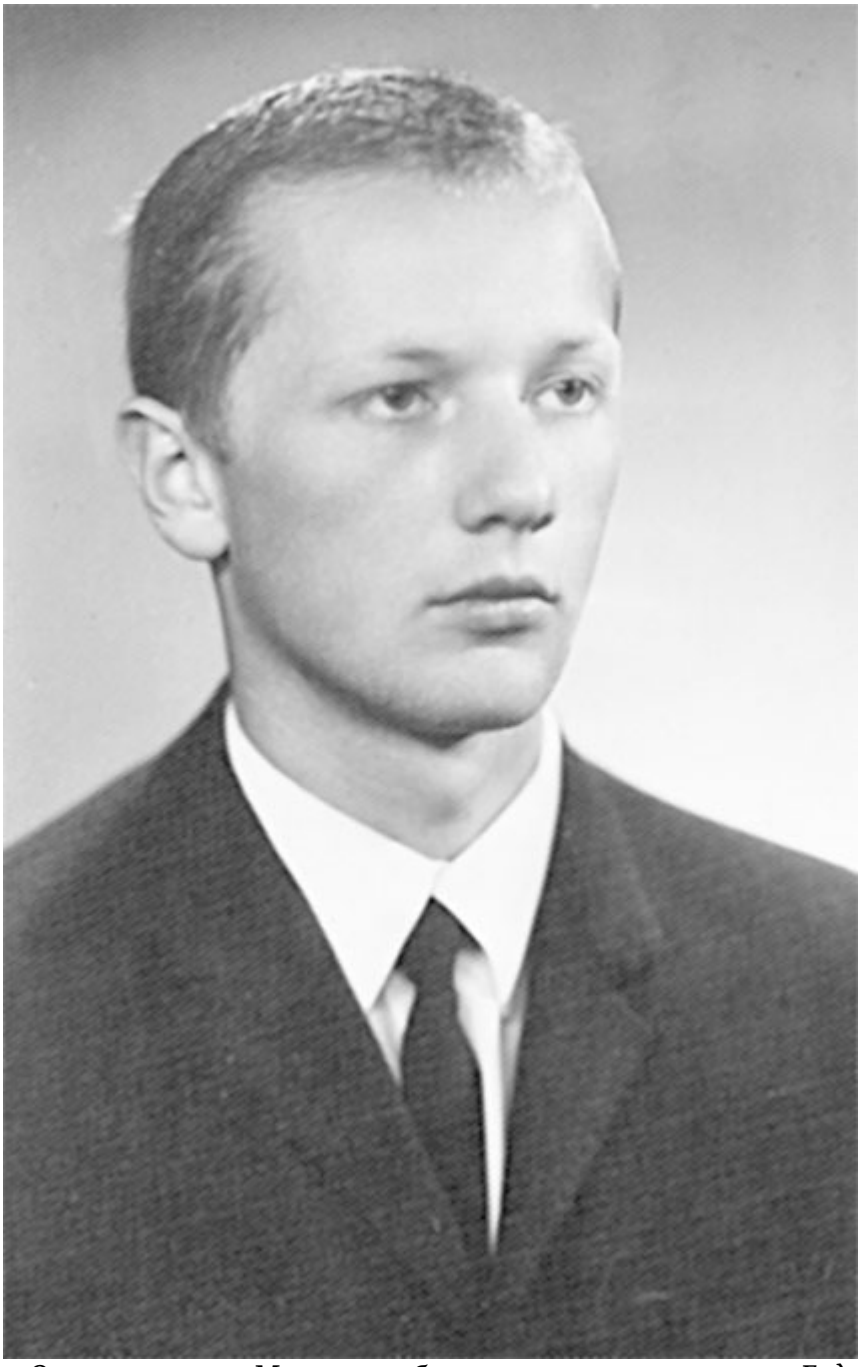
Из всех школьных кружков больше всего он любил драматический, где исполнял самые разные роли, но особенно хорошо ему удавались комические персонажи

На школьных танцевальных вечерах девочки считали за удовольствие потанцевать с Мишей, он красиво танцевал вальс. По отношению к девочкам Миша проявлял уважение, никогда не допускал грубостей, старался по необходимости защищать их. Многие по нему вздыхали, а он был тайно влюблён в Велту

Калнберзин, на которой впоследствии женился.

Однажды кто-то из мальчиков в неодобрительных и даже обидных выражениях высказался о своей однокласснице. Михаила это задело, они начали выяснять отношения, и дело дошло до драки. Из-за этого инцидента его вместе с матерью вызвали на педсовет, где предлагали строго наказать, вплоть до исключения из школы на несколько дней. Но учитель математики умерил пыл своих коллег и даже похвалил Мишу за этот поступок, так как он повёл себя благородно, защитив честь девочки, и было бы неправильно строго наказывать его за это. В итоге всё обошлось порицанием.

Никаких серьёзных выходок Миша себе не позволял, а вот что-нибудь забавное устроить любил. Например, однажды он, нарядившись в платье своей сестры и туфли на каблуках, отправился с другом гулять по городу – и в таком виде попался на глаза завучу. Но их решили не наказывать, всё свелось к беседе в кабинете директора школы.



Окончив школу, Миша не забывал свою «альма-матер». Будучи студентом, а затем и дипломированным инженером, он, приезжая в Ригу, всегда заходил в школу и интересовался, как там идут дела

Другой пример. В старших классах некоторые мальчики стали подражать хиппи и отращивать волосы. Директор провёл с

ними разъяснительную беседу. А на следующий день по школе разгуливала группа стриженных «под ноль» старшеклассников, среди которых, конечно, был и Задорнов.

Окончив школу, Миша не забывал свою «альма-матер». Будучи студентом, а затем и дипломированным инженером, он, приезжая в Ригу, всегда заходил в школу и интересовался, как там идут дела. Узнав, что в школе не хватает учебников на русском языке, он прислал их в нужном количестве из Москвы. А когда серьёзно занялся литературной деятельностью, то устраивал встречи с учениками, давал им разные темы для сочинений, объявлял конкурсы и премировал лучших авторов из своих средств. Первый конкурс был организован к 100-летию его отца, писателя Николая Задорнова, по его произведениям. В дальнейшем темы менялись, но ежегодные конкурсы продолжаются и по сей день. Таким образом Миша стимулировал интерес детей к чтению художественной литературы.

К школьным учителям Миша относился с большим уважением и даже с почтением. Его частым собеседником были молодой учитель физики, с которым он сражался в шахматы, и учитель физкультуры, мастер спорта. Однажды Миша даже спонсировал его поездку на одну из европейских спортивных олимпиад.

Стремление помогать людям проявлялось во многих его поступках. Он выхлопотал и прислал бесплатные коляски для пожилых инвалидов, таким образом обеспечив их «транспортом». В трудные 1990-е годы, узнав о бедственном положении бывших школьных учителей-пенсионеров, счём долгом позаботиться о них и в течение нескольких лет оказывал им материальную помощь из личных средств. Когда давал концерты в Риге, присылал учителям пригласительные билеты.

Для блага людей и в память об отце Миша создал прекрасную библиотеку в Риге, вложив в неё немало собственных средств. Хорошо оснащённая книгами, эта библиотека стала одним из центров русской культуры для взрослых и детей. Там проводились встречи с известными писателями, поэтами и актёрами, выставки рижских художников. Все мероприятия в библиотеке были бесплатными.

Кроме того, Миша помогал в организации и становлении молодёжного театра ОСА, вместе с режиссёром театра участвовал в постановке нескольких спектаклей.

Являясь патриотом России, он хотел побольше узнать о её древней истории, и с этой целью участвовал в раскопках древних славянских поселений, работал в архивах, но, к сожалению, многого сделать не успел.

Жизнь замечательного человека Михаила Задорнова была полна интересных и нужных дел на благо людей. Он оставил не только добрую память о себе, но и любовь.

Надежда Алексеевна Фокина

Учительница географии, школа № 10

г. Рига

Он жил задорно!

Миша Задорнов… Такой живой, озорной, увлекающийся… И вот!..

Нас многое связывало: и творчество, и любимые учителя 10-й рижской средней, и дружеские посиделки, и утренний волейбол на юрмальском пляже.

Миша…

Мне не забыть его многочисленные уроки пребывания на сцене. Он, как никто, овладевал залом, талантливо дирижируя зрительским настроением.

Миша был очень увлекающимся человеком, и эта его черта была мне очень симпатична. Для него что восторгнуться Мачу-Пикчу, что в 50 лет впервые сесть за руль автомобиля – видели бы вы его сияющее лицо в тот момент! – что попробовать себя в роли концертного продюсера – всё это одного поля ягоды, точнее, одной песочницы игрушки, в которые ему интересно было поиграть в свободное от творчества время.

Миша жил ЗАДОРНО. Таким его и будем помнить!

Нас многое связывало: и творчество, и любимые учителя 10-й рижской средней, и дружеские посиделки, и утренний волейбол на юрмальском пляже

Мне не забыть его многочисленные уроки пребывания на сцене. Он, как никто, овладевал залом, талантливо дирижируя зрительским настроением.

Миша был очень увлекающимся человеком, и эта его черта была мне очень симпатична

Веселуха

Именно так называлась концертная программа Михаила Задорнова, в которую он привлекал и меня и с которой мы нередко с ним гастролировали. Конечно же, это был концерт Миши, меня он брал и по дружбе, и потому, что после концерта брал мои шутки для своих будущих сольников.

Особенно удачным моментом в той программе был тот, когда мы стояли на сцене вдвоём и в два микрофона пикировались своими шутками. Миша предлагал публике оценить, кто смешнее шутит.

Вот «стенограмма» одного из таких концертов:

Задорнов: В немецком городе Гильзенкирхене состоялось ежегодное авиашоу, которое его посетителям ничем особенным не запомнилось. Единственным светлым пятном была церемония вручения, на которой присутствовала Клаудия Шиффер в полупрозрачном обтягивающем платье. По мнению присутствовавших, только она и продемонстрировала фигуру высшего пилотажа.

Дубовский: «Устав» – это не существительное, а деепричастие. Складывается впечатление, что любой устав госчиновники придумывают в состоянии сильного утомления.

Задорнов: Москва. Вывеска над дверью в офис-подвал «Ремонт металлоизделий, бытовой техники и пр. – МЫ РЕМОНТИРУЕМ ВСЁ!»

Чуть ниже приписано от руки: «Стучите громче. Звонок не работает».

Дубовский: Латвийский военкомат. Вот один вопрос из анкеты призывника:

Как часто ваши родители употребляют наркотики?

Варианты ответа при этом: ЧАСТО, НЕЧАСТО, НЕ ЗНАЮ.

То есть родители, не употребляющие наркотиков, – вообще не вариант!

Задорнов: Удивительный случай произошёл в больнице имени Кащенко. Лежачий больной отказался пользоваться уткой, потому что, по его словам, в этой утке спрятано яйцо, в яйце – игла, а на конце иглы – его смерть. Главврач заявил, что весь персонал устал от выходок этого пациента, тем более что он находится в больнице уже как минимум двести лет и к тому же утверждает, что она названа в его честь.

Дубовский: В лечебные учреждения страны внедрена новая медицинская специальность – МЕДБРАТ-ОПТИМИЗАТОР.

Отныне у кабинета любого врача будет сидеть человек, на

фоне которого любые ваши болячки покажутся вам пустяками. Своими корчами и стенаниями он легко «достанет» даже самого безнадёжного больного. Вам значительно полегчает и захочется уйти домой ещё до визита к врачу.

Задорнов: Чрезвычайное происшествие в детском саду № 52. Там воспитанники средней группы захватили воспитательницу и в течение четырех часов глумились над ней. В частности: заставили её съесть три тарелки манной каши, спеть песенку про ёлочку под аккомпанемент расстроенного пианино, а потом принудили спать днём. Вечером полуживую после измывательств воспитательницу дети согласились отдать только её родителям.

Дубовский: Газетное объявление: «8 сентября на острове Закюсала пропал миттельшнауцер. Предполагаю, что он ушёл с сукой ризеншнауцера». Как можно такое ПРЕДПОЛОЖИТЬ?!

Задорнов: Новости из США. Афроамериканцы в очередной раз протестуют. На этот раз против использования терминов «чёрная металлургия» и «цветная металлургия». Сейчас в конгрессе США рассматривается возможность переименовать эти отрасли и называть их так: «одна металлургия» и «другая металлургия».

Дубовский: У одного моего друга есть личный водитель, Янис. Друг мой – не последний человек в обществе, крупный биэсмен. Такие, как он, умеют глубоко задумываться о судьбах семьи, бизнеса, страны, мирового сообщества.

Сел он как-то в машину в состоянии подобной думы, минут через 15 приходит в себя и понимает, что куда-то едет. Интересуется:

– Янис, а куда ты меня везёшь?

– Не знаю, вы ж ничего не сказали!

Задорнов: Житель Екатеринбурга Сергей Тужилкин обвинил своего лечащего врача в некомпетентности. Врач определил, что тот страдает вуайеризмом – страстью подглядывать. На это Тужилкин сказал, что от вуайеризма он не страдает, а наоборот – получает большое удовольствие.

Дубовский: Один мой приятель, узнав, что я еду в Санкт-Петербург, попросил передать его тамошней племяннице бутылочку рижского бальзама. Звоню в Питере этой самой племяннице, передаю родственный привет из Риги и интересуюсь, как бы мне передать ей презент. Девушка назначает мне встречу и спрашивает, а как она меня узнает.

– У меня в руках будет то, что у вас ассоциируется с Латвией.

Девушка стушевалась:

– Ой, вы знаете, а у меня с Латвией ассоциируется только плохое отношение к русским.

– Ого! И как вы себе представляете ЭТО у меня в руках?

Задорнов: Новости спорта. Известно, что Гарри Каспаров, собиравшийся выиграть матч у компьютера Deep Junior, в итоге свёл его вничью. По сведениям из окружения Каспарова, это очень разозлило амбициозного шахматиста и, приехав домой, он сел за компьютер и всё-таки выиграл у него, победив его 34 раза подряд в стрелялку, отнятую у сына.

Дубовский: Сидел в уличной кафешке, пил чай. Вдруг слышу: за спиной, снизу что-то жужжит. Оборачиваюсь: за соседним столиком сидит малыш и сосёт «чупа-чупс». И не просто «чупа-чупс», а «чупа-чупс» – с моторчиком!

Леденец у него во рту вертится, даже лизать не нужно! Подумалось, да-а, трудолюбивое растим поколение…

* * *

Кстати, освежая память, набрал в Гугле «шутки Задорнова», и портал www.shytok.net выдал целую подборку моих:

* Павлин – это тот же индюк, но в шоу-бизнесе.

* Трагедия нашего поколения: нас учили, как вести себя в приличном обществе, а само приличное общество так и не сформировали!

* В народе говорят: если у мужчины лысина спереди – это от ума, если сзади – значит, гуляет… Евреи носят кипу на затылке. Получается, евреи охотно показывают миру, какие они умные, и прикрывают свои внебрачные связи.

* ЗНАТОКАМ ЯПОНСКОЙ КУХНИ. Интересно, поймёт ли японец выражение «одна шестая часть суши»?

* Объявление на кладбище: «Цветы рвать только на собственных могилах!»

* ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ИЗЫСК: Если у вас нет детей, а папой вас всё равно называют, – значит, вы – глава католической церкви!

* ЭСТОНИЯ. Предлагаю в Таллине под знаком «Круговое движение» установить табличку «Не больше трёх раз!».

* И всё-таки удивительно: мы говорим «горячие финские парни», имея в виду их медлительность, «тормознутость», а самые быстрые в мире гонщики – именно финны! Знаете, почему? Они просто не успевают отпустить педаль газа!

* Эстонцы очень законопослушны. Так, к примеру, автоводители не мигают друг другу фарами, предупреждая о засаде дорожной полиции. Хотя… Может быть, они мигают… но после – когда они уже разъедутся!

* Ехал я на машине, кончился бензин. Машина заглохла прямо на средней полосе.

Я включил аварийные огни, позвонил приятелю, чтобы привёз канистру бензина, а сам сижу, читаю газеты, жду. Машины объезжают меня с обеих сторон, никакой опасности для дорожного движения я не представляю…

Читаю себе, читаю, жду приятеля, вдруг сзади кто-то сигналит. И громко так, требовательно!.. Смотрю в зеркало заднего вида: какая-то машина стоит прямо за мной. Я выхожу, за рулём сидит молодая женщина и нервничает: что, мол, встал посреди дороги?!

Я вежливо отвечаю: так ведь можно же спокойно объехать… На что она выдаёт: «Ага, объехать! Сам мигает то направо, то налево!.. Откуда я знаю, куда ты сейчас повернёшь?!»

* Два человека, латыш и русский, пошли в поход. Купили жидкость от комаров. Русский – у него даже времени нет инструкцию прочитать – намазался от души. Утром проснулся весь опухший. А в инструкции было сказано: налейте в тарелочку, поставьте вдалеке и все комары полетят туда.

И другие – конечно, очень хорошие шутки.

Мне очень приятно до сих пор оставаться соавтором большого сатирика Михаила Николаевича.

О дружбе

Когда к печати готовилась моя книга «Нестихи», я попросил Задорнова написать к ней объективное предисловие. Вот оно, без купюр.

Поначалу, когда Марк Дубовский попросил меня написать несколько слов о его книге, у меня ухудшилось настроение. Когда же он ещё и вручил мне толстую папку с рукописью, оно испортилось окончательно. Во-первых, мы друзья и портить наши отношения в мои планы не входило. А если книга мне не понравится? Отбрехаться банальностями? Мол, свежее дыхание молодого автора чувствуется на каждой странице и я желаю этой книге, как могучему кораблю, успешного плавания в океане многочисленных читателей…

Я могу лихо врать женщинам, но только не читателям, читатели – это святое! И отказать другу тоже не могу. Тем более что мы учились с ним в одной школе. Хотя и в разное время. Думал даже предложить Марку то, что в советское время говорили мне, начинающему, маститые литераторы: ты сам напиши, а я подпишусь. Но, слава богу, я вовремя опомнился. Вспомнил, что Марк уже не начинающий, а скорее, как и я, заканчивающий. Взял рукопись и положил её на стол, на видное место, чтобы, как завязанный узелок, она напоминала мне о себе. И, как это часто бывает с узелками, забыл. Поскольку не завязал узелок, чтобы вспомнить об отложенном узелке.

Однажды утром, как и подобает писателю, пускай даже всего лишь сатирику, я встал счастливым от творческой хандры, подошёл к столу, сел и, от непришедших мыслей, взглянул на первую страницу какой-то рукописи.

На женщину смотреть без вожделенья
Я не могу, и, если выйдет срок
Однажды, вдруг привычного томленья
Не ощутить – я сам спущу курок.

Мне очень понравилось. Это так соответствовало моему настроению! Кто-то очень умный написал эти строчки, подумал я. Перевернул страницу, другую, третью, прежде чем догадался, что этим «умником», оказывается, был мой друг Марк Дубовский. Эти чудесные, хотя и поэтические строчки принадлежали ему! Честно говоря, я от него такого не ожидал. Я думал, в его книге будет

множество злобных эпиграмм, обличительных фельетонов, а тут – стихи! Порой всерьёз, и о себе, и о душе…

Я всегда замечал, что талантливым людям маловато бывает того, чем они занимаются. Душе моего друга стало тесно в рамках его личного «моря смеха». С этим, в первую очередь, я его и поздравляю. Поздравляю и с удачной и неожиданной книгой.

Оказывается, в душе Марк Дубовский не сатирик, и не артист, а поэт. И вот только теперь, осознав и осмыслив, я желаю этой книге успешного плавания не только по «МОРЮ SMEHA», но и в океане её читателей!

Да, чуть не забыл. Предупреждаю, следующие строки написаны не о нашей с ним дружбе.

На собственных друзей не привыкать
Нам возводить напраслину – нам нужно
Заранее хоть как-то оправдать
В душе непостоянство нашей дружбы.

И подпись:
МИХАИЛ ЗАДОРНОВ

Как Задорнов сам от смеха упал

Июль 1998 года. Задорнову – 50. Москва. Театр эстрады. Переаншлаг.

Хотя вечер назывался «Неюбилей». Мишу поздравляли только друзья, выпускники МАИ, Евгений Петросян, другие неофициальные лица.

Как друг из Латвии выступил со своим номером-поздравлением и я.

Потрясающая модель девушки – в два метра ростом – вручила мне цветы.

Посмотрев наверх, осознаю, что о поцеловать в щёчку мечтать не приходится. Не нагибаясь, целую девушке ручку, потом под эту самую ручку беру, подвожу к микрофону, и мне удаётся экспромт, после которого Задорнов, заливаясь хохотом, валится в своё юбилярское кресло.

Представьте себе видеоряд: высоченная красавица, где-то на уровне её подмышки – я, и такой текст: «Друзья! Сегодня, здесь, благодаря этой прекрасной русской девушке, я ещё больше осознал, насколько мы, латыши, маленький народ!»

* * *

Тот вечер запомнился очень тёплым и светлым настроением, Михаил Николаевич был на высоте: задорно смеялся, вручал гостям подарки, ходил на руках, садился на шпагат. Когда зазвучала финальная песня, не поверилось, что время умеет летать так быстро. На финал я переделал «под Мишу» известные слова, и, когда все на сцене пели, у многих текли слёзы – Задорнова трудно не любить.

Ты весь день сегодня с нами вместе,
Молодой, задорный, озорной,
И звучит тебе в подарок песня
От друзей, наш Мишка дорогой!
Мишка, Мишка, твои шутки, Мишка,
Помогают в жизни суетной,
Ты и сам смеёшься как мальчишка –
Ласковый, хороший и простой!

Тот вечер запомнился очень тёплым и светлым настроением, Михаил Николаевич был на высоте: задорно смеялся, вручал гостям подарки, ходил на руках, садился на шпагат

Припев:
Мишка, Мишка, где твоя улыбка,
Полная Задорнова огня?
С возрастом какая-то ошибка,
Кажется, случилась у тебя!

И переход на олимпийскую прощальную:

В шумном зале становится тише,
Завершается «Неюбилей»,
Здесь, на наших глазах, мальчик Миша
Стал сегодня немного взрослей.
Но со сцены друзья
Обещают всем, кто с нами,
Мишку юным сберечь,
До свиданья, до новых встреч!

«Мерседес» – в студию!

Отметили мы «Неюбилей» Задорнова и в Юрмале, на самой что ни на есть родине сатирика. Когда Миша рождался, роддом находился рядом с концертным залом «Дзинтари», где и прошло чествование «неюбиляра». Две недели перед концертом мы ездили на уроки к известному латвийскому иллюзионисту Геннадию Пальчевскому.

Было много интересных придумок. Мы с Мишей устроили пикировку шутками – где смешнее живётся, в России или Латвии, а потом Задорнов заблистал на сцене в новом амплуа: менял костюмы, играл с огнём, втыкал мне в голову ножи и вилки.

Выступление самого Пальчевского такого зрительского восторга уже не вызвало.

* * *

Один фокус придумал и я.

Из зала на сцену был вызван обычный зритель. Девушка-ассистентка вынесла на подушечке ножницы, которыми Миша тут же отхватил у мужчины полгалстука. Потом поднял упавшую на пол половинку, приложил её к месту отреза и важно произнёс «эники-беники-абракадабра» – оп! – и галстук снова упал на пол.

Миша снова приложил отрезанный галстук – тот же результат.

Миша, изображая смущение: «Ради бога, извините, для меня это жанр новый, ещё не всё получается».

Я в ужасе: «Миша, ты что, галстук от Версаче – 500 евро!»

Зрители в полном восторге, успех – сногсшибательный. Каждый любит, когда смеются не над ним самим. (В скобках замечу, подсадным был наш общий с Мишей знакомый. Конечно же, перед концертом я позвонил ему и попросил, чтобы он надел галстук похуже, которого не жалко.)

…Но главная «изюмища» задорновского «Неюбилея» заключалась в другом. При продумывании рекламной кампании «Неюбилея» меня как продюсера проекта озарила идея: раз по случаю своего дня рождения Михаил Задорнов будет вручать зрителям подарки, должен быть и самый главный подарок.

В результате рекламная кампания концерта заканчивалась словами: самого удачливого зрителя будет ждать новый «мерседес».

Нужно ли говорить, сколько шуму вызвал объявленный приз!

Каждый при встрече подозревал меня в хитрости – уточняя: «Новый?.. Настоящий?.. Моделька, наверное?..» На все вопросы давались чёткие и, главное, честные ответы: новый, настоящий, не моделька. Один мой знакомец, не самый бедный человек, уточнив вдобавок, что мерс – Е-класса, предложил: «Давай эту «тачку» выиграю я, а тебе половину денег заплачу!» Я мужественно отказался.

Концертный зал «Дзинтари» никогда не видел столько народу: люди сидели, стояли, свисали с парапетов.

Вечер был в самом разгаре, когда победителю зрительского конкурса был задан вопрос, помнит ли он, о каком призе шла речь. Зритель поёжился: вроде как «мерседес». Зал напрягся, притих, приготовился изнывать от зависти. А я:

– По случаю дня рождения нашего любимого земляка Михаила Задорнова – «мерседес» в студию!

Раздались звуки клаксона, вспыхнули фары, и сквозь расступающуюся толпу к сцене поплыл белый «мерседес» – Е-класса, новенький, блестящий, сияющий и… с шашечками такси на крыше!

– Мы обещали, что самого счастливого зрителя будет ждать новый «мерседес», – закончил я, – он ждёт вас! И готов хоть сейчас отвезти вас домой!

В зале хохот, бурные аплодисменты и облегчённый зрительский выдох – проверку завистью проходить не пришлось.

* * *

А ещё тот «Неюбилей» Задорнова запомнился мне розыгрышем Володи Качана. Я не ахти какой специалист по розыгрышам, но тогда получилось изящно.

Качан, друг Задорнова со школьной скамьи, спел в честь «неюбиляра» свою знаменитую «Кавалергарды, век недолог».

Наутро они с Лионом Измайловым поехали в Спасо-Преображенскую пустынь под Елгавой. Тамошние святыни – иконы Спасителя и преподобного Иоанна Лествичника – периодически мироточат, и пустынь посещают паломники отовсюду.

Не сочтите за богохульство, но чудо произошло и с паломниками Лионом и Владимиром. Ранним утром они, в прекрасном настроении, сели в машину и поехали в Елгаву, причащаться.

Вечером вернулись, нервно хлопнули дверцами машины и разошлись в разные стороны. С тех пор они не разговаривают.

На моё удивление, оба от комментариев воздержались, и я зачёл это недоразумение в разряд «тайна исповеди».

* * *

Потом мы с Качаном погуляли по Риге, и я повёз его на вокзал. Володе подфартило: место у него было в спальном вагоне, а его спутницей оказалась миловидная женщина. Я пожелал им обоим счастливого пути, собрался уходить, и вдруг женщина встрепенулась: «Ой, мама унесла мой мобильный!» И обратилась ко мне: «Можно я на него с вашего позвоню?»

Мы ещё минут пять поболтали с Качаном, пока женщине вернули телефон, потом я повторил свой текст: «Володя, было очень приятно провести с тобой этот день, счастливого пути!» – и вышел из вагона.

Часа через три привожу в действие вызревший план.

Номер-то мобильного Володиной соседки по купе в памяти моего телефона остался. Я его и набрал.

– Алло, – женский голос.

– Извините, можно поговорить с вашим соседом по купе? – спрашиваю и слышу:

– Это вас.

– Меня?! – доносится глухой голос Качана, и звучит так, словно к Володе нагрянули с обыском. – Я вас слушаю.

– Володя, дорогой, это Марк. Спасибо за то, что ты есть! До новых встреч!

Слышно, как Качан пережёвывает дыхание и говорит:

– Ну ты даёшь!.. Так меня ещё!.. Это очень высоко!

Задорнов и аюрведа

Гуляя по Риге, я показал Володе Качану инструкцию к лекарству, которое мне прописал врач. Вот набор спецэффектов из неё:

«*Отсутствуют данные по безопасности применения.*

Побочные действия: боль в животе, тошнота, рвота, понос, головная боль, судороги, нарушение зрения, вкуса, обоняния, слуха и равновесия… кошмары во сне, чувство страха, галлюцинации…

Эти реакции проявляются уже после первого применения:

Кожная сыпь, пузырьковый зуд с кровоизлияниями, лихорадка, отёк лица, набухание языка, удушье…

Обширного опыта по длительному применению препарата пока ещё нет».

Глаза Володи расширились до размера очков, он не поверил и прочёл ещё раз:

– Ма-а-а-рк! И ты его принимаешь?

– Знаешь, Володя, я долго не решался и вдруг прочёл, что производит это лекарство Universal Medical Resources Incorporated, по начальным буквам – UMRI! Согласись, не самый оптимистичный призыв! И я тот рецепт выбросил.

Володя посмеялся и сказал: «Так ты бы с Мишей посоветовался, он всё про лекарства знает. Сколько Мишу помню, он всегда от чего-нибудь лечится, ещё со школы».

Задорнов действительно знал обо всех болезнях и лекарствах и каждый раз находил всё новые пути к исцелению. Словно бы придумывал: от чего бы ещё излечиться?

Крайне прихотлив Миша был и в кулинарных предпочтениях. Дело в том, что он занимался йогой и питался по аюрведе.

Аюрведа «открывает Америку»: все мы рождаемся с определённым характером, телосложением, отношением к миру. Лучше понять свои качества нам помогают доши. Доши присутствуют везде, они связаны с природными стихиями. Если доша выходит из равновесия, мы плохо себя чувствуем, теряем дееспособность на уровне тела и мыслей, уменьшается наша эффективность. Знание основных принципов аюрведы помогает регулировать наше состояние.

Всё это я знаю от самого Задорнова, который, надо отдать ему должное, уж если чем-то увлекался, то тему изучал досконально.

Могу козырнуть ещё и тем, что есть три основных доши: вата, питта, капха. Но это всё. Короче, аюрведа – это такая древняя медицина, которая рассматривает не отдельно взятую болезнь, а

человека в целом.

А уж если дело касается медицины, то могу заверить: не знаю, насколько был врачом Александр Розенбаум (известно, что он работал в скорой помощи), но Задорнов знал про все болезни мира

А уж если дело касается медицины, то могу заверить: не знаю, насколько был врачом Александр Розенбаум (известно, что он работал в скорой помощи), но Задорнов знал про все болезни мира.

Если вы думаете, что знаете, как и что правильно есть, вас легко разоблачит любой мало-мальски сведущий аюрвед. Нутовая мука, масло гхи, крупа мунг-дал, маш, сыр панир – Задорнов во всех этих ингредиентах аюрведической кухни был крайне сведущ.

Я в этом убедился, отобедав в компании с ним и заехавшим в Ригу из Санкт-Петербурга доктором Игорем Ветровым, ведущим специалистом в области аюрведической и тибетской медицины.

Два часа мы сидели в аюрведическом ресторане «Камала» (рядом с домом, из окна которого выпал профессор Плейшнер), потребляли блюда из обширного меню, в котором я не понимал ни одного названия. Абсолютным дураком ощущал я себя и вслушиваясь в разговор моих сотрапезников: Задорнов и Ветров обсуждали, как и что правильно готовить, как и что есть, – мне же оставалось пребывать на планете Аюрведа инопланетянином.

Они ели то, что надо, а я – то, что было проще прочесть в меню.

* * *

В один из наших с Задорновым гастрольных туров поехали мы в Таллин.

Стартовали из его юрмальского дома. В дорогу жена ему выдала спецпитание, в отдельном пакете, в раздельных коробочках.

Долго ли, коротко ли – остановились мы отобедать в придорожном кафе. Я заказал себе что-то из меню, а Миша достал свои мисочки и попросил разогреть.

Когда ему принесли суп, Миша ел его, ел – не доел, сказал только, что вкус у супа сегодня не тот, наверное, жена перемудрила. Потом Миша спросил, почему так долго не несут второе. Официантка смутилась: так мы же ваш рис в суп высыпали.

Официантка-то не знала, что подобное смешение продуктов аюрведа не допускает. А Миша знал!

Как же он завёлся тогда: «Ну тупые! Элементарной просьбы выполнить не могут!..»

Ребята, куда вы уходите?
Не время ещё, тонок лёд,
Сердца ваши замерли, ходики,
Да кто ж их теперь заведёт!

Ребята, куда вы уходите?
Так тихо без вас за столом,
Не пьёте вы, не колобродите,
Не треплете жизнь на излом.

Ребята, куда вы уходите?
Вы лучшими были средь нас,
Красивы, успешны, породисты!..
Вдруг свет побледнел – и погас!

Ребята, куда вы, куда же вы?
Встряхнуться, начать бы с ноля,
Но сыплются судьбы заживо,
Привычно вдовеет Земля,

Становятся дети сиротами,
Пылает иконостас,
И зубы скрипят заботами –
А дальше-то как без вас?

Марк Дубовский[1]

Писатель, продюсер

Два девятых вагона по-прежнему в пути

Как и все, живущие в стране под названием Советский Союз, я впервые увидел Михаила Николаевича Задорнова в программе «Вокруг смеха», был, конечно, ещё школьником, ухохатывался и представить себе не мог, что когда-нибудь нас судьба сведёт вместе.

Когда он нас с Галкиным увидел на конкурсе артистов сатиры и юмора, мы даже не знали, что он в зале присутствует, и потом было совершенно неожиданным услышать его голос по телефону.

Я тогда жил в общежитии на Соколе, у меня была отдельная комнатка и бабушка-вахтер. По счастью, эти две категории счастья существовали независимо друг от друга. Бабушки дежурили на этаже, через сутки меняя друг друга. Скажу без ложной скромности, обожали меня все. Поэтому я ещё тогда менял бабушек как перчатки (заметьте, задолго до Прохора Шаляпина). Бабушки обладали немыслимой властью над постояльцами, поскольку имели доступ к телефону. Больше подобной привилегии не имел никто, а стало быть, никто и не решался портить отношения, ибо в противном случае после того, как в трубке раздавалось, к примеру: «А Серёжу можно?» – с высокой долей вероятности могло прозвучать: «Вы куды звоните?»…

Когда меня однажды позвали и я услышал голос, похожий на Задорнова, естественно, я сразу не поверил, что это он. Потому что уже тогда у меня в друзьях числились многие пародисты, а значит, мне уже звонили и Винокур, и Петросян, и даже Мэрилин Монро, ради этого безупречно овладевшая русским. Вот я и подумал, что это тоже очередной розыгрыш или от Миши Грушевского, или от братьев Пономаренко, или кого-то ещё.

Но слух у меня был очень хороший (впрочем, почему был, пока ещё до жизненного периода под девизом «Что он сказал?» далековато). Внутренний голос уверял, что не родился ещё пародист, который так точно мог бы передать его тембр. И тут на помощь пришёл сам Михаил Николаевич. Он сказал мне: «Серёжа, вы не женщина, поэтому я могу задать этот вопрос: сколько вам лет?» Я ответил: «Тридцать». Он говорит: «Простите, я вам не звонил тридцать лет». И я понял – Сам.

Мы с ним поговорили по телефону, и на следующий день у нас уже была очная ставка. Очень хотелось сказать друг другу фразу, которую обычно говорят восторженные зрители до или

после концерта. Артисты эту фразу обожают: «Первый раз вас вижу живым»… Но было удивительно легко общаться. Михаил Михайлович Жванецкий как-то сказал при встрече Алле Борисовне: «Вот я не могу с тобой сразу расслабиться. Ну не могу. Хочется вытянуться в струнку, цокнуть каблуками, воскликнуть: «Да, мой генерал»… Вот если накатить грамм сто, а лучше двести, а ещё лучше сначала сто, а потом двести… Вот тогда мы на равных».

Мне с Задорновым «накатывать» не пришлось. И потом были эти полтора года совместной работы.

Моё боевое крещение состоялось на концерте в подмосковном Серпухове. Задорнов был одним из ведущих артистов не только своего жанра, но и страны в целом, публика его обожала и готова была носить на руках. Поэтому, естественно, принимать участие в его сольном концерте – это даже не вдвойне, а втройне ответственней. Конечно, у нас у всех там дрожали коленки.

Но Михаил Николаевич меня как-то по-отечески тепло представил: «Сейчас я хочу выпустить на вас моего юного друга». (Да, да, именно выпустить. Я бы на месте зрителей уже вообразил какого-нибудь племенного жеребца, который вот-вот вырвется из стойла, ибо в соседней кулисе невинно щиплет травку прелестная кобыла…)

Задорнов невозмутимо продолжал: «Если вы думаете, что я сейчас буду халтурить и уйду за кулисы, вы ошибаетесь. Я буду всё время сидеть на сцене, и если кому-то не понравится выступление Серёжи, подойдите и плюньте мне в лицо». Народ смеялся, аплодировал, и Задорнов всякий раз якобы изумлённо произносил: «Надо же, понравилась перспектива!»

Я поплёлся на ватных ногах к микрофонной стойке, мокрый как мышь, по пути подпустив волнения в тёплую атмосферу вечера… Но выступил, слава богу, без особого позора, публика приняла очень душевно, после чего я уже окончательно растаял, освоился и почувствовал себя как дома. А это чревато… Так и оказалось.

Я решил поблагодарить судьбу и в её лице лично Михаила Николаевича за оказанное доверие и сказал зрителям: «Спасибо, друзья, за потрясающий приём, и вам спасибо, что пригласили… Михаил Михайлович!» Как я мог перепутать Задорнова со Жванецким?.. Не знаю, видимо, бес попутал. Народ ещё раз грохнул, Задорнов тоже, после чего подытожил: «Ну, хорошо хоть не Регина Игоревна!» Таким комом был мой первый блин…

Наверное, все творческие люди – заложники настроения. Поэтому сразу конкретно сказать, какая она, Гурченко, или какой он, Райкин, невозможно. Творческая натура, как морская погода,

меняется ежеминутно. Есть, конечно, артисты – заложники сценического образа. Я, например, даже не могу представить, что может вывести из себя невозмутимого Ширвиндта. По-моему, даже во время наводнения или пожара он не расстанется со своей знаменитой трубкой и чувство юмора его не покинет…

Но что я хочу сказать про Михаила Николаевича… Когда популярность, слава, деньги падают на подготовленную почву в виде хорошего образования и воспитания, тогда у человека не так много шансов «скурвиться» в дальнейшем. Он всё равно должен остаться во многом порядочным человеком. И с совестью своей будет дружен до конца. Так вот что меня поражало в Задорнове – это очень нехарактерная для шоу-бизнеса порядочность. Как правильно сказал Филипп Бедросович: «Это на Западе в шоу-бизнесе больше бизнеса, у нас больше шоу». Задорнов в этом пёстром мире эстрадной развлекухи был такой белой вороной. Популярный, до предела «раскрученный» и при этом умный и великолепно эрудированный – ну это же несовместимые качества для эстрадного артиста… Это даже неприлично, чёрт возьми! Кто ещё этим может похвастаться? Разве что Макс Галкин.

Если Задорнов и отменял какой-то концерт по своей инициативе, он обязательно или возмещал какие-то материальные затраты прокатчикам, или лично звонил, извинялся. Если сверху неожиданно падала некая манна небесная в виде гонорара за интервью, к примеру, он мог тут же легко поделиться этим с коллективом. Ну, масса поводов, которые другим звёздам его уровня даже в голову не приходили. Вот это меня в нём всегда поражало и просто изумляло. Мы сейчас дожили до того времени, когда порядочность, к сожалению, занесена в «Красную книгу».

По-моему, всех юмористов очень раздражает, если не сказать – бесит – вопрос: «А правда, что все вы в жизни очень угрюмые и неулыбчивые люди?» Откуда растут ноги у этого стереотипа – ума не приложу… Это как за границей думают, что русские много пьют… Ну это же неправда!..

Я, например, даже не могу представить, что может вывести из себя невозмутимого Ширвиндта. По-моему, даже во время наводнения или пожара он не расстанется со своей знаменитой трубкой и чувство юмора его не покинет…

Да, есть Семён Теодорович Альтов. Его портрет стоит у меня на письменном столе. Всякий раз, когда придумывается удачная, как мне кажется, шутка, я поглядываю мельком на хмурый, сочувствующий взгляд мэтра и вычёркиваю… Но он такой один. Рассмешить Жванецкого тоже непросто. Хотя жене это удавалось. Как-то Михаил Михайлович пришёл домой после банкета уже под утром. На цыпочках прокрался в спальню, где спала жена Наташа, тихо прилёг рядом. Тут в предрассветной тиши прозвучал сонный вопрос супруги: «Миша, ты?»… До утра он так и не уснул…

Я тоже не раз просто укатывал Задорнова до слёз. Например, когда рассказал историю, как на концерте мэр Евпатории мне подарил плавки с видами города. А я невинно уточнил: «Вот когда шубу дарят – это с барского плеча, а плавки…?» И я в этом плане не одинок. Галкин легко доводил Михаила Николаевича до истерики. Задорнов как-то в очередной раз пожаловался нам на журналистов: «Ну, это невозможно! Они опять меня спрашивали про соседей по дому, где я живу. (А жил он в знаменитом «ельцинском» доме на Осенней, где квартиры были у многих партийных работников.) Я им говорю – вы хотите услышать, писает Черномырдин в лифте или нет? Я не видел, чтобы Черномырдин писал в лифте». Галкин добавил: «Ну это он при вас

стесняется»… Задорнова не стало минут на десять…

Что меня поражало в Задорнове – это очень нехарактерная для шоу-бизнеса порядочность. В этом пёстром мире эстрадной развлекухи он был такой белой вороной. Популярный, до предела «раскрученный» и при этом умный и великолепно эрудированный – ну это же несовместимые качества для эстрадного артиста…

Иногда очень жалеешь о том, что подавляющее большинство

людей не видело артистов подобного уровня дома, в кругу своих… Или где-нибудь во время застолья среди коллег. Там порой такие страсти кипят, такие раскаты хохота гомерического, такие гениальные экспромты и импровизации! Только и думаешь – ну где скрытая камера, ну почему никто не снимает?

На публике артисты, особенно люди с именем, должны держать какой-то образ. Где-то ты даёшь звезду, но в хорошем смысле слова, где-то не в очень хорошем, потому что в противном случае тебе же хуже будет, где-то ты свой в доску… По-разному, по ситуации, и поводов расслабиться не так-то много, когда вокруг чужие люди. И вот когда у Михаила Николаевича был юбилей в зале «Дзинтари», после этого мы пешком пошли к нему домой, сидели у костра почти всю ночь, пели песни, малину со сливками уплетали… Я смотрел на Задорнова и не узнавал его. Потому что я его таким по-настоящему счастливым никогда не видел…

Иногда очень жалеешь о том, что подавляющее большинство людей не видело артистов подобного уровня дома, в кругу своих… Или где-нибудь во время застолья среди коллег. Там порой такие страсти кипят, такие раскаты хохота гомерического, такие гениальные экспромты и импровизации! Только и думаешь – ну где скрытая камера, ну почему никто не снимает?

Я не могу назвать себя другом Михаила Николаевича по разным причинам: и в силу возраста, и в силу огромной разницы в жизненном опыте, какой-то житейской мудрости, что ли… На

гастролях он тоже был другой, там постоянно приходится находиться под прицелом внимания: алчные импресарио, ненормальные поклонники, персонал в гостинице… Этот персонал мне потом часто изливал душу: «Надо же, он постоянно шутит на экране, и мы думали: сейчас зайдёт – и мы все упадём от хохота. А он какой-то смурной, и так разговаривает сквозь губу». Им же не объяснишь, что перед этим был переезд 12 часов на поезде, или кто-то нервы вытрепал во время интервью и прочее… Человек не может быть постоянно счастливым и весёлым, это тогда хороший повод показаться психиатру.

В одной гостинице Задорнова вышла встречать лично хозяйка. Женщина простая и не особо дружившая с чувством такта, потому и успешная в бизнесе. Когда сатирик вошёл, она выдала: «Михаил Николаевич, здравствуйте, у нас лифта нет, поэтому давайте мы вам вещи поднимем на второй этаж, вы уже всё-таки не мальчик»… Ей повезло, что писатель пребывал в благодушном расположении духа. Задорнов молча сделал стойку на руках и так же молча на руках начал подниматься по лестнице. А теперь представьте глаза горничной, которая последнюю неделю жила предвкушением встречи с легендой, и вот наконец-то она появляется… Я ему потом сказал: «Хорошо, что вы людей пожалели… Вот если бы вы ещё при этом чемодан ногами держали…» Мэтр пообещал работать над этим.

Великий и замечательный Шарль Азнавур сказал однажды потрясающую фразу: «Артист должен стареть вместе со своей публикой». В чём секрет успеха Задорнова? В том, что он никогда не подстраивался под какое-то время, а разговаривал со своими сверстниками на том языке, который был понятен им. Он был очень искренним во время своих концертов и высказывал свою честную точку зрения на происходящее в стране в данный момент. Будь это лихие девяностые или сытые нулевые… Жизнь всё время менялась, и надо было постоянно держать нос по ветру. В девяностые он рассказывал: «Американец перед дверью в коммунальную квартиру никак не мог понять, зачем столько звонков. Ну тупой. Я ему объяснил: один в спальню, другой в ванную, третий…» Лет через десять шутка бы не прошла, потому что коммунальные квартиры практически исчезли.

Американцы и наши – это любимая тема Михаила Николаевича. И многие наблюдения по этому поводу вне времени. Например, один американец в аэропорту Минеральных Вод никак не мог понять, что значит Минеральные оды. (Буква «В» в названии не горела). Задорнов ему объяснил: «Ну это то же самое, как если бы в аэропорту одного американского города горело бы – икаго»…

Событий ярких у нас было полно. Китайцы говорят: «Не дай бог тебе жить в эпоху перемен». А я, наоборот, рад, что мы застали разные эпохи, по крайней мере, есть с чем сравнивать. Тут тебе и расцвет застоя, и застой расцвета, и ГКЧП, и обвал рубля, и приход одного президента, и неуход другого… То есть было о чём поговорить. И то, что Задорнов, как правило, рубил правду-матку, это подкупало. Ему верили.

Когда человек приходил к нему на концерт, было чувство, что ты у артиста на кухне. Вот разговариваешь с ним мысленно, пусть ты молчишь, он всё скажет за тебя сам. И он же рассказывал по сути нашу жизнь: про эти лыжи на балконе с санками, про эти банки с консервацией, которые взрываются…

Народ сидел и поражался: откуда он это знает? Ну, что-то действительно знал. Очень много смешного присылали сами зрители и в записках, и на почту. Фантазия у нашего народа вселенского масштаба. Однажды ему прислали записку на сторублёвой купюре. Задорнов поначалу обрадовался, сказал: «Вот это идеальный материал для записок. Я на обычной бумажке не всегда могу почерк понять. А здесь так всё отчётливо видно!» Потом начал читать содержание: «Дядя Миша! Мечтал о вашем автографе. Распишитесь и верните»…

В чём секрет успеха Задорнова? В том, что он никогда не подстраивался под какое-то время, а разговаривал со своими сверстниками на том языке, который был понятен им. Он был

очень искренним во время своих концертов и высказывал свою честную точку зрения на происходящее в стране в данный момент. Будь это лихие девяностые или сытые нулевые…

Поскольку Михаил Николаевич всегда собирал полные залы, конечно, о нём буквально мечтали прокатчики во всех городах страны. Но он был человек настроения, поэтому, если куда-то ехать не хотелось, никакими деньгами заманить его было невозможно. Но у каждого своя ахиллесова пята… У Задорнова такой слабостью была любовь к истории. Те, кто знал об этом, умело пользовался. «Михаил Николаевич, что-то давно вас не было у нас в Сызрани, может, в марте концерт поставим?» – «Нет, я не хочу. На меня само слово Сызрань навевает средневековый ужас». – «Михаил Николаевич, а у нас там недавно раскопки проводились и обнаружили захоронения древних ацтеков…» – «Что вы говорите! Очень интересно!» – «Ну так что, приедете в марте?» – «Я же сказал – нет. В марте – это очень поздно. Давайте в ноябре». Иногда, конечно, судьба-злодейка играла с ним свои злые шутки. Задорнов попросил как-то одного импресарио сделать концерт в Вышнем Волочке. Зал на двести мест, тому ехать не хочется: «Михаил Николаевич, ну зачем вам это надо?» А Задорнов: «Я хочу! Мне нужно посмотреть там то-то и то-то»…

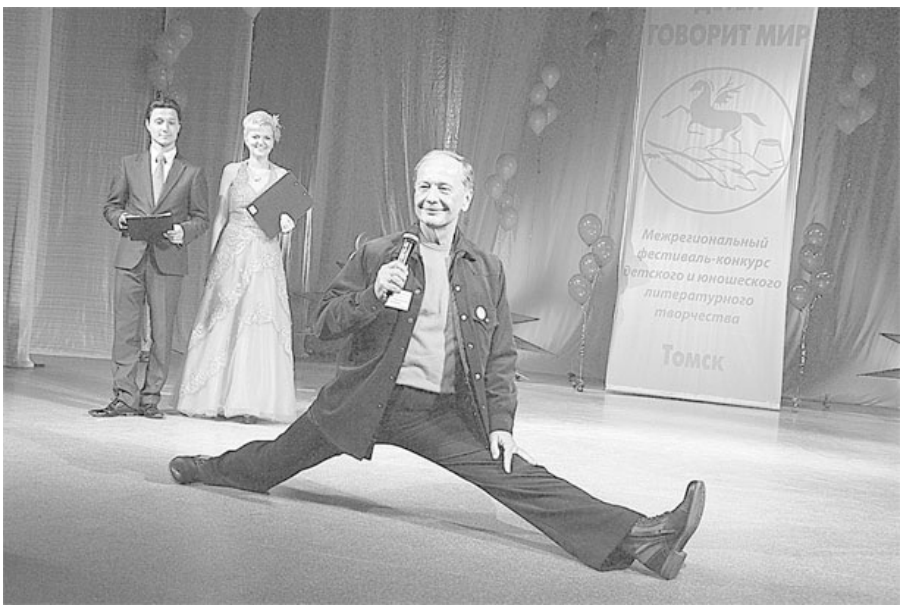
Ну хорошо. Проклиная святых всех мировых религий, товарищ ночью приезжает в Волочёк, потом в течение трёх дней уговаривает директора местного драматического театра поставить концерт. Директор, видите ли, не верит, что приедет настоящий Задорнов. Наконец всё утрясли, через день кончаются билеты в кассе. В заявленный день мэтр торжественно въезжает в город, встречается с каким-то мужиком. Вид у мужика непоправимо сумасшедший, сразу видно – историк. Они куда-то уезжают…

Возвращается артист аккурат к началу концерта в страшно раздражительном состоянии. Ну, это когда на лице можно вешать табличку: «Не влезай – убьёт». Отрабатывает концерт, директор Оля молчит, не задает лишних вопросов, оно ей надо, во время бомбёжки из окопа выпрыгивать? Появляется горемыка-прокатчик, отдает ему деньги за концерт. Задорнов отмахивается: «Мне не надо ничего, заберите себе». Ну хорошо, здесь тем более не нужны лишние вопросы…

Коллектив садится в машину и направляется в стольный град Москву. И тут Задорнов в тишине выдаёт: «Ну вот как? Как я мог перепутать Вышний Волочёк и Торжок?»…

У многих людей складывается мнение, что разговорный

жанр – это так называемый лёгкий жанр. А и правда, чего там, вышел, лясы поточил, деньги в карман сгрёб и гуляй. На эту тему была очень смешная история с моим другом Максом. Когда Галкин только начинал сольную гастрольную деятельность, он приехал в Самару. Закончился двухчасовой концерт, артист в гримёрке, извините, переодевается, штаны снимает… В этот момент в комнату без стука входят две дамы бальзаковского возраста. Ну, видимо, какие-то важные особы в своём уезде, а может, просто из серии «без мыла в… Думу». Одна тут же восклицает: «Максимушка, как нам всё понравилось! Ой, ты устал, наверное?» Максимушка, как интеллигентный мальчик, конечно же хамить не стал, и постарался ответить максимально вежливо: «Да не особо». И тут вторая с ходу, вроде как пытаясь поддержать направление беседы, выдаёт: «Ну и правда, чё там… Как говорится, ***деть – не мешки ворочать»…



Почему Задорнов имел такой успех? Потому что он никогда не уходил со сцены мокрый, на негнущихся ногах. Хотя работал дольше, чем кто бы то ни было. До четырёх часов с антрактом! А он потом в конце ещё на шпагат садился!

Увы, друзья, измождённое усталостью лицо, покрытое потом, окровавленные ладони, сбивчивое дыхание – это, как ни странно, не в плюс артисту. Ты – праздник, ты должен всё делать играючи и уходить так, как прощаются влюблённые на свидании, с грустью в глазах по поводу разлуки. У публики должно быть полное ощущение «и я так могу», ну и дальше про мешки…

Вот почему Задорнов имел такой успех? Потому что он никогда не уходил со сцены мокрый, на негнущихся ногах. Хотя работал дольше, чем кто бы то ни было. До четырёх часов с антрактом! А он потом в конце ещё на шпагат садился! Или стойку на руках делал. Знал, что в гостинице пригодится…

Он выходил не выступать, а общаться. Он предлагал взрослым дядечкам и тётечкам поиграть в ту игру, что только что придумал, и они с огромной радостью соглашались. Он был дирижёром этого огромного оркестра из зрителей, заставляя их то хохотать, то задумываться, выбивая из них именно ту эмоцию, которая нужна была ему. Да и в голосе его звучала музыка. Несмотря на великолепный яркий мощный тембр, петь он не умел. Ну, очевидно, медведи на Рижском взморье не только наступили будущей знаменитости на ухо, но и станцевали там «Калинку». Но в подаче эстрадных монологов музыка звучала у него постоянно. Эти перепады от пронзительного верха до бархатного низа… Одна прелестная девушка, у которой в графе «образование» значится «блондинка», однажды после концерта так и сказала: «Ничё не поняла, но вот так бы слушала и слушала…»

Поэтому Михаил Николаевич и был уникальным в своём роде артистом, это был человек-жанр, очень яркий, выразительный, добрый и язвительный, дурашливый и серьёзный, очень разный. Впрочем, почему был? Плёнки сняты, книги написаны… Да и мы ещё можем многое рассказать всем интересующимся. Жизнь продолжается, два девятых вагона по-прежнему в пути, и сквозь этот размеренный стук колёс мы снова слышим голос, его голос, знакомый, далёкий, но родной, очень родной, ребята…

Сергей Дроботенко

Юморист, актёр, телеведущий, драматург

Кратковременная память…

Мы сидели в доме литераторов. Михаил Николаевич только что снялся в фильме про Леонида Филатова. И как раз рассказывал, что там все так грустно говорили, а он сказал: «Надо весело, Лёньке бы не понравилось, если бы мы все грустили и плакали». И тут он переключился на меня, я сидел напротив, ещё была пара наших друзей.

– Я, – говорит, – хочу, чтобы и после моего ухода Галкин выступал, про меня шутил, на кладбище чтоб выступил!

На кладбище я не выступил, решил, что не следует настолько идти по завету Михаила Николаевича, конечно. Мне кажется, что он это воспринял просто как повод для очередной шутки…

В 2006 году мы поехали кататься на горных лыжах в Сент-Мориц, это был январь месяц. В один из дней мы ехали, ничто не предвещало беды. И вдруг мы потеряли из виду Михаила Николаевича. Он уехал вперёд, а когда мы приехали, не увидели его в пункте назначения. Дозвониться не могли, потому что у него телефон всегда был выключен. На трассе его нашёл друг, с которым он приехал кататься. Задорнов, видимо, упал, поднялся и теперь стоял, припорошённый с одной стороны. Друг говорит:

– Миш, ты чего?

– Я упал.

– Ну, поехали?

– Поехали.

Потом выяснилось, что упал он неслабо, сильно ударился головой. И у него появилось то, с чем я никогда не сталкивался, то, по поводу чего мы с ним потом много раз смеялись, – кратковременная память. То есть человек пять минут помнит, о чём с тобой говорил, потом всё стирается ластиком, и он опять ничего не помнит, повторяет те же самые вопросы к тебе. И я сидел с ним четыре часа и отвечал на одни и те же вопросы Михаила Николаевича. Он лежал на койке, я сидел рядом…

– Я упал?

– Да, вы упали.

– Наверное, потерял сознание?

– Михаил Николаевич, мы же не видели, вы без нас упали.

– А, ну да, наверное. Как ты думаешь, сколько я был без сознания?

– Я не знаю, мы же не видели. Наверное, вы были без сознания. А может, вы и не были без сознания. Ну, пять минут, ну я не знаю.

– Ну, наверное, я был без сознания, потому что я многое не

помню. А мы где?

– Мы в Швейцарии.

– В Швейцарии? А что мы здесь делаем?

– На лыжах катаемся.

– А, ну да. А где моя дочь?

– Дочь у вас уже взрослая, 9-й класс…

– А, ну ладно.

И дальше так ластиком – раз, весь разговор стерся. И по новой.

– Я что, упал?

– Да, упали.

– И сколько я был без сознания?

– Я не знаю, Михаил Николаевич.

– Ну я же, наверное, был без сознания?

– Наверное, да…

– А мы где?

– В Швейцарии.

– А где дочь?

И так каждые пять минут. Через два часа я понял: зачем я так долго объясняю, что мы не видели, что он был без сознания? Какая разница? Через пять минут он забудет. И я говорил, что он был без сознания пять минут, десять минут, что он не упал – через пять минут он снова задавал одни и те же вопросы. Он мне не доверял, он косил на меня глазом, когда я отвечал, что мы не знаем, сколько он был без сознания. Он чувствовал, что я могу его обмануть, и, как только заходил какой-то врач, он меня спрашивал:

– Как долго я был без сознания?

Я говорил:

– Я не знаю.

И тут врач заходит, и он уже его спрашивает:

– How long I was without consciousness?

Я поразился, потому что Михаил Николаевич неплохо знал английский, но так выпалить фразу, с такой скоростью. Я понял, что человек с явлением кратковременной памяти очень хорошо помнит языки. Потом всё восстановилось. Я настоял, чтобы мы поехали сделали МРТ, вроде всё обошлось. Сначала у них не было аппарата, я настоял, чтобы мы поехали в соседнюю деревню. Мы полчаса ехали на «скорой». И потом, уже вечером, в такой более стационарной палате, сидим: я, Алёна, лежит Михаил Николаевич. У него уже восстановилась память, всё нормально. Только через каждые сорок пять минут он спрашивал: «Далеко ли до отеля?» И вот он сидит, не в самом хорошем настроении, смотрит на Алёну. И над ним висит кнопка вызова медсестры.

Такой белый прямоугольник с красной кнопочкой. И Алена, чтобы как-то перевести с его плохого настроения, спрашивает, глядя на кнопочку:

– Ой, Мишенька, а что это?

Задорнов лежит:

– Заменитель сахара, твою мать!

И потом очень жаловался:

– Вот, Алён, ты мне скажи: у других людей от удара гениальные способности проявляются, а у меня ни хрена!

То есть чувство юмора у него возобновилось практически сразу с уходом явления кратковременной памяти.

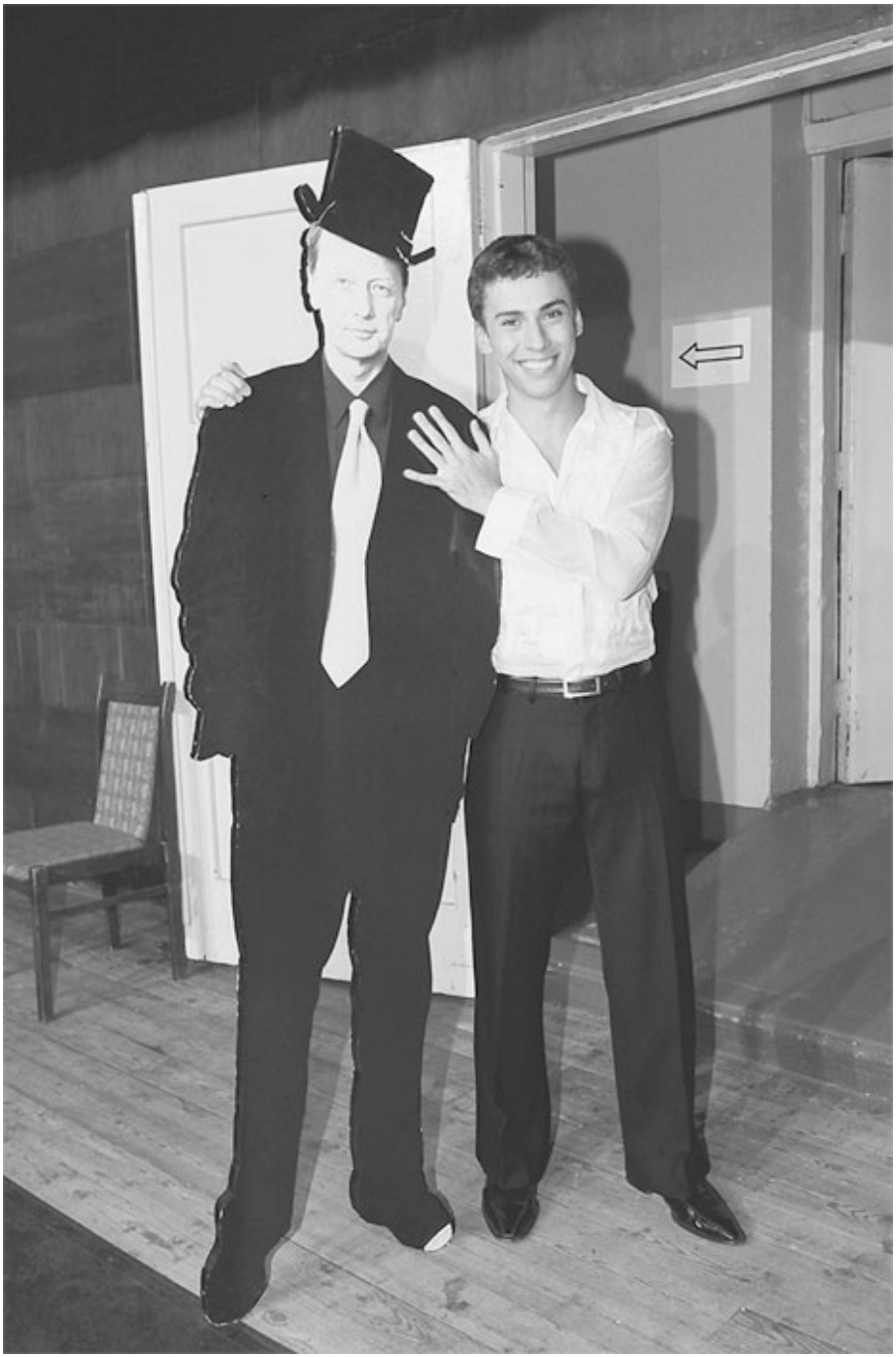
Весёлый мальчишка с нашего двора…

Мне позвонил Марк Дубовский, тоже недавно, к сожалению, ушедший от нас. Ему поручил позвонить мне Михаил Николаевич. Поэтому первая встреча с Задорновым у меня была воочию, а не по телефону. И она была не где-нибудь, а на сцене зала «Дзинтари». Это был август 1999 года. У него был просто сольный концерт, в котором он меня пригласил участвовать. И познакомил нас Марк на сцене. Для меня это был исторический момент. В 1989 году я сидел с родителями в этом зале на концерте Михаила Николаевича, ухохатывался, у меня живот болел, до сих пор память живота от этого смеха. И вот ровно через десять лет я на сцене с ним же. Я выходил в начале второго отделения. И для меня началась тогда вся эта история поездок с Михаилом Николаевичем: полные залы, невероятная публика. Понимаете, мне два раза повезло в жизни: когда я со студенческим театром породнился и попал сразу на очень благожелательную студенческую публику и когда меня пригласил Михаил Николаевич. Потому что это очень важно, ты приходишь к целевой аудитории. Обычно артист к этому приходит, когда он сам её собрал на себя. Когда ты попадаешь на людей с тем же вектором, благодаря наработкам другого человека, как бы на всё готовенькое. Поэтому я в тёплые руки любимых зрителей Михаила Николаевича попал сразу, и мы долго ездили. На афише в одном из городов было написано: «Выступает Задорнов со своим приЁмником».

Находясь с таким человеком, что важно? Не то, что ты один раз побывал на концерте у Задорнова, второй раз, а то, что ты ездишь в течение года с ним и видишь, как он меняет программу, в зависимости от приёма аудиторией разных шуток, от того, где ты выступаешь, от того, как долго длится концерт, и так далее, и тому подобное. Это очень профессиональные вещи. Михаил Николаевич всегда был человеком профессии и человеком высокого такого полёта в отношении к жанру, к своему делу. Это же не вопрос гастролей со звездой. Наверное, если бы я поехал с какой-нибудь звездой, я бы учился звёздности. А у него я учился делу.

Я вообще думаю, что Михаил Николаевич никогда не был таким вот трибуном, который ставил задачу жечь глаголом сердца людей. Всё-таки для него сатира – это было самовыражение, насколько я видел. То есть он всегда для меня

внутренне оставался вот таким мальчишкой, который оправдывал свою фамилию, задорным… в нём клокотала эта энергия… кураж такого прикола. То есть мне кажется, он кайфовал, когда мог сказать то, что кто-то побаивался сказать. Не раз так бывало, что знакомые говорили: «Миша, я за тебя волнуюсь, ты так сказал про нашу власть». Он не был при этом прямо безоглядно отчаян, так сказать, в бичевании пороков. Нет, он же не на баррикады лез. Он шёл к людям, и люди ухохатывались, от этого им становилось легче. И вот эта энергия, которая ему устремлялась навстречу из зала, – его питала. Он для этого всё делал. Не для того, чтобы что-то исправить в нашем мире. Мне кажется, он всегда был достаточно умным человеком, чтобы понимать, что в нашем мире исправить ничего нельзя. Ну, может, Иисус Христос что-то исправил в этом мире. И то, много народу работает до сих пор, и не могут все заветы выполнить. Ну, он, скажем так, сместил вектор. Поэтому мне кажется, самое главное, что давал Михаил Николаевич, – это отдушину. Когда у людей появляется надежда, они же смеются. Смеются – им становится легче, они легче относятся к этим проблемам. То есть он не искоренял проблемы, он изменял точку зрения на них. Во всяком случае, на некоторое время людям становилось легче. А ему легче оттого, что у него получилось, оттого, что это классно, он делает то, что умеет, и это органично, это востребовано. И в нашем же жанре смех – это такая лакмусовая бумажка. Ты не можешь придумать аплодисменты, ты не можешь барабаном сзади, как у многих эстрадных исполнителей, задать ритм, овации, ты не можешь искусственных клакеров, так сказать, подпитать – люди не могут искусственно смеяться. Ты не можешь заплатить этим людям, чтобы они ржали, это невозможно. Значит, они либо смеются, либо не смеются. Поэтому, когда у тебя есть эта возможность, когда у тебя есть эта власть над смехом, то ты, конечно, уже служишь этой способности своей, ты уже любишь искусство в себе и хочешь, я про него сейчас говорю, да, и хочешь это донести до людей, хочешь поделиться этим. Переживаешь, когда этого нет. Переживаешь, когда это ты делал много лет, а сейчас не знаешь, к какой аудитории обращаться. Поэтому я не думаю, что он был пессимистом, оптимистом – это всё неправильные термины. Но это моё восприятие.



Мне два раза повезло в жизни: когда я со студенческим театром породнился и попал сразу на очень благожелательную студенческую публику и когда меня пригласил Михаил Николаевич

Я в тёплые руки любимых зрителей Михаила Николаевича попал сразу, и мы долго ездили. На афише в одном из городов было написано: «Выступает Задорнов со своим приЁмником»

Мне кажется, что он был современным абсолютно стендап комедиан. То есть самого высокого качества, американского, кстати, качества. И когда американские стендап комедиан ругают власть, я не думаю, что кто-то задумывается, за кого он сейчас. Нет, он просто хорошо занимается своим делом. В этом

отношении, мне кажется, что, вообще, если говорить Задорнов и власть, он был всегда человеком настроения. Он мог подружиться с каким-нибудь чиновником, потому что ему понравился этот человек. И с другой стороны, в принципе, чиновничество как класс он терпеть не мог, и никогда с этим долго сосуществовать не мог абсолютно. Вообще, сосуществовать в любой системе, тем более в такой номенклатурной, он не мог, это ему было противопоказано.

Он всегда для меня внутренне оставался мальчишкой, который оправдывал свою фамилию, задорным… в нём клокотала эта энергия… кураж такого прикола. То есть мне кажется, он кайфовал, когда мог сказать то, что кто-то побаивался сказать

Он бы вступил в партию, потом тут же что-нибудь сказал про эту партию, тут же партия бы с ним и рассталась, всё. Союз партии и Задорнова был бы краток. Это невозможно, потому что партия – это всё, это ты, значит, должен туда идти и это сказать. И вот когда наступит этот момент, он пойдёт не туда и скажет не то. И союз с партией закончится. Поэтому какие-то, наверное, кратковременные дружбы, знакомства были, он же дружил и с Ельциным, но всё это недолго. И безусловно, строилось не на каких-то политических амбициях, идеологиях, а, конечно же, на личном каком-то обаянии. Соответственно, он не мог приспосабливаться.

Он по-хорошему завидовал моему терпению. У него такого терпения не было никогда. И поэтому он никогда не приближался, был равноудалён ото всех, и в этом отношении его и побаивались, я думаю. Побаивались, потому что чёрт его знает, непонятно, что от него ждать. Чего-нибудь ляпнет ещё…

Он выходил за рамки жанра, всё-таки всегда был личностью. И зрители воспринимали всё, что он говорит, от первого лица. То есть не только так пошутил Задорнов, а что он именно так и думает. Поэтому можно шутить про Америку, потом выпустить книгу «Я люблю Америку». Потому что шутил-то тот Задорнов, а написал книгу этот.

Это какая-то абсолютно мальчишеская восторженность. Он для меня никогда не имел никакого возраста. То есть возраст и Задорнов – это абсолютно несовместимые понятия. Просто весёлый мальчишка с нашего двора…

Но в принципе, конечно, чуйка у него была невероятная. То

есть он задолго до всего нашего российского народа предвидел охлаждение отношений между Россией и Америкой и стал, собственно, их предтечей.

И с человеческой, и с профессиональной точки зрения, он для меня был неожиданным своей изобретательностью. То есть он был для меня этаким Кулибиным. Это касалось и каких-то вещей на сцене. Ну, потому что, конечно, он что-то привнёс ещё из своих студенческих, театральных опытов. Например, то, как он каждый раз падал в определённый момент выступления и старательно отрабатывал это. Я участвовал в его концерте. И был момент, который он для себя наметил, особенно смешной для всей аудитории, когда все хохотали, звучали аплодисменты. И он так специально раскачивался на стуле, давал в этот момент критический угол и каждый раз падал. Якобы от смеха, каждый раз, из года в год. На одной и той же репризе он падал со смеха. И так это было искренне, что поверить в то, что он так падает уже тридцатый раз, было невозможно. Это, конечно, изобретательность. Изобретательность и в жизни. Вот из каких-то пеньков, из каких-то палочек сделать часы, какие-то стульчики, колодцы, пирамиды… Ну, то есть какой-то такой в принципе герой Шукшина абсолютно.

Ну, конечно, он был дарителем. Он, наверное, и принимать подарки любил, но очень сложно было найти его в день рождения, который он обычно скрывал всегда. Скрывался в свой день рождения. А его подарки были всегда неожиданные, часто игровые. Когда мы пришли в замок, он подарил кольчугу. Причём кольчуга тяжёлая, килограммов пятнадцать! Михаил Николаевич уже на себя её надел, причём я думаю, как он на себя надел? Она же пачкается этим железом, чуть ли не машинным маслом. Но он её водрузил, встал с каким-то мечом… И игру подарил прибалтийскую «Новус», в которую мы там играли.

Это какая-то абсолютно мальчишеская восторженность. Он для меня никогда не имел никакого возраста. То есть возраст и Задорнов – это абсолютно несовместимые понятия. Просто весёлый мальчишка с нашего двора…

Максим Галкин

Шоумен, телеведущий, юморист

Для меня – просто Миша…

10 ноября 2017 года ушёл из жизни Михаил Задорнов. Для многих Михаил Николаевич. Для меня – просто Миша, потому что мы были знакомы 48 лет…

Целая жизнь!

Последний его год мы с ним не виделись. Он болел.

Где-то в ноябре 2016 года была съёмка передачи «Смеяться разрешается», и Миша приехал сниматься. Мы с ним прекрасно поговорили, месяца два не виделись, а он уже знал о своей болезни.

Я выступал в первом отделении, но остался, чтобы посмотреть выступление Задорнова. Он вышел на сцену, прочитал новый монолог. Хороший монолог. Публика была в восторге. Второй монолог был ещё лучше. Несмотря на болезнь, Миша продолжал писать хорошо. После двух монологов он решил почитать мелочи, начал читать, но листочки от перекладывания упали на сцену. Миша поднял их и попытался читать дальше. Я смотрел его выступление из артистической по телевизору. И вдруг вижу, что Миша начинает падать. Выбежал какой-то человек, поддержал. Миша попытался читать дальше, но тут у него перекосило рот, и он снова стал падать. Его увели со сцены…

Я, увидев всё это, просто заплакал. Я никогда не видел Мишу слабым. Я видел его весёлым, жизнерадостным, сердитым и даже злым, но никогда – слабым. Это на меня так подействовало, что слёзы покатились сами.

Его привели в артистическую, я попытался скрыть слёзы, но Миша всё увидел и стал меня успокаивать:

– Лёнь, не расстраивайся, у меня уже так было, сейчас пройдёт.

Его усадили на диван, вызвали скорую. Он успокоился, пришёл в норму. Врачи хотели забрать его в больницу, но он попросил отвезти его в санаторий «Барвиха», в котором он жил в это время. Его повели к машине скорой. Я шёл позади. Вдруг он переполошился:

– А где Измайлов?

– Здесь я, здесь. – Проводил его до машины, попрощались, и он уехал.

Через некоторое время я навестил его в Барвихе. Мы пообедали в кафе на озере. Он нормально разговаривал, но ходил с трудом. Я хотел после обеда уехать, но он попросил меня пойти с ним в номер. Они собирались с Леной встречать дочку, которая

откуда-то прилетала.

Где-то через час я уехал и уже больше никогда его не видел… Потом мы как-то разговаривали по телефону. Миша мне рассказал о своей болезни. Он долго не хотел ехать в Германию, но потом всё-таки сделал там операцию. Врачи говорили, что всё прошло хорошо.

Потом долгая реабилитация, но победить болезнь, увы, не удалось. Откуда это взялось – никто не знает.

Лет за семь до этого Задорнов с Галкиным ездили за границу кататься на горных лыжах.

Максим мне рассказывал, что они ехали по ровному месту. Миша был где-то впереди и вдруг пропал. Когда подъехали к нему Максим и Лена, он уже встал и не мог вспомнить, что с ним произошло. Он упал. Сколько пролежал, не помнил, почему упал, тоже не помнил. Максим отвёз его в клинику. Максим знает три иностранных языка, поэтому переводил. На голове у Миши была шишка. Довольно большая. Потом всё пришло в норму. Он жил обычной, нормальной жизнью. И по сей день никто не знает, в чём же причина его болезни.

Для многих Михаил Николаевич. Для меня – просто Миша, потому что мы были знакомы 48 лет…

Целая жизнь!

Может быть, при падении он так ударился головой, то ли упал уже оттого, что был болен.

Я разговаривал с одним профессором-хирургом, спрашивал

по поводу этого удара о землю, он сказал:

– Никто не знает, откуда и что появляется. Боксёров бьют по голове – и ничего.

Миша, как мне рассказывала Лена, ни за что не хотел идти проверяться к врачам. И сделал это уже, когда не идти было нельзя…

Вот такая история его болезни.

В октябре 2016 года Миша вдруг позвал нас с женой в ресторан. Он уже знал о своей болезни, но никаких признаков её мы не видели. Посидели с Велтой и Мишей в «Китайской грамоте». Миша довольно давно развёлся с Велтой, но это не нарушило их отношений, они были дружны и тепло относились друг к другу. Миша со своей первой женой родились в одном роддоме. Учились в одной школе. Знакомы со второго класса. Велта была дочкой Яна Калнберзиня – первого секретаря Компартии Латвии, а потом и председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

А Миша был сыном известного писателя – Николая Задорнова. Николай Павлович – классик советской литературы, лауреат Сталинской премии за роман «Амур-батюшка».

После войны он приехал в Ригу из Сибири. Создавал в Латвии Союз писателей. Николай Павлович написал много книг о флоте, о Дальнем Востоке. В текстах Даниила Гранина есть ссылки на Н.П. Задорнова, книгу которого использовал как справочный материал для своих произведений – так много литературы по истории флота и освоению Дальнего Востока проштудировал Мишин отец.

Надо сказать, что от своего отца Миша унаследовал и трудолюбие, и писательский талант.

Возможно, он бы и стал серьёзным писателем, если бы не занимался в Риге КВН. А потом, переведясь в наш МАИ, попал в нашу маивскую самодеятельность. Он сам признавался потом, что ему очень нравилось, как я выступал, и ему хотелось тоже выступать и иметь такой же успех.

Он появился у меня на кафедре, где я работал инженером. В 1969 году пришёл знакомиться – весёлый, рыжий, громогласный и жутко активный молодой человек. Ему тогда был 21 год. Я в доме культуры вёл авторскую группу, то есть учил студентов писать юмор.

Миша стал ходить ко мне на занятия. Ничего он не писал, а только рассказывал какие-то смешные случаи и сам оглушительно хохотал.

Однажды он мне показал свои очерки о ловле рыбы на Дальнем Востоке. Хорошие были очерки, интересные, но Мише

хотелось выступать, а не писать очерки.

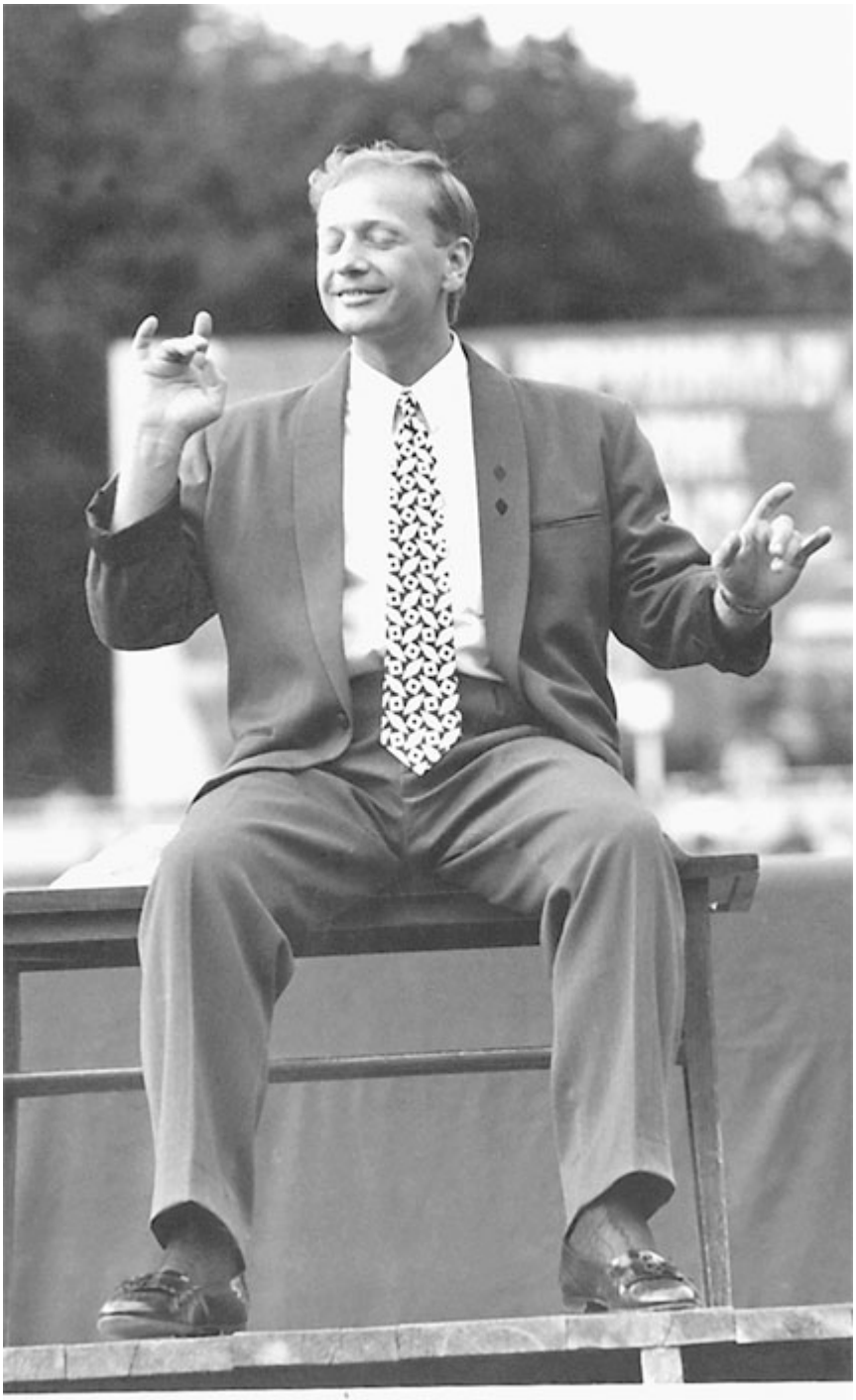
Он и начал выступать на маивской сцене.

Я сам видел, как Задорнов читал со сцены горинскую «Массовку», бегал по сцене, кричал, но успеха не имел. Однако Миша уже тогда был человек упорный. Он создал свой студенческий коллектив, они сами писали миниатюры, и сами же их разыгрывали, и впоследствии ставили.

Первый спектакль «Шпион в МАИ» он написал по моей идее, которую я пытался осуществить в своей авторской группе.

Но я в 1973 году ушёл из МАИ, поступив на Высшие сценарные курсы, а Миша свой спектакль поставил. Причём хорошо. Проделал огромную работу. И в отличие от остальной самодеятельности он здесь использовал и звук, и свет, и даже цвета костюмов подобрал со вкусом.

Успех у спектакля был оглушительный. Миша стал ездить со своим коллективом по стране. А через какое-то время за спектакль «Как закалялась сталь» его агиттеатр «Россия» получил премию Ленинского комсомола.



Он появился у меня на кафедре, где я работал инженером. В 1969 году пришёл знакомиться – весёлый, рыжий, громогласный и жутко активный молодой человек. Ему тогда был 21 год

Параллельно все семидесятые годы он писал рассказы и пытался напечатать их в «Клубе 12 стульев» «Литературной газеты». Его долго не печатали. Он мне показывал эти рассказы. Они были ещё сырые, но Миша упорно продолжал писать.

Почему-то мы с ним всё время случайно встречались. Мы не были близкими друзьями, но почему-то пути наши всё время пересекались. То вдруг я его встретил в подмосковной электричке ночью. Как мы попали на разных станциях в один вагон, ума не приложу. То в МАИ встретимся, то на конкурсе в Театре эстрады.

Один раз я приехал в МАИ за знакомой девушкой, мы с ней шли на выход, и он, Миша, к нам присоединился. Я взял такси и предложил подвезти его. Ему нужно было к Курскому вокзалу, а нам на Автозаводскую. Болтали в машине, хохотали. У Курского он вышел. А я, когда мы выбирались из машины, увидел на полу авторучку. Скорее всего, она выпала у Задорнова. Я взял авторучку, посмотрел, а она – с золотым пером, и вся из себя очень дорогущая.

Я позвонил Задорнову, спросил, не он ли потерял эту авторучку?

Оказалось, что такие паркеровские авторучки дарили делегатам съезда, и его тесть, получив её там, передарил авторучку Мише. Жалко было, конечно, расставаться с такой находкой, но пришлось.

Миша тогда очень хотел мне понравиться, и однажды, читая мне в МАИ свой очередной рассказ, даже подарил мне газовый баллончик для самозащиты. Тогда это был жуткий дефицит. Казалось бы, пустячок, а приятно, и помню до сих пор.

Все семидесятые годы в самодеятельности Миша, кроме того, что писал сам, использовал и мои репризы. В самодеятельности это было обычным делом.

Однажды я выступал в МВТУ. Полный зал – битком. Читаю очередной монолог. Очень хорошо принимают. Дохожу до самой смешной репризы, произношу её, и – полная тишина в зале. Меня как будто по голове кто-то ударил, еле-еле закончил выступление. Выхожу за кулисы и узнаю, что до меня эту репризу исполнил участник самодеятельности, которой руководил здесь Задорнов.

Миша в этом смысле был человек уникальный: всё, что только он слышал, он тут же тащил на сцену. Например. Я позвонил Задорнову. Велта сказала, что его нет дома. Что передать? Я сказал: «Передай ему три рубля». Вскоре он эту репризу уже исполнял в концерте.

Мы были с ним на рынке. Я спросил у одного продавца:

– Сколько стоят помидоры?

– Шесть рублей.

– А за восемь не отдашь?

Уже на другой день Миша пробовал это со сцены.

Однажды Миша мне сказал, что купил (это было в конце 1980-х годов) будильник Буре за 400 рублей.

Я сказал, что за такие деньги я сам каждый день буду приезжать к нему и будить. И это тоже пошло в дело. Где бы он ни был, что бы смешное ни услышал, он тут же пытался это приспособить для своих выступлений.

Очень много реприз брал из «Крокодила». Там была рубрика «Нарочно не придумаешь» – и Миша её как следует использовал.

Наконец-то к концу 70-х Мишу стали печатать в «Клубе 12 стульев». Он утверждал потом, что я пробивал там его рассказы. Я этого не помню, думаю, что он просто стал писать лучше и его уровень юмора стал устраивать редакторов.

А в 1978 году началась передача «Вокруг смеха». Мишу туда порекомендовал его отец, про которого в Литдраме делали фильм. Миша снимался очень успешно. К тому времени у него уже были хорошие номера. Этому способствовали и частые выступления, а главное, Миша упорно обучался. Учился у всех. И у меня, и у Арканова, и у многих других. Всё время писал для «Литературки». Часто выступал со своим театром «Россия». Они ездили куда-то на север, даже на ледоколе плавали по Северному морскому пути.

Миша упорно обучался. Учился у всех. И у меня, и у Арканова, и у многих других

В 1980 году я пригласил Мишу Задорнова и Ефима Смолина на гастроли в Кишинёв. Надо сказать, что на тот момент Смолин писал лучше, чем Задорнов. Но Задорнов – гений поведения. Он со всеми мог наладить хорошие, дружеские отношения. В результате через десять лет, к концу 1980-х, Миша собирал Дворцы спорта. А Смолин, оставаясь хорошим эстрадным автором, как никто, умел со всеми поругаться, потому и известности Мишиной не приобрёл.

Итак, поехали мы в Кишинёв. Главным у нас был, конечно, наш «пахан» – Арканов, а я был организатором. Я дружил с директором бюро пропаганды Союза писателей, собирал состав исполнителей и вёл всю административную деятельность.

Гастроли у нас были весёлые. Но мне в Кишинёве приходилось туго. Я, как более опытный, шёл в концерте после Задорнова, а он передо мной читал не только свои монологи, но ещё и минут пятнадцать «сандалил» репризы из «Нарочно не придумаешь», которые вызывали гомерический хохот. Однако на тот момент я выступал посильнее и эту конкуренцию выдерживал. Но Миша рос не по годам, а по месяцам. Прибавлял мастерство с каждым днём, и года через три я после него уже пройти хорошо не мог.

Его популярность сильно росла за счёт показов в «Вокруг смеха». У него тогда появились хорошие номера. Все зрители заметили «Аутогенную тренировку», «Шпиона». А потом он исполнил «Два девятых вагона». Эту историю привёз с гастролей Лёша Птицын, но Миша её развил до очень смешной миниатюры. Номер стал хитом. Миша понимал, что «Вагоны» публика запомнила лучше, чем его самого, и потому, выходя на сцену, всегда вставлял в свою речь слова о том, что он – автор «Двух девятых вагонов», чем, собственно, умножил свой успех.

Став профессиональным сатириком, он не перестал использовать мои репризы, и я на него обижался и порой устраивал скандалы. Но он говорил: «Лёнь, мне так нравится, как ты пишешь, что я не могу удержаться!»

После такого признания как-то уже и ругаться не хотелось. А через несколько лет я ему говорил: «Миша, ну что же это такое, ты перестал у меня таскать репризы. Я что, стал хуже писать?»

Нет, просто Миша стал писать лучше.

Теперь уже я у него учился. Он, например, открыл мне свою технологию. Надо много раз переписывать то, что пишешь.

Я попробовал. Действительно, при переписывании всё время что-то добавляется новое. А потом я прочитал в книге Вересаева, что Гоголь каждую свою вещь переписывал восемь раз.

Удивительно, что и Гриша Горин тоже говорил мне, что все

свои вещи переписывал по восемь раз. Причём он Вересаева не читал и про Гоголя не знал.

С удовольствием вспоминаю, как Задорнов в восемьдесят каком-то году позвал меня и Смолина в пансионат ЦК ВЛКСМ «Ёлочка». Мы там давали концерт. Начинал я, и минут через тридцать весь зал скандировал. Потом выступал Смолин и доводил зал до повального хохота. А потом Задорнов довёл зал до истерики. И одна девушка даже… в общем, ей пришлось уйти с выступления.

На следующее утро, когда мы втроём пришли в столовую, все, кто там был, встали и встретили нас аплодисментами.

Что и говорить, до сих пор вспоминаю это с удовольствием.

Ещё помню, что мы в этой «Ёлочке» пошли на Москву-реку. Было уже холодно, но Миша разделся до трусов и плавал среди льдинок. Спокойно моржевал. Вообще, был очень спортивным парнем. Раньше, ещё в Риге, он играл в гандбол и всю жизнь играл в теннис.

В восьмидесятых годах он стал с нами ездить и в Баку, и в другие города, но ему рамки общего концерта уже были узки. Мы работали каждый по 20 минут. А он не мог остановиться. Меньше сорока у него никак не получалось.

В общем концерте это было просто невозможно. После его сорока минут кто-то мог провалиться.

На гастролях мы конечно же разыгрывали друг друга. Один раз розыгрыш закончился печально. Мы жили в гостинице «Москва». С нами была эстрадная пара авторов-исполнителей – Брайнин и Дабужский.

Брайнин – пародист. Писал и исполнял пародии. Что мне в голову пришло – не знаю. Я позвонил Борису Брайнину и сильно изменённым голосом с кавказским акцентом спросил:

– Ты Брайнин?

– Да.

– Мы вчера на концерте были, хотим пригласить вас к себе на концерт. Каждому по 50 рублей.

– Хорошо, – отвечал Брайнин. – Да, да, конечно.

– Значит, давай ты.

– Я.

– Потом этот с нашей фамилией.

– Ага, Измайлов.

– Да, потом этот…

– Арканов?

– Давай, Арканов, и ещё этого позови, Матютю.

Задорнов исполнял в концерте репризу из «Нарочно не придумаешь». Вместо названия фильма «Убийство Маттеоти»

было написано – «Убийство Матюти». Так что Брайнин понял, что речь идёт о Задорнове.

В конце разговора «заказчик» дал Брайнину, как свой номер, номер самого Брайнина.

А Брайнин, естественно, свой гостиничный номер не помнил и записал номер «заказчика Тенгиза».

Положив трубку, Брайнин тут же обзвонил всех нас и пригласил на концерт. Очень возбудился, нервничал, предвкушая неожиданный гонорар.

Дабужский, который жил в одном номере с Брайниным, тут же обиделся, потому что его не позвали.

Через некоторое время «Тенгиз» позвонил Брайнину и сказал, Матютю не надо. Только втроём. Брайнин позвонил Задорнову и сказал, что Тенгизу Матютя не нужен.

Ещё через некоторое время Тенгиз позвонил Брайнину и сказал, что и Брайнин тоже не нужен, а он сам позвонит Измайлову и Арканову, после чего повесил трубку.

Брайнин позвонил мне и спросил, звал ли меня Тенгиз? Я сказал, что звал, сказал, что ты отказался сам. Позвони ему, если что, я откажусь от концерта.

Брайнин стал звонить Тенгизу, но там всё время было занято, потому что он звонил сам себе…

Пора было ехать на концерт. Я спустился в вестибюль и встретил умирающего от смеха Задорнова.

Он сказал: «Лёнь, ты не представляешь, что сейчас было. Я у себя в номере делаю гимнастику. Звонит Брайнин и говорит, что меня, как Матютю, зовут на концерт. Я согласился, а через 15 минут звонит Брайнин и говорит, что Матютя не нужен» – и хохочет. Его жутко развеселило, что его назвали Матютей.

Мы сели в машину. Брайнин стал с возмущением рассказывать Арканову о случившемся.

Сообразительный Аркан скосил на меня глаза, я, чтоб не расхохотаться, отвернулся.

Аркан всё понял и спросил: «Борь, а по какому телефону ты звонил Тенгизу?»

Боря достал бумажку и продиктовал телефон. Арканов узнал номер Брайнина и всё понял окончательно.

Задорнов и здесь, в машине, радостно сообщил Арканову про Матютю.

После концерта мы все поехали в гости к нашей знакомой – Эле. Там выпили, и Арканов, которому я всё рассказал, продолжил розыгрыш. Он сказал, что у него в Баку есть влиятельная знакомая Фатима, которая работает в ЦК, и она накажет этого Тенгиза.

Мы все вышли в коридор, и Арканов стал звонить Фатиме. Дозвонился, рассказал всю историю и потребовал, чтобы Фатима уволила с работы Тенгиза.

Брайнин стоял возле Арканова и приговаривал: «Да, пусть уволит, так ему и надо».

Мы трое: я, Задорнов и Дабужский просто сидели без сил на полу и плакали от смеха, глядя на эту пару.

На другой день Тенгиз, то есть я, позвонил Брайнину и, чуть не плача, произнёс:

– Зачем пожаловался Фатиме, меня теперь с работы увольняют.

– Правильно, – заметил Брайнин. – Так вам и надо.

– Давай так, – сказал Тенгиз, – я приеду к вам на концерт, дам тебе 50 рублей и разойдёмся по-хорошему.

– Ладно, – согласился Брайнин, – приезжайте.

Вечером на концерте Брайнин ждал Тенгиза, но Тенгиз почему-то не приехал.

Когда мы ему рассказали, что это был розыгрыш, он так разволновался, что потом принимал таблетки, так что было уже не до смеха.

К концу 1980-х годов Миша благодаря передаче «Вокруг смеха» стал самым популярным сатириком страны. Он собирал Дворцы спорта. В начале 1990-х, помнится, у меня не было концертов. Время было тяжёлое. Люди потеряли все свои советские накопления. Миша протянул мне руку помощи – позвал меня на свой концерт в «Лужниках».

Весь Дворец спорта, а это двенадцать тысяч зрителей, пришёл на Михаила Задорнова. Концерт длился почти 4 часа. Я в этом концерте занял всего 20 минут, и куплетисты Е. Динов и С. Щеголихин тоже 20 минут, а всё остальное время работал Задорнов и доводил зал до истерики.

Почему же именно Задорнов стал самым популярным писателем-сатириком нашей страны, обогнав по сборам даже Жванецкого, не говоря уже об остальных?

Конечно, он человек талантливый. Но и другие были не менее талантливы: и Альтов, и Смолин, и Трушкин.

Безусловно, Миша ещё и очень работоспособный человек. Но надо сказать, что и Смолин не уступал Задорнову в упорстве и трудолюбии. И показывали Смолина по ТВ довольно много. Но, повторяю, Задорнов мог с кем угодно поладить, а Смолин мог с кем угодно поругаться.

Кроме того, Задорнов очень целеустремлённый человек. Он шёл к цели, сметая все препятствия на своём пути.

И наконец, Жванецкий. Гений в своём деле. Тут всё сошлось –

и трудолюбие, и талант, и целеустремлённость. Но, когда меня в передаче «Без протокола» Борис Берман спросил, кто из них популярнее, я тут же ответил: «Конечно, Задорнов. Подумайте, кто ещё из наших сатириков сегодня может собрать три дня подряд зал Кремлёвского дворца? Только Задорнов».

Если бы он меня спросил:

– Кто пишет лучше?

Я бы ответил:

– Жванецкий. Но популярнее всё же Задорнов.

В чём же тут дело? Во-первых, в том, что Жванецкий пишет тоньше, интеллигентнее. В его текстах больше игры ума. Это его творчество не для всех.

У Задорнова – для всех. Для всех слоёв населения. Он понятен всем, от дворников до академиков.

Во-вторых, Жванецкий никогда не позволяет себе народного юмора. Он никогда не вставляет в свои номера анекдотов. Было как-то, он просто несколько анекдотов рассказывал. (Сам слышал в зале «Россия».) Но в монологах своих – никогда.

А у Задорнова есть. Он может час-полтора рассказывать со сцены всякие истории, почерпнутые в народе. И когда он их рассказывает со сцены, зал просто рыдает от смеха.

А теперь ещё и в Интернете этих шуток полно. И пользуются ими большинство наших юмористов, и я в том числе. Другими словами, против лома нет приёма. Невозможно соревноваться с целым народом.

Кроме всего прочего, Задорнов – парень красивый, хорошего роста и сложения. Всегда очень стильно одет. Подаёт репризы очень профессионально.

А главное – энергетика. Он, Задорнов, конечно же, обладает очень сильной энергией. Причём он, работая с залом, подзаряжается от него. Иначе как бы он стоял подряд три-четыре часа на сцене и выходил после концерта свежий как огурчик.

Я тоже довольно часто выступаю с сольными концертами и, если всё идет хорошо, то есть если меня хорошо принимают, через два часа не чувствую усталости. Но, если принимают плохо, когда ощущается сопротивление зала, после концерта нет сил, руки как свинцовые.

Помню, в 1980-каком-то году мы выступали большой группой юмористов в Доме литераторов. В зале сидела моя жена, Лена. Задорнов выступил лучше всех. Жена сказала мне: «Вы со Смолиным какие-то вчерашние, а Задорнов – свежий».

Он всегда ухитрялся быть современным. И в нулевых годах XXI века, когда вовсю уже властвовал Интернет, Задорнов смог идти в ногу со временем.

Где-то году в 2012-м он мне сказал, что в Интернете у него полтора миллиона подписчиков. Ещё Галкин, молодой человек, не представлял себя в Инстаграме, как это он делает сейчас, а Задорнов уже по полной программе там себя рекламировал. А кто ещё мог на сцене пройтись на руках или сесть на шпагат? Только Задорнов.

Что ещё можно сказать о Задорнове в плане работы. До РЕН-ТВ он очень чётко дозировал свои появления на экране.

Кроме всего прочего, Задорнов – парень красивый, хорошего роста и сложения. Всегда очень стильно одет. Подаёт репризы очень профессионально.

А главное – энергетика. Он, Задорнов, конечно же, обладает очень сильной энергией. Причём он, работая с залом, подзаряжается от него

Когда-то, в 1980-х годах, он придумал коэффициент узнаваемости. То есть насколько его узнают на улицах и в общественных местах. Коэффициент этот очень вырастал после показов по ТВ. Но он понимал, что очень частые появления на экране вредят популярности.

В связи с этим хочу рассказать одну комичную историю, которую мне рассказал сам Миша.

Что было на самом деле – не знаю. Он всегда что-нибудь прибавлял, сочинял на ходу.

Значит, Задорнов однажды решил пойти в народ. Надел куртку, кепку надвинул на глаза, чтобы не узнали, и пошёл в метро. Сколько платить за билет, он не знал. На всякий случай дал сто рублей, получил карточку, ну и подошёл к турникету.

Куда совать карточку, он тоже не знал. Так попробовал и так – не получается. Подошла дежурная и сказала: «Ну, вы ещё тупее американцев». И помогла Мише приладить билетик.

Спустился по эскалатору, никто его не узнал. Вошёл в вагон, сел. Никто не узнаёт. Он приподнял кепку – всё равно никто не узнаёт. А у нас в метро каждый занят собой. Кто в телефоне что-то разглядывает, кто газету читает, кто просто в отключке. Задорнову стало обидно, что никто его не узнаёт. Он встал, подошёл к какому-то мужику и спросил: «Вы меня не узнаёте?»

Мужик, видно, приходил в себя после вчерашнего. Он посмотрел на Задорнова и сказал: «Слышь, мужик, я себя-то сегодня не узнаю».

Не знаю, что здесь присочинил Задорнов, но он по ТВ рассказывал историю, как мы с ним ездили в Париж, ходили в какой-то музей. И рядом оказался какой-то шахтёр из России с металлическими зубами. И якобы я сказал этому шахтёру, что зубы его вызовут звон в рамке.

– И что делать? – спросил шахтёр.

– В туалете есть туалетная бумага, надо обернуть ею зубы, тогда не зазвенят.

Шахтёр так и сделал, а потом так и ходил, с туалетной бумагой во рту, потому что надо было назад выходить.

Никогда в жизни мы с ним не были в Париже. Вся эта история выдумана Мишей. От начала и до конца. Выдумщик!

Однажды я ему рассказал, как я разыграл Хазанова.

Стою я возле дома Хазанова в Трубниковском переулке, жду Гену, а рядом какой-то парнишка крутится.

Я говорю ему:

– Хочешь заработать три рубля?

– Хочу.

– Сейчас выйдет Хазанов, подойдёшь к нам и попросишь автограф у меня, только у меня, понял?

– Понял.

– Давай.

Выходит Хазанов. Парнишка подходит к нам, просит у меня автограф. Я даю. Пацан отходит. Вы бы видели лицо Хазанова.

Миша послушал эту историю и стал рассказывать её со своей концовкой: «Пацан отошёл от нас, Хазанов посмотрел ему вслед и сказал: «Лёнь, сколько ты ему заплатил?»

Конечно же, его вариант был смешнее, чем мой.

В конце появилась хорошая реприза. Он сам её придумал. А остальное придумал я, ничего подобного в жизни не было.

Вот так и рождаются анекдоты.

Случалось, что он мне помогал что-то усмешить, было и наоборот – я ему.

Мы подъезжали к Останкину, он мне говорит:

– Лёнь, не было каких-то реприз по поводу… – ну, не важно чего.

Я сказал:

– Вот такая была реприза на эту тему.

– Всё, я сделаю по этой конструкции свою. – И делал. Делал талантливо.

Где-то в конце 1980-х мы с моим театром юмора «Плюс» приехали в Ригу выступать во Дворце спорта.

Туда ко мне пришёл Миша с красивой девушкой лет двадцати. Так я впервые увидел его будущую жену, Алёну Бомбину.

Удивительное дело, и Велта, и Алёна – обе были и продолжают быть прекрасными женщинами. И та и другая: и красивые, и милые, и умницы. Вот так получилось, что Миша вынужден был раздваиваться какое-то довольно долгое время. Миша скрывал существование Алёны. Но потом, когда родилась дочка, скрывать уже было невозможно. Велта обо всём узнала. Через годы Миша развёлся с Велтой и официально женился на Алёне.

Но с Велтой его связь не прерывалась. Она оставалась в его жизни близким и дорогим человеком. Я никогда не спрашивал Мишу о его взаимоотношениях с обеими жёнами. Понятно было, что эта ситуация стоила ему много нервов. Я принял всё это как данность. Ничего переделать было нельзя. Это было его решение, и никто не вправе был в него вмешиваться.

Ещё одну историю из 80-х годов не могу не рассказать, хотя бы потому, что её рассказывал со сцены сначала Ефим Смолин, а потом и Влад Листьев.

Дело было в Баку. Миша исполнял там миниатюру «Ручечка» – пародия на «Спокойной ночи, малыши».

«Жила-была одна тётечка. У неё была золотая ручечка. Тётечка умерла, её похоронили, а один дядечка решил раскопать могилочку и забрать золотую ручечку. И вот он копает и вдруг видит, что тётечка сидит рядом.

Дядечка спрашивает:

– А где твоя золотая ручечка?

– А вот она!»

Всё это читалось замогильным голосом. А последнюю фразу Миша выкрикивал, при этом резко выбрасывал руку в зал.

В зале – шок. Потом – хохот.

В этот день к нам на концерт должна была приехать семья Алиева, естественно с охраной.

Мы с Аркановым решили разыграть Задорнова и сказали ему:

– Вот ты так выкинешь руку, а охрана тебя застрелит.

– Что же делать? – спросил обескураженный Задорнов.

Арканов говорит:

– Предупреди охрану.

Миша нашёл главного охранника перед концертом, стал рассказывать миниатюру. Амбал-охранник спросил:

– Ну и что?

– А то, что я выкину руку, а вы выстрелите.

– Не исключено, – ответил охранник.

Миша после этих слов совсем загрустил.

Начался концерт. В зале, в четвёртом ряду семья Алиевых. Миша читает свою «Ручечку». Мы собрались за кулисами, смотрим, что будет.

Миша долго рассказывал свою историю, а в конце тихо сказал: «А вот она», и очень медленно протянул руку в зал.

В зале – тишина, зато мы за кулисами умирали со смеху.

Эту историю потом кто только не рассказывал, включая самого Задорнова.

У Задорнова она обросла разными подробностями. Он говорил, что мы с Аркановым брали его в поездки, чтобы разбавить компанию хоть одним русским. На самом деле мы стали его брать тогда, когда он стал хорошо проходить на публике.

И разговор с охранником тоже превратился в отдельный эпизод.

Интересно также вспомнить, как появилась и стала известной фраза «Американцы, ну, тупые!».

Дело в том, что я написал для артиста Лукинского пародии на разных артистов. Пародию на Задорнова Лукинский исполнил

на юбилее Миши в Театре эстрады. Там, в этой пародии, Лукинский после каждой репризы говорил голосом Задорнова: «Ну, тупые!»

Я этих слов не писал, это придумал сам Коля, поскольку где-то у Задорнова это слышал. Пародия имела большой успех.

Миша послушал и сказал:

– Пожалуй, я это возьму на вооружение, – и стал говорить это со сцены как можно чаще.

В 1969 году Миша переехал из Риги в Москву. Он мне рассказывал, как они поехали смотреть квартиру на Малахитовой улице, которую им с Велтой должны были дать. Комендант их не пустил в дом. Миша куда-то позвонил, коменданту дали команду, и он тут же их пропустил.

Жили они в 24-метровой двухкомнатной квартире. Я в ней пару раз был. Помню, в Мишиной комнате были под потолком натянуты провода ионизатора. Миша всегда тщательно следил за своим здоровьем: ограничивал себя в еде, следил за медицинскими открытиями, читал книги по медицине. В квартире на Малахитовой они прожили до 1990 года.

В 1990 году я поехал в Израиль. Впервые. Тогда ещё даже не было дипломатических отношений между нашими странами. Когда я вернулся после 20-дневного пребывания у израильских родственников, ко мне в гости пришёл зубной врач с женой. Они жили на моём же Рижском проезде, но в двух домах от меня. Семья эта собиралась в Израиль навсегда. Пришли послушать, как там и что. Мы просидели весь вечер. Как только я начинал рассказывать про Израиль, врач перебивал меня и сам про эту страну мне рассказывал. В конце, прощаясь, врач сказал:

– Так ты нам ничего про Израиль и не рассказал.

Но зато я успел договориться с этим врачом насчёт его квартиры. Он сказал, что продаёт её за 50 тысяч рублей. И есть покупатель.

Я предложил ему продать моему другу Задорнову за 100 тысяч. Врач согласился. Я их свёл, и Миша очень быстро переехал на мою улицу.

Квартира была в 55 метров квадратных. Стены были обиты шёлком. А в ванной стоял умывальник из фарфора с голубым узором, английский, XIX века. К квартире прилагался ещё и гараж напротив дома. Всё бы хорошо, но у Миши просто так ничего не бывало.

Через некоторое время он мне стал жаловаться, что житья в этой квартире нет. Сверху всё время топали ногами, слева жил пьяница, справа – дебошир. Снизу какие-то хулиганы всё время орали.

Я предложил Мише купить ковер соседям сверху, и второй – себе, для защиты от нижних соседей. Миша так и сделал, но всё равно это не очень помогло.

К Мише пришел корреспондент из газеты, и Задорнов рассказал ему, как и мне, что сверху топают, слева – пьяница, справа – дебошир, внизу – хулиган. Статья долго пролежала в газете. А когда её напечатали, Миша уже жил в президентском доме. Соседи прочитали о себе, что слева – пьяница, справа – дебошир, снизу – хулиганы. А соседи у него были – министр МВД Ерин, Сосковец, Коржаков, Гайдар…

Я сначала решил, что Миша всё это придумал, но, когда одна женщина подошла ко мне в бутике и сказала, что она – соседка Задорнова и они собирают подписи, чтобы его выселить, я понял, что это не выдумка. Миша потом ходил, объяснялся.

Отношения Миши с первым президентом России – это особая история. Не помню, где они познакомились, кажется в Юрмале. Потом они вместе играли в теннис. Я спрашивал у Шамиля Тарпищева, как Миша играет в теннис?

– Играет хорошо, – сказал Шамиль, – но главное, что он нас на корте веселил, Ельцин умирал со смеху, потому что Миша смешно падал и выделывал разные фортели.

Они ходили вместе в баню. Вместе выпивали. Однажды, выпив как следует, все вместе решили, что Миша должен быть министром культуры. Потом переиграли на председателя Комитета по радио и телевидению.

И это решение было близко к исполнению. Я помню, он попросил меня поехать с ним в «Останкино». Должна была сниматься какая-то очень важная передача, и Задорнов был там главным. Мы приехали в концертную студию «Останкино». К съёмке ничего не было готово, работники прохлаждались. Какой-то среднего звена начальник даже попытался сказать что-то нехорошее Мише. И тут Задорнов начал на них орать так, что все сразу смолкли и перепугались. Было видно, что пришёл настоящий начальник. Поорав и поняв, что переборщил, Миша отошёл со мной в сторону и спросил:

– Я что, не прав?

Я говорю:

– По сути – прав, но форма не очень. Вроде как нехорошо орать на людей.

Зато после этого крика все вдруг заработали, забегали, что-то стало выстраиваться. А тот начальник подошёл ко мне и попросил подействовать на Мишу, чтобы он что-то там сделал. То есть они все поняли, что скоро Миша придёт на ТВ в главный кабинет. Но этого не случилось, поскольку началась заварушка в

Чечне, и всем стало не до Миши.

Ельцин очень нежно относился к Задорнову. Миша говорил: «Это потому, что он во мне видит своего брата. Брата зовут так же, Михаил Николаевич».

Благодаря близости к президенту Миша создал свой Фонд помощи соотечественникам за рубежом. Миша закупал инвалидные коляски в Германии и привозил их в Латвию, потом распределял среди инвалидов.

Большое дело он сделал, создав в Риге библиотеку имени своего отца. Стал собирать среди знакомых книги для библиотеки. Я сам отдал ему штук шестьдесят книг. Когда фонд закончился, Миша долгое время на свои деньги содержал эту библиотеку и всё время приглашал туда выступать разных знаменитостей.

Благодаря Ельцину Миша получил квартиру в президентском доме на Осенней улице и наконец-то избавился от соседей, мешавших ему работать. Знаю, что на Осенней он свою комнату обил пробковыми панелями, чтобы никакие посторонние звуки его не доставали.

В книге Коржакова написано, что Миша даже не позвал никого на новоселье, ни Коржакова, ни Сосковца. Дескать, они зашли к нему в квартиру, а он им поляну не накрыл.

В чём угодно можно обвинить Мишу, но только не в жадности. Не помню, чтобы он хоть раз за 48 наших лет, мне что-нибудь пожалел. Наоборот, каких только компаний он не угощал в ресторанах.

Помню, ходили мы с одним крутым бизнесменом в ресторан «Балчуг». Обычно этот предприниматель не давал никому заплатить за ужин, только он сам. Но в тот раз в нашей компании был Задорнов. И когда «крутой» подозвал официанта для расплаты, официант сказал, что уже всё оплачено. Это Миша, не желая одалживаться, расплатился за всех.

Когда понадобились средства для ремонта церкви в Болдине, мы с моим другом, Женей Матяниным, решили скинуться. Он позвал своего друга, артиста Василия Бочкарёва. А я позвонил Мише. Объяснил, что церковь строил дедушка Пушкина, а теперь там крыша протекает.

Через час ко мне от Миши приехала его помощница и привезла крупную сумму денег.

Такая же история была, когда мы с ним скинулись на ремонт церкви Ильи Обыденного. И даже патриарх Кирилл потом, на обеде в этой церкви, поднял за нас с ним бокал вина.

А однажды Миша рассказал мне, что сделал на свои деньги три скульптуры Арины Родионовны с маленьким Пушкиным.

Одну скульптуру он отправил в Гатчину, откуда родом няня Пушкина. Вторую скульптуру он хотел подарить музею в Михайловском. Но в чём-то они не сошлись с директором, и Миша попросил меня поговорить с директором музея в Болдине. Я договорился, свёл директора с Задорновым, скульптуру отвезли в Болдино, и мы с Мишей поехали на открытие памятника.

В усадьбе собралось много народу, приехали музейные работники со всей страны, местное начальство. Простыню сдёрнули с памятника, и все притихли. Дело в том, что все привыкли к тому, что няня – пожилая женщина, а тут изображена женщина лет сорока – сорока пяти.

Я нарушил тишину.

– А что вы, – говорю, – все так притихли? Няня Пушкина прожила более семидесяти лет. Мальчику на вид лет девять. Няне в 1808 году было пятьдесят лет. Могла же она выглядеть лет на пять – десять моложе.

Все вздохнули с облегчением. Вдруг кто-то задал вопрос:

– А почему у няни большой палец на ноге блестящий?

Потом я узнал, что это связано с технологией отливки бронзы, но тогда ответил:

– Ну как же, потому что у каждого, кто потрёт рукой этот палец, сбудутся все его хорошие желания.

Все стали подходить и тереть этот палец. И самое интересное, что недели через две в «Экспресс-газете» было напечатано, что есть народное поверье: кто потрёт палец на ноге у Арины Родионовны, тот будет счастливым.

На другой день мы в Болдине дали с Мишей концерт, для которого я в местном магазине купил себе костюм, поскольку выступать там не собирался, а пришлось. Концерт, естественно, бесплатный. Успех огромный. Так что вопрос о жадности отпадает. Думаю, что они – Коржаков и спутники – нагрянули к Мише неожиданно, а Задорнов просто не был готов к приёму гостей.

А в дальнейшем и дружба с президентом у Миши прекратилась.

Дело в том, что Миша налево и направо рассказывал о своих отношениях с президентом, и рассказывал смешно. А президенту передали, и дружба закончилась.

Думаю, что окружение Ельцина тут же от Миши отстранилось, так что и приглашать на новоселье их не пришлось. Да, это наш, юмористов, общий недостаток, ради красного словца никого не пожалеем. Очень хочется рассмешить людей.

Миша меня так смешил, что у меня слёзы катились от смеха. Однажды, в баре Телецентра, он рассказывал мне о своём

знакомом, Зотове. Мы с ним так хохотали, что все посетители бара, а было там человек пятьдесят, затихли, чтобы понять, над чем мы там смеёмся.

Миша, конечно, был очень остроумный человек и очень смешливый. Считается, что юмористы над чужими шутками не смеются. Например, Жванецкий. Но мы с Задорновым всегда смеялись и над чужими шутками.

Миша старался поддержать шутящего, даже если было не очень смешно. Шутит человек, старается, как же не засмеяться.

Вообще он старался говорить людям приятные вещи. Однажды мы с ним встретились в Доме литераторов. Я тогда был на шелтоновской диете. Похудел килограммов на десять. Лицо осунувшееся. Подошёл Задорнов, хотел сказать: «Как ты хорошо выглядишь». Но это было бы явной неправдой. Он оглядел меня, не нашёл что похвалить, и сказал:

– Лёнь, какая у тебя красивая спина.

Мы со Смолиным хохотали до слёз над этим его комплиментом. Смешной он был человек, и очень остроумный.

Однажды, в 1990-х годах, мы с ним шли по коридору гостиницы «Рига». Вдруг увидели дверь, на которой было написано: «Директор гостиницы Нерубальский».

А у меня подруга – Рубальская, а у неё был муж – Давид, все его звали Додик.

Миша прочёл: «Нерубальский» – и добавил: «А зовут – Недодик».

Смешно же, согласитесь.

Как-то мы втроём – я, Миша и мой соавтор Валера Наринский, подъехали к кафе. Вошли в зал. Сели за столик. За соседним столом сидел человек и хлюпал носом. Мы с Мишей посмотрели друг на друга, встали и пошли, а Валера пошёл за нами. Сели в мою машину, поехали в другое кафе. Сели за стол, посмотрели – скатерть грязная. Миша говорит: «Пошли отсюда». Мы встали и пошли, Валера потянулся за нами. В третьем кафе нам тоже не понравилось. Мы вскочили и понеслись в четвёртое. Когда, наконец, сели в нормальном кафе, Валера сказал: «Ну, вы оба ненормальные!»

Да, у нас у обоих такой темперамент. Вообще, у нас много общего. Оба мы рыжие, оба закончили МАИ, оба писатели-юмористы, жили на одной улице, и оба любили женщин, к счастью разных.

Там же, в кафе, я попросил у официанта зубочистку. Официант посмотрел на меня с удивлением. Миша сказал: «Она у них за соседним столом. Когда освободится, принесите её нам». Даже официант хохотал.

Когда Задорнов гастролировал по Украине, он много чего нелестного говорил о президенте Кучме. Мише позвонил человек из администрации президента и сказал:

– Перестаньте говорить гадости про нашего президента, а то мы вас больше не пустим в Украину.

Миша сказал:

– Вот напугали! Если бы вы мне сказали, что не выпустите с Украины, тогда бы я испугался.

Конечно, у читающего эти воспоминания может сложиться впечатление, что наша дружба была безоблачной. Это не так. Бывало, мы расходились, ссорились.

Один раз я сильно подвёл Мишу, разболтав то, чего не следовало никому открывать. И хотя Миша на меня не обиделся, я всё равно попросил у него прощения.

Однажды я на него сильно разозлился. Позвонила его помощница и спросила:

– Можно Миша приедет на ваш концерт попробовать новый номер?

– Конечно можно.

Миша приехал, выступил с новым номером. Я ещё похвалил его, удивился:

– Как ты не боишься такой острый номер исполнять.

Через некоторое время Миша давал интервью в передаче у Караулова и сказал: «Измайлов услышал у меня номер, сказал: «Как ты не боишься такое со сцены говорить?»

Караулов:

– А ему-то чего бояться?

Задорнов:

– Не знаю, но вот звонить мне перестал, уже две недели не звонил.

Он сказал всё это и уехал в Америку на гастроли.

Я увидел передачу по телику и обалдел. Как это – не звоню, мы же с ним встречались, я ему ещё лекарства достал и привёз в ресторан, где он меня ждал.

Миша, конечно, понимал, что он сделал.

Именно поэтому после его отъезда мне позвонила его помощница и говорит:

– Можно я к вам подъеду, привезу вам подарок от Миши?

Я говорю:

– Не приезжай, не надо мне никаких подарков. Скажи ему, что я его знать не желаю.

Миша вернулся из Америки, звонит мне:

– Лёнь, я знаю, ты на меня обижаешься, я ляпнул глупость, извини.

– Ты извиняешься один на один, а ляпнул на всю страну.

– Я найду способ извиниться.

Во время одной такой нашей размолвки у него умерла мама, и я тут же позвонил ему, нашёл какие-то слова, сказал их. Через некоторое время Миша, приехав в Москву, позвонил мне:

– Знаешь, Лёнь, я никогда никому не звонил в подобных случаях. Просто не знаю, что говорить. А после твоего звонка понял, как такое сочувствие помогает. Спасибо за звонок

И через неделю в газете «Московский комсомолец» было напечатано его интервью, где он сказал: «Я обидел Лиона Измайлова, приношу ему свои извинения». Инцидент был исчерпан.

А вообще, он никогда не выяснял отношений. Если на что-то обижался, то пропадал на несколько месяцев, а потом появлялся как ни в чём не бывало.

Во время одной такой нашей размолвки у него умерла мама, и я тут же позвонил ему, нашёл какие-то слова, сказал их. Через некоторое время Миша, приехав в Москву, позвонил мне:

– Знаешь, Лёнь, я никогда никому не звонил в подобных случаях. Просто не знаю, что говорить. А после твоего звонка понял, как такое сочувствие помогает. Спасибо за звонок.

Вот такой вот мой Задорнов. Никогда не был понтовым. Даже дача у него в Лиелупе очень скромная. Сам какие-то столы делал, сам стены отделывал. И в одежде всегда был без понтов, не выпячивал свою обеспеченность.

Иногда чудил. Построил на даче пирамиду и спал в ней.

Летом паруса натянул между деревьями, чтобы соседи не подглядывали. Любил приглашать гостей на костёр. Сидели вокруг костра, беседовали. Очень уютно и душевно.

Я могу о Мише рассказывать бесконечно. С ним мне никогда не было скучно. И всегда я понимал, что, если мне его помощь

потребуется, он мне обязательно поможет

Однажды к нему в гости на дачу пришли Галкин с Пугачёвой. На другой день Галкин рассказывает Задорнову: «Алла каждое утро с балкона молилась на крест отдалённой церкви. И говорит, всё, что ни попросит, ей даётся. Я сегодня посмотрел, а это не крест, а флюгер на гостинице в Майори».

Миша эту историю долго ещё рассказывал со сцены.

Я могу о Мише рассказывать бесконечно. С ним мне никогда не было скучно. И всегда я понимал, что, если мне его помощь потребуется, он мне обязательно поможет. Не раз он заступался за меня. Один раз из-за меня в драку полез. В последнее время мало виделись, но я знал, что он где-то рядом, что я могу позвонить ему, и поговорить, и встретиться.

Как жаль, что теперь этого нет…

Лион Измайлов

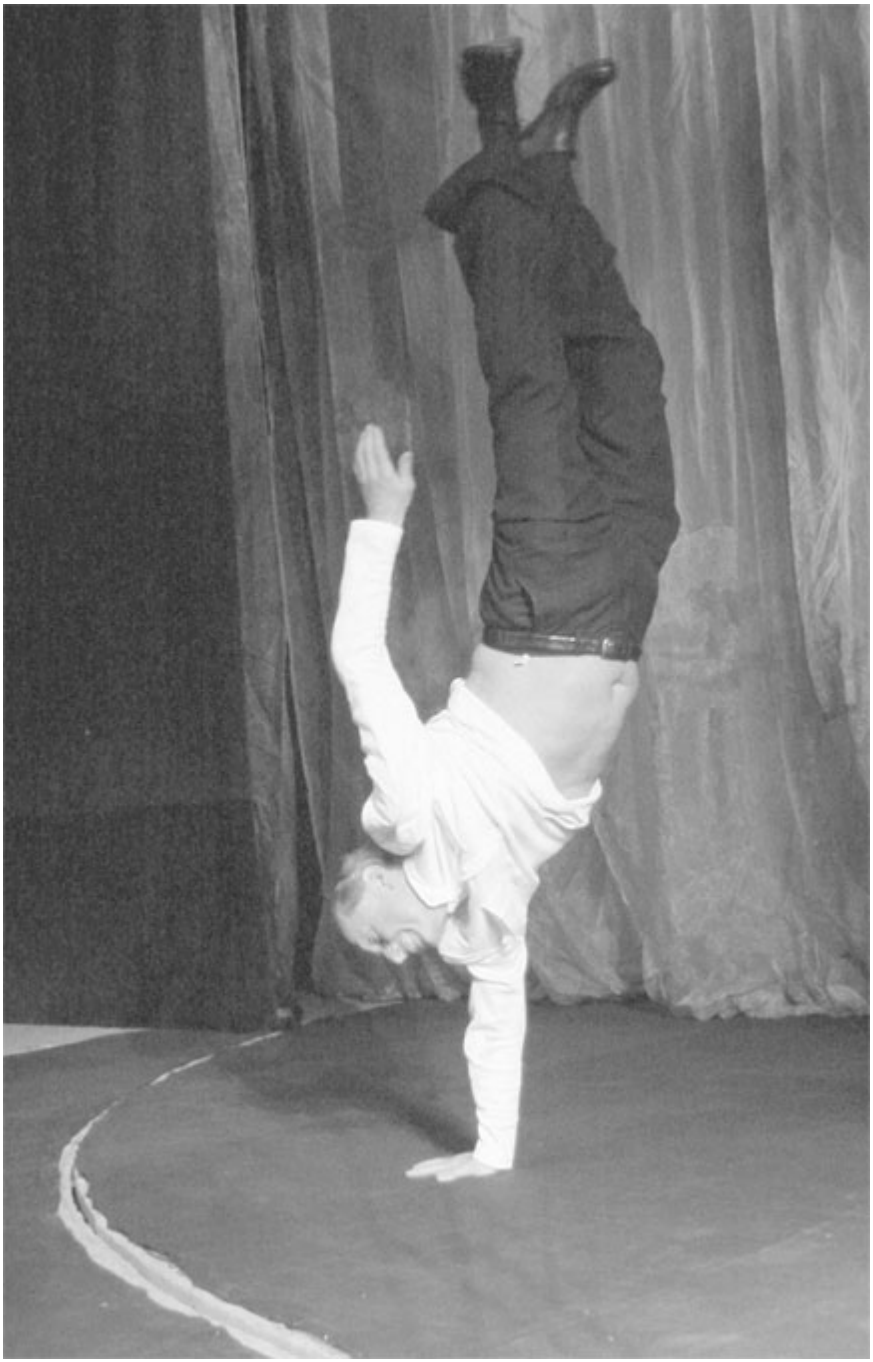
Писатель-сатирик, сценарист

Нет, мы не безнадёжны

Соло для двух диктофонов с блокнотом. Из рижских страниц Михаила Задорнова

Можно ли было представить, что когда-то придётся писать такие строки… Трижды я начинала текст и потом стирала. Как вместить на нескольких страничках рассказ о человеке, у которого не было размера, рамочек и ограничителей? Писателя с парадоксальным мышлением, с энциклопедическими знаниями, сатирика с большим сердцем. Его интересовало всё, и память была феноменальной, и на любую тему с ним можно было говорить часами. Вернее, не говорить, а больше слушать, потому что ему всегда было что сказать. Когда он уверял, что почаще надо вставать на голову, чтобы посмотреть на мир вверх тормашками, с другой точки зрения, – это были не просто слова. Он именно так и делал. В прямом и переносном смыслах. И другие точки зрения открывали новые смыслы.

Его интересовало всё, и память была феноменальной, и на любую тему с ним можно было говорить часами. Вернее, не говорить, а больше слушать, потому что ему всегда было что сказать



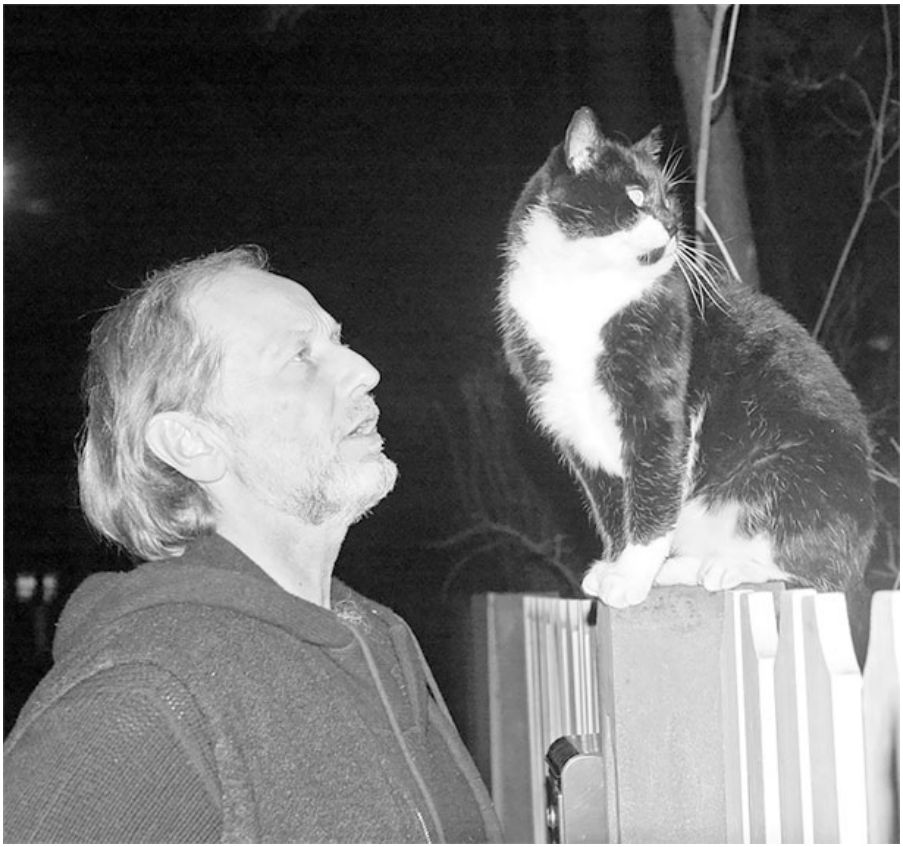
Когда он уверял, что почаще надо вставать на голову, чтобы посмотреть на мир вверх тормашками, с другой точки зрения, – это были не просто слова. Он именно так и делал. В прямом и переносном смыслах

Судьба подарила нашей редакции латвийского

еженедельника «Суббота» уникальную возможность сотрудничать с Михаилом Николаевичем более 20 лет. Поскольку он родился в Юрмале и жил в Риге, здесь он бывал часто и не скрывал, что на берегу Балтийского моря ему хорошо работалось. У нас вышли сотни его интервью, эссе, комментариев, размышлений обо всём на свете – от политики и русского языка до кино, футбола и медицины. Не говоря уже о сатирических зарисовках, конкурсах и «задорнизмах». И многие их них вошли потом в его книгу «Язычник эры Водолея».

Мне сейчас немножко мешает писать не сразу дошедшее понимание, что показать ему этот текст нельзя, нет уже человека, по которому можно было сверить, как по камертону, а точно ли написано, верная ли интонация, нет ли пафоса…

Задорнов и пафос – это были понятия несовместимые настолько, насколько несовместимы настоящее и фальшивое. Он всегда умел и любил шутить сам над собой, что, безусловно, является критерием умного человека. И вот какое дело: начинаешь вспоминать, и память подбрасывает, один за другим, огромное количество самых разных эпизодов, смешных и грустных, забавных и не глобальных, дорогих всем нам, кому посчастливилось знать Михаила Николаевича. Мы помним. И может быть, вот с такой стороны не все его знали.



Задорнов и пафос – это были понятия несовместимые настолько, насколько несовместимы настоящее и фальшивое. Он всегда умел и любил шутить сам над собой, что, безусловно, является критерием умного человека.

Фото Елены Ихильчик

Вместо входного билета

В этом году у Михаила Задорнова юбилей. Впервые без него. Он не любил поздравления с днём рождения. Считал их банальными. И сам всегда избегал банальных фраз. Удивить его было трудно. Но не поздравить же невозможно. И каждый год мы изо всех сил старались придумать для него что-то особенное. К его 65-летию, например, раздобыли «вино из одуванчиков» (намёк на знаменитую одноимённую песню его друга Леонида Филатова, которую он очень любил), разлитое в длинную стеклянную двухметровую трубку – уж не знаю, что там за вино было по качеству, но он смеялся, разглядывая эти два метра вина.

Дарили как-то и участок на Луне с «паспортом» гражданина Луны (была такая модная «фишка»). Все тогда шутили, что Луна – единственное место на свете, которое сатирик не критиковал. И вполне он может туда эмигрировать, если за острую критику ему перекроют въезд сразу во все страны. А он умудрялся в рамках одного интервью высмеять сразу, например, и Россию, и Латвию, и Белоруссию, и Америку – не страны, конечно, а маразмы, происходившие в жизни, независимо от географии.

Каждый год мы изо всех сил старались придумать для него что-то особенное. К его 65-летию, например, раздобыли «вино из одуванчиков» (намёк на знаменитую одноимённую песню его друга Леонида Филатова, которую он очень любил), разлитое в длинную стеклянную двухметровую трубку – уж не знаю, что там за вино было по качеству, но он смеялся, разглядывая эти два метра вина

Но непередаваемым удовольствием было слушать Михаила Николаевича, когда он, вернувшись из очередной своей поездки, с горящими глазами рассказывал о вулканах Дальнего Востока,

озере Байкал или археологических раскопках в Аркаиме. Он всегда ценил настоящее, очень точными внутренними настройками отличая его от фальшивого. На знаменитой его даче, куда он лично притаскивал коряги, камни и причудливые ветки с юрмальского пляжа, встраивая всё это в своё личное пространство, у входа стояло чучело, наряженное в брендовые одежды – всё должно знать своё место. К гламуру он относился иронично.

Однажды его юбилей, 55 лет, совпал с праздником «Золотые пески», который наша газета проводила для читателей в Юрмале. Тогда нам удалось установить прямо на пляже два настоящих вагона с номерами «9» – это был сюрприз. Погода в тот день была мрачная, небо занесло тучами, начинался дождь. Праздник наш мог закончиться, ещё не начавшись. Утром мы позвонили сатирику с опасениями, он успокоил: «Не волнуйтесь. Я уже с рассвета над этим работаю. Разгоняю тучи». – «Ну-ну», – подумали мы. Но что вы думаете – буквально за полчаса до начала тучи растворились, небо приобрело ярко-голубой цвет, на него выкатилось солнце и засияло…

В тот день с огромной, тысячной, толпой людей прямо у входа на пляж мы торжественно запускали в небо картонную фигуру Задорнова (в полный рост) на воздушных шарах. Она взлетела и… повисла на большом дереве. И тут же десятки людей в едином порыве наперегонки бросились на это дерево – спасать Задорнова.

Человек, которому удалось снять фигуру, стал героем дня. До вечера он ходил по Юрмале с «Задорновым» под мышкой, а потом, гордый, принёс его на концерт Михал Николаича, и это было зачтено вместо входного билета.

Я не знаю, уместно ли сейчас писать о таких легкомысленных эпизодах. Возможно, кому-то они покажутся мелкими. Но я точно понимаю, что эти моменты остались в памяти огромного количества людей. А потому – пусть будет. Этот забавный случай показывает, как всё-таки его искренне любили. Мы же помним, что можно заставить человека плакать, даже аплодировать, но невозможно заставить – смеяться. Или вот, например, залезть на сосну…

Заряд молнии

О его неукротимой энергии можно было слагать легенды. Он успевал столько, что среднестатистическому человеку не хватило бы на такое и пяти жизней. А сам Михаил Николаевич рассказывал, что в детстве к нему в комнату влетела шаровая молния и, облетев вокруг маленького Миши, вылетела в окно. Так что на всю жизнь он остался заряженным этой «молниеносной» энергией. Слово «равнодушие» к нему отношения не имело.

Диктофоны на нём, как правило, ломались, записи глючили. Такая сильная энергетика у него была. Чаще всего для интервью я готовила сразу два диктофона. И ещё пыталась записывать от руки в блокнот. Задорнов ехидно интересовался: «Ну что, записалось? Или повторять снова?» Повторить, кстати, было невозможно. Он увлекался в процессе, и рассказ мог уйти совсем на другие глубины, сделать поворот, разворот и кульбит. Любой комментарий с его стороны – это было творчество.

Он легко разрешал для снимков в газете приклеить себе бутафорские усы, напялить на себя восточный халат, тюбетейку/цилиндр/ковбойскую шляпу, мог сыграть на шаманском бубне, приставить кольт к виску ну и тэдэ. И всё это помещалось на обложку. А в это же самое время, параллельно и совершенно серьёзно, он работал над исследованиями исторических событий и тайн русского языка. Или писал глубокое эссе о чеченской войне – «Мамы и войны». Всё это как-то в нём сочеталось органично.

О его неукротимой энергии можно было слагать легенды. Он успевал столько, что среднестатистическому человеку не хватило бы на такое и пяти жизней. А сам Михаил Николаевич рассказывал, что в детстве к нему в комнату влетела шаровая молния и, облетев вокруг маленького Миши, вылетела в окно. Так что на всю жизнь он остался заряженным этой «молниеносной» энергией

Угнаться за сатириком было практически нереально. Когда-то я в шутку писала об этом так: «Вот только что вроде сидел у себя на юрмальской даче, книгу делал… Звоним из редакции через пару дней – он уже в Саратове выступает. Или в Сочи. Или в Череповце. А потом умчался в Москву на телесъёмки, а оттуда – в Латинскую Америку (срочно понадобилось обследовать Мачу-Пикчу). В это же самое время (!) пресса добросовестно сообщает, что, катаясь на горных лыжах в Швейцарии, Задорнов умудрился получить травму и потерять память. Очнулся уже в швейцарской реанимации, когда принесли счёт. Сразу вспомнил всё. А главное – вспомнил, что у него гастроли в Хабаровске… Однако по пути на Дальний Восток он, без сомнений, успеет завернуть в Африку – встретить Новый год у подножия Килиманджаро. Но фотографии почему-то присылает с Тибета. И вдруг приезжаешь в Питер, а там – огромные афиши «Концерт Задорнова. Сегодня». Щелкаешь пультом телевизора, а знакомый голос говорит с нами оттуда.

Он легко разрешал для снимков в газете приклеить себе бутафорские усы, напялить на себя восточный халат, тюбетейку/цилиндр/ковбойскую шляпу, мог сыграть на шаманском бубне, приставить кольт к виску…

Фото Елены Ихильчик

И вот так было всегда. А потом он неожиданно появлялся в Риге, звонил: «Здрасти, это Задорнов. Включайте диктофончик, я тут кое-что придумал…»

Эстафетная палочка

Из всех известных мне людей Задорнов, наверное, был самым свободным. Он ничего и никого не боялся. Он старался докопаться до сути проблем (чаще всего, по его мнению, причина измерялась «в бабках», но не обязательно). Но Задорнову же мало было обнаружить эту суть. Ему надо было ещё всем её пересказать. Желательно многократно, чтобы точно дошло. Сатирик, как известно, – увеличительное стекло, через которое фокусируется то, о чём мы едва успеваем подумать на бегу.

Это касается не только концертов. По его бесчисленным интервью на политические темы легко восстанавливается большой пласт жизни страны – гораздо полнее и честнее, чем по википедиям или статьям в газетах. Потому что пропущено через себя.

Не имея никаких официальных наград и званий, Михаил Николаевич был настоящим народным артистом. А если считать по количеству зрителей, то и вовсе – миллиардером. Именно любовь зрителей он считал главной своей наградой. Это было взаимно.

Один из пиков его невероятной популярности случился в переломный момент истории. Когда одной страны уже не было, а другая ещё не пришла. Это когда в ночь наступления 1992 года изумлённый народ увидел на голубом экране вместо руководителя государства знакомое лицо сатирика Задорнова. Именно он, волей случая, поздравил тогда страну с Новым годом. И вписался в историю.

«Всё произошло случайно, – вспоминал Задорнов. – Я был приглашён ведущим «Голубого огонька». Но 31 декабря выяснилось, что нигде не могут найти Ельцина… А с последним генсеком Горбачёвым бывший советский народ распрощался ещё в ноябре уходящего года. В общем, поздравлять дорогих россиян с новогодним праздником было некому. Поэтому попросили Задорнова. «Не отчаивайтесь, – сказало ему теленачальство. – Вы – Михаил Николаевич. Имя предыдущего президента – Михаил, а отчество сегодняшнего – Николаевич. Чувствуйте себя эстафетной палочкой!» Текст поздравления он писал сам. После этого феерического выступления ему, казалось бы, прямая дорога в политику. Но он предпочёл остаться независимым. А позже шутил, что стал «эпиграфом к начавшемуся непростому периоду истории».

Как стать счастливым

Запомнится он нам не только выступлениями и книгами, но и очень большим количеством добрых дел, которыми он занимался постоянно и чаще всего – незаметно для широкой публики.

«Счастливым стать легко. Сделай что-то хорошее, и ты будешь радоваться долго», – это его слова, которые прозвучали в марте 2016 года в эфире нашей благотворительной программы «Зелёная лампа» на латвийском радио Baltkom. Он был гостем программы. А сразу после эфира мы тогда отправились открывать выставку фоторабот Елены Бомбиной, которую Задорнов устроил в Риге. Там были представлены уникальные снимки, сделанные в разных уголках земного шара – от Дальнего Востока и Аркаима до Кубы и Египта. Отовсюду, где он побывал.

Выставку он посвятил благотворительности. Внёс в светское мероприятие новые смыслы. В этот день собирали деньги на операцию девочке Орнелле из Сигулды, о которой рассказывала «Зелёная лампа». Операция была очень нужна, чтобы девочка могла ходить. Михаил Задорнов поучаствовал в её судьбе лично и призвал это сделать своих друзей и гостей выставки. Маленькая латышская девочка Орнелла помнит.

Писатель всегда очень искренне радовался, когда удавалось помочь тем, кому это очень нужно. Вот его слова, также прозвучавшие тогда в эфире: «Человеку больше, чем надо, – не надо. А если есть лишнее, то нужно этим лишним помогать людям. Выше справедливости может быть только милосердие». Он был очень серьёзен в тот день.

Собственно, и родилась идея этой радиопрограммы более двух лет назад с рижской девушки Кати Лебедевой, прикованной к инвалидному креслу, которой тоже нужна была серьёзная операция. Услышав историю Кати, Михаил Николаевич сразу попросил всю информацию и публиковал это на всех своих интернет-ресурсах, рассказывал на концертах. И сам перечислил деньги. А потом рижане – студенты московских театральных вузов провели в библиотеке Задорнова благотворительный вечер поэзии в помощь Кате. Деньги собрали. Операцию сделали. Катя помнит.

Не все знают, что Михаил Задорнов помогал детскому хоспису в Санкт-Петербурге, привозил подарки для подшефных детей детского фонда в Москве. Помогал детскому дому в Латвии, устраивал ребятам из латвийской глубинки поездки на весёлые мероприятия.

Однажды он грустно рассказал, что, придумав поездку для

сельского детского дома на цирковое новогоднее представление, договорился с цирком о билетах «по бартеру». Уж не помню, что он им за это обещал, скорее всего – своё выступление. А поездка сорвалась. Детский дом приехать не смог по каким-то объективным причинам. И тогда он сказал, что долго думал и понял: хорошие дела нужно делать лично, без третьих лиц. Тогда всё получа ется правильно. После чего заплатил за билеты сам, снова заказал автобус, и дети приехали-таки в цирк.

Именно его идеей было установить в Юрмале памятник Одуванчику – как символу доброты. Он провёл конкурс проектов через газету, выбрал лучший и оплатил всю работу. Победил проект скульптора Потоцкого. Памятник необычный, лепестки сделаны в виде раскрытых детских ладошек. Сейчас Одуванчик стоит возле концертного зала «Дзинтари». Есть такая примета – если подержаться за его «лепестки», сбывается желание. При условии, что оно хорошее.

Когда востребованы поэты…

Два его школьных педагога, которым сейчас за 90 лет, рассказывали, что в самое тяжёлое для них время Михаил Задорнов перечислял им регулярную материальную помощь и фактически помог выжить. А Михаил Николаевич часто вспоминал своего учителя физкультуры, Николая Васильевича Преображенского, который когда-то был чемпионом СССР в тройном прыжке. Во втором классе он натянул высоко верёвку и сказал, что прыгать нужно выше головы. «С тех пор я мечтал прыгать выше головы, что, собственно, мне почти и удалось», – смеялся сатирик.

Когда он придумал открыть в Риге русскую библиотеку и посвятить её своему отцу, тоже мало кто верил, что это получится. Уж больно масштабный замысел был. Но она открылась в 2009 году, к 100-летию писателя Николая Задорнова. И за эти годы стала культовым местом встреч тысяч рижан, там проходили художественные выставки, детские праздники, творческие встречи с режиссёрами, писателями, актёрами, которых Задорнов приглашал в Ригу. Он всех принимал, устраивал их выступления и радовался как мальчишка. На специальной стене в библиотеке гости оставляли свои автографы с пожеланиями. Кинорежиссёр Сергей Соловьёв, например, написал: «Это удивительный дом живой жизни, несмотря ни на что». А Михаил Веллер отчеканил: «Пока читают книги – есть надежда». Все надписи сохранились.

В марте 2016 года, когда в Риге в рамках театрального фестиваля Stanislavsky.lv побывали студенты ГИТИСа, актёры театра Дмитрия Певцова и Ольги Дроздовой, Михаил Задорнов не только пригласил их к себе на дачу, но и задумал отвезти на родину Шукшина, на Алтай, поскольку у «певцовцев» намечалась премьера спектакля по Шукшину. Ребята были в таком восторге от встречи, что даже искупались в мартовском Балтийском море. А вот с Алтаем он не успел…

Фото Светланы Соколовой

Это далеко не всё, что он делал. В огромном списке добрых

дел – помощь студентам, оплата обучения и стипендии, публикации книг талантливых авторов, поддержка юных дарований в разных сферах жизни. Скольким он помог выйти на сцену – не сосчитать.

В марте 2016 года, когда в Риге в рамках театрального фестиваля Stanislavsky.lv побывали студенты ГИТИСа, актёры театра Дмитрия Певцова и Ольги Дроздовой, Михаил Задорнов не только пригласил их к себе на дачу, но и задумал отвезти на родину Шукшина, на Алтай, поскольку у «певцовцев» намечалась премьера спектакля по Шукшину. Ребята были в таком восторге от встречи, что даже искупались в мартовском Балтийском море. А вот с Алтаем он не успел…

* * *

Первое после долгих лет выступление Евгения Евтушенко в юрмальском концертном зале тоже организовал Задорнов. Это было в 2002-м. Знающие люди сомневались, удастся ли собрать зал. В фаворе однозначно была попса. Но Задорнов решил проверить, нужна ли людям поэзия в эти непростые годы: «Когда у общества нет надежд, кумирами становятся сатирики. Когда надежды есть, востребованы поэты. Мы, сатирики, учим людей тому, ЧТО НЕ НАДО любить, а поэты – ЧТО НАДО». Он был готов уступить место поэзии. Ради надежды. Да, собственно, в душе он и сам был поэтом.

И вот зал «Дзинтари», лето. На сцену выходит Евтушенко, уже переехавший на тот момент в Оклахому, волнуется, начинает читать… И зал встаёт. И аплодирует, как будто это Фрэнк Синатра вышел на сцену. «Нет, мы не безнадёжны», – сказал тогда Задорнов. И глаза у него были влажные.

Ещё запомнилась задорновская мудрёная, совсем не сатирическая, фраза про фотоны – частички света (всё-таки по диплому он был инженером): «Если определённый процент фотонов «коррегирует», то есть несёт вибрации в одной частоте, остальные к ним пристраиваются, и рассеянный свет становится мощным лазерным лучом, на многое способным. Так и в обществе… Нам не надо, чтобы все мыслили одинаково. Достаточно семи процентов. А остальные подстроятся!»

Это правда. И люди такого масштаба, как Михаил Задорнов, сами притягивают в свою атмосферу, в свою частоту остальных. Аналогия со светом не случайна. Он очень любил принимать гостей на своей даче, у живого костра. И место для этого было обустроено соответственное – настоящее кострище. Это были

незабываемые встречи, долгие разговоры, споры. Сейчас, когда вспоминаешь эти моменты, сначала становится тоскливо, будто приоткрываешь дверь в закрытую комнату с воспоминаниями, от которых больно. Потому что этого больше не будет. И место Задорнова никто не займёт.

Но потом очень чётко понимаешь, что огоньки этого его костра – они где-то в душе сохранились. У очень многих людей. И навсегда там останутся, будут светиться. Если не лазерным лучом, то совершенно точно – ярким и горячим светом, на многое способным. А остальные подстроятся.

Рита Трошкина

Журналист, ведущая программы «Зелёная лампа»

г. Рига

А зачем? Он точно хуже!

Я точно не помню, в каком году я познакомилась с Мишей Задорновым. Наверное, это был 1984 год. Услышала о нём от Евгения Петросяна, у которого уже был в репертуаре один монолог Задорнова. И он мне сказал, что Миша тоже хочет выступать. Я попросила Петросяна, чтобы передал Задорнову мой телефон. Миша позвонил, и мы наметили день свидания.

Само знакомство происходило в редакционном кабинете. Естественно, я его попросила прочитать мне тот номер, который у него был на тот момент и который он хотел бы записать на радио. Но почему-то он мою просьбу то ли не услышал, то ли сделал вид, что не услышал, и стал читать не свой монолог, а стихи Евтушенко. А я была не одна в кабинете, там ещё сидели сотрудники. В общем, все побросали свои дела и стали слушать Задорнова. Я тоже Евтушенко знаю неплохо, но он читал без остановки! Один стих заканчивался, и тут же начинался второй, совсем на другую тему. И это был как поезд какой-то… Ну наконец, честно говоря, мне это надоело, и я говорю: «Ну может быть, вы остановитесь и всё-таки прочитаете мне свой номер?» Он так остановился и вдруг говорит мне: «А зачем? Он точно хуже!» Вся редакция рассмеялась, конечно. Но я всё-таки настаивала. Причём до этого момента мы были с ним на «вы». А потом он мне почему-то говорит: «Слушай, а почему нам не пойти в кафе? Я там тебе прочитаю». Я сильно удивилась, говорю: «А что, мы с вами уже на «ты»?» Он так посмотрел, говорит: «Ну, по-моему, мне больше нравится на «ты». Я говорю: «И мне тоже больше так нравится».

Услышала о нём от Евгения Петросяна, у которого уже был в репертуаре один монолог Задорнова. И он мне сказал, что Миша тоже хочет выступать. Я попросила Петросяна, чтобы передал Задорнову мой телефон. Миша позвонил, и мы наметили день свидания

Мы спустились в бар. Но с чтением монолога ничего не получилось, потому что в баре Миша мне стал рассказывать, почему ему нравятся стихи Евтушенко больше, чем стихи Рождественского. Я с ним полностью была согласна, поэтому мы стали почему-то разговаривать о стихах, дошли до Александра Сергеевича Пушкина, и Пушкина он мне тоже читал. Я говорю: «А всё-таки номер?» И он мне говорит (причём опять появилось «вы»): «Знаете, мне кажется, всё-таки русская литература более интересная, чем то, что я вам сейчас прочитаю. Давайте потом, скоро встретимся».

Я тоже Евтушенко знаю неплохо, но он читал без остановки! Один стих заканчивался, и тут же начинался второй, совсем на другую тему. И это был как поезд какой-то…

Когда мы встретились второй раз, я, правда, не помню.

Зато я помню первый концерт с участием Миши. Это было в том же году. Он читал свой монолог «Письмо студента домой». И ещё у него был монолог, который читал Петросян. А вёл этот вечер Аркадий Арканов. И когда Арканов объявил Задорнова, поскольку публика его абсолютно не знала, встретили вежливыми аплодисментами. Но когда он начал читать эти монологи, публика очень смеялась. А мне и надо было это проверить, я ещё не давала на радио его номер, сначала хотела посмотреть реакцию. И публика потом так аплодировала, что Арканову пришлось Задорнова вызвать ещё раз. Публика продолжала аплодировать. А у Задорнова кроме этих двух номеров пока ничего не было. Но Миша с присущим ему нахальством вышел читать того же «Студента» второй раз. И к моему удивлению, публика смеялась точно так же, если не сильнее, чем в первый раз. Вот так, на моих глазах был один из его первых концертов, когда он читал именно юмористические номера на публике. И конечно, этот экзамен прошёл у него на пять с плюсом.

Потом прошло несколько лет. Его уже знали, но «Девятого вагона» ещё не было. Мы стояли с ним перед Театром эстрады, у меня до этого там была какая-то съёмка. И он мне с гордостью показывает первую свою афишу с портретом. Я рассматриваю, что-то говорю… А рядом стоял мужик, который продавал

календари с артистами. Он подходит к нам и говорит Мишке: «Слушай, парень, мне надо отойти. Постой с моими календарями. У тебя там непонятно кто, а у меня Хазанов, Лещенко…» Видели бы вы глаза Миши Задорнова! В результате мы с ним стояли продавцами, но так ничего и не продали.

Кто бы знал, что пройдёт всего ничего, и Задорнова узнает вся страна.

Я всегда, когда встречалась с новыми авторами, делала себе какие-то пометки в дневник. Первое впечатление – оно в общем-то одно из самых точных. И вот сейчас я посмотрела Мишины книги, его воспоминания и нашла то, о чём я писала себе в дневнике. Я тогда написала, что он у меня не ассоциируется с современным человеком. Он мне больше казался кем-то там из мушкетёров, героем Майн Рида, Фенимора Купера… И вдруг я у него прочитала, что в детстве они играли в мушкетёров и его звали Атосом.

На многих концертах задавали вопрос: «Задорнов – это настоящая фамилия или псевдоним?» И я, чтобы отвязаться, всегда на этот вопрос отвечала просто: «Задорнов – это диагноз».

Первый раз я услышала этот вопрос, когда мы с Задорновым зашли в кафе, а там, в одном из залов была съёмка. Это примерно 1991 год. И история про фамилию Райтер, которую он потом рассказывал, произошла именно там на моих глазах. Так что могу подтвердить, что Задорнов здесь ничего не выдумывал. Но самое смешное, что, когда зрители задавали вопрос насчёт псевдонима, они всё равно почему-то всегда подозревали Михаила Задорнова в том, что он еврей.

Я как-то брала очередное интервью у Задорнова для «Аншлага», и он тогда сказал такую фразу: «Всё время пытаюсь перейти от Чехонте к Чехову, прости за нескромное сравнение. Но меня всё время отбрасывает к Чехонте». Вот это очень точно! Удалось ли ему перейти к Чехову, судить не могу, но Чехонте он был, конечно, классный.

Как я всегда говорила и говорю, Задорнов создал свой собственный жанр по имени Михаил Задорнов. У него были, есть и будут последователи, которые также старались выйти на сцену, начинали говорить что-то про нашу жизнь, какие-то шуточки вставлять. Но дело в том, что Задорнов-то не говорил это ради смеха. Там всегда было ещё то, что называется мыслью. Надо было сидеть и слушать. Кто-то просто смеялся, а большинство смеялись и при этом думали и понимали, что говорит Задорнов именно о том, что нас всех волнует. Вот это у нынешних последователей несильно получается.

На многих концертах задавали вопрос: «Задорнов – это настоящая фамилия или псевдоним?» И я, чтобы отвязаться, всегда на этот вопрос отвечала просто: «Задорнов – это диагноз»

Я лежала в Москве в госпитале Бурденко после автомобильной аварии, это был 2007 год. Миша ко мне приходил

раза три. А он очень любил проверять свои произведения на своих же друзьях. Меня только перевели из реанимации в палату, и я ещё не сильно, честно говоря, соображала и долго слушать мне было тяжело. А он мне читал что-то про русские слова. На слух это воспринимать, да ещё с ударенной головой, как я говорю, было довольно трудно. Остановить же его невозможно. При этом нужно было, конечно, сопереживать, он же не любил, чтобы просто так слушали. Значит, надо было встревать и что-то говорить. Ну, в принципе, я умею, даже не слушая, говорить какие-то слова, которые попадают в точку.

А в этой больнице было заведено так: медперсонал знал, что ко мне каждый день приходят артисты. И они заранее вечером спрашивали у меня, кто завтра придёт. Потом приходили, садились у палаты и ждали, чтобы взять автограф и сфотографироваться. Поэтому они знали, что ко мне придёт Задорнов, и все спокойно под дверью сидели. Мишка у меня тогда пробыл часа три. А палата у меня была на втором этаже, я лежала и видела окно и двор больницы. И я увидела, как он прошёл по двору, помахал. А через несколько минут ко мне заглядывает медсестра и удивлённо спрашивает: «А где Михаил Задорнов?» Я говорю: «Да минут пять назад он вышел». Она, удивляясь ещё больше: «Как вышел? Это вот в кепочке был Задорнов?! А мы его не узнали!» Правда, в следующий раз, ещё до того, как он вошёл ко мне в палату, они уже взяли у него автограф и сфотографировались.

Я это вспомнила к тому, что я его неоднократно спрашивала: «Миш, как ты теперь ходишь по улицам? Ну, в Москве ладно, в других городах это же невозможно, все узнают». Он говорил: «Ты знаешь, очень просто хожу. Если хочешь, чтоб тебя не узнали, можно так пройти, что тебя не узнают». Многие артисты же, напротив, так ходят по улицам, чтобы на них обратили внимание, они хотят, чтобы их узнавали. И всегда, когда мы с Задорновым куда-то ходили, действительно, люди к нему не подходили. Хотя после любого его концерта к нему всегда выстраивалась очередь за автографами.

Ещё одно яркое воспоминание. 1991 или 1992 год, мы снимаем «Аншлаг» в Ялте. Приехали туда заранее, чтобы с режиссёром, оператором выбрать места для будущих съёмок кроме концертной площадки. А в это время там шёл какой-то фестиваль песен. И когда мы туда пришли всей группой, то увидели там Михаила Задорнова. Все пели, а он, как всегда, читал, потому что им надо было собрать публику. Непосредственно рядом с этой площадкой было кафе, там сидели все артисты. И вот послушала я Задорнова, мы пошли в кафе,

туда пришла вся моя группа. Мы там сидели, пили, ели, пели… Досидели там до самой ночи, и Мишка говорит: «Давайте поедем ко мне». А он жил там в коттедже. На первом этаже Задорнов, а на втором Леонтьев. Я говорю: «Здорово, какие у тебя апартаменты!» Он го ворит: «Да ничего хорошего, потому что Леонтьев каждую ночь заводит музыку, спать невозможно, я отсюда хочу уехать».

Поскольку там у нас было много народу, мы очень весело провели время, спать так и не ложились. У Задорнова стоял белый рояль, на котором он играл нам. Утром нам надо было ехать уже на следующую площадку. Он говорит: «Ребята, прежде чем уехать, давайте пойдём позавтракаем. И давайте зайдём к Леонтьеву, тоже пригласим на завтрак, а то неудобно». Подходим к женщине, которая сидит в кафе, и спрашиваем: «А не спускался ещё Леонтьев?» Она говорит: «Что вы! Такой скандал был! Он сказал, что не может здесь жить, потому что Задорнов ночью играет на рояле. Такой шум стоит! Так что он уехал из нашего санатория». Так с Леонтьевым и не встретились…

1989 год, в Сочи был фестиваль. По-моему, назывался «Красная гвоздика». Фестиваль был песенный, но там в том числе была и вся программа «Взгляд», и они выступали с каким-то концертом. Миша тоже там выступал. Было много знаменитостей, в Сочи много площадок, и все выступали. Но переаншлаг был всегда у одного Задорнова. И когда он возвращался после концерта, каждый, кого он встречал, повторял одну и ту же шутку: «Ну что, Миша, опять никого в зале?»

Ещё у них был круиз на теплоходе с Петросяном из Одессы в Батуми. И вот теплоход пришёл, Петросян спускается, не успел сойти с трапа, уже куча народу вокруг. Все фотографируют, дарят цветы… И Задорнов, рассказывая мне это, говорил: «У меня такого никогда не будет. Но так хочется!» Это он мне рассказывал в 1984 году, когда я только с ним познакомилась. А в 1987 году, когда я с ним первую передачу снимала, нам нужно обязательно было почему-то снять на Тверской. Это около бывшего магазина «Подарки». И только Задорнов вышел на этот пятачок для интервью, как вокруг появилась толпа народу, которая стала сжиматься в кольцо, и наш оператор мгновенно оказался нос к носу с Задорновым. В общем, съёмку пришлось отменить. То есть с того круиза прошло совсем немного времени, а Задорнова уже знала вся страна. Такая сумасшедшая популярность, которая продолжалась много лет и всегда только набирала обороты, никогда не шла на спад.

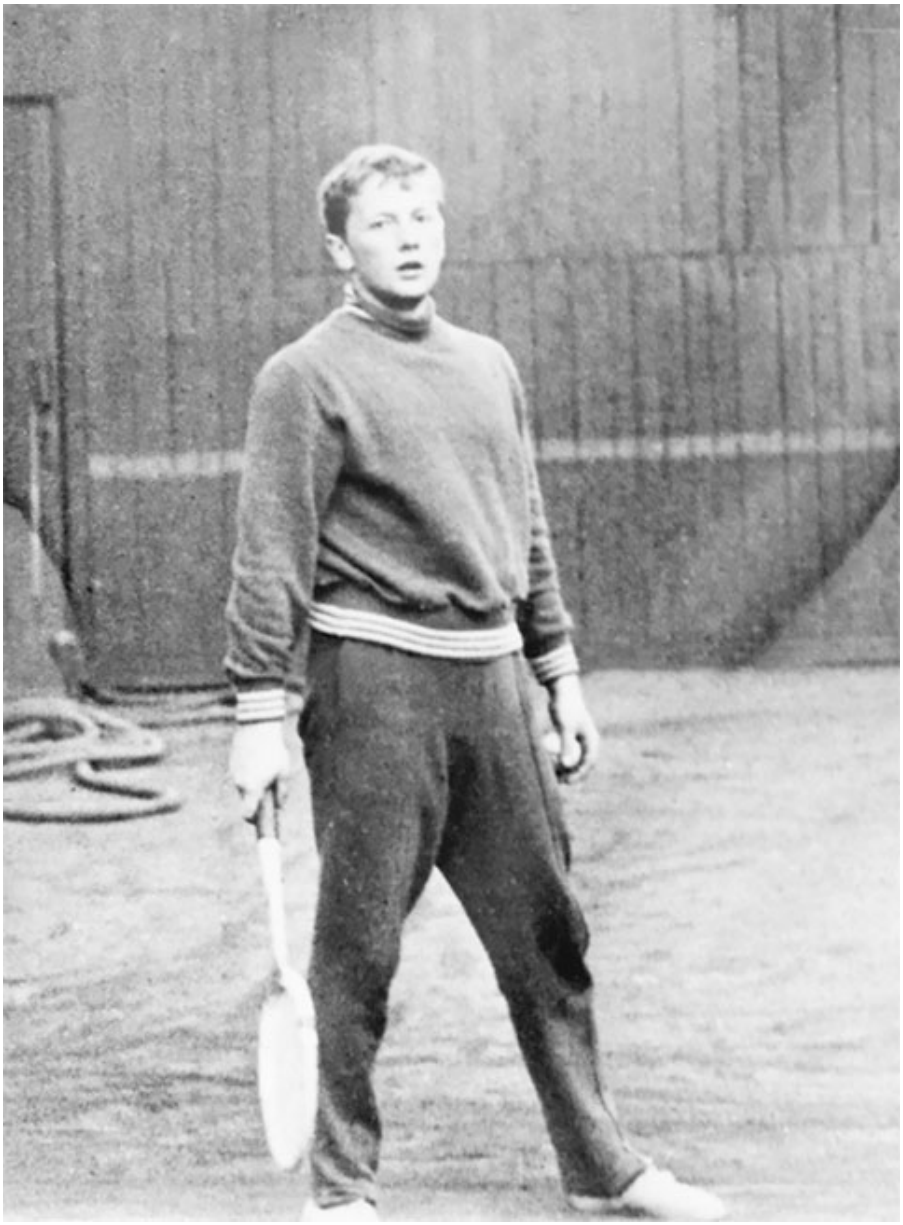
Регина Дубовицкая

Ведущая телепрограммы «Аншлаг»

Мы были счастливыми, у нас были иллюзии

Мы познакомились с Михаилом ещё в подростковом возрасте, за игрой в настольный теннис. К счастью, наше знакомство не было обременено никакими взглядами в будущее. Мы были юными, я отдыхал на Рижском взморье, в пансионате «Лиелупе». Жил в комнате, где человек десять или двенадцать одновременно проживало. Поэтому главной задачей было убежать из этой комнаты на улицу. Благо во дворе стоял стол для пинг-понга, и приходил всё время к этому столу какой-то парень, школьник. Если мне не изменяет память, он тогда перешёл в 10-й класс. И мы с ним сутками, пока не темнело и шарик не пропадал из виду, так что его можно было найти только по звуку, резались в пинг-понг. Он мне показывал Ригу, это был первый человек, который меня привёз в город. Потому что Юрмала – это Юрмала, а Рига – это Рига. И вот, впервые попав в город и в его квартиру, это так мне врезалось в память, причём интересно, что я запомнил его фамилию на всю жизнь тогда. После этого мы не виделись 17 лет. И в Москве, на Рижском вокзале, Марк Розовский меня хотел познакомить с каким-то парнем. Этот парень подошёл, и Розовский сказал, что вот это Миша Задорнов. Я сказал: «Миша, а мы с вами знакомы». Он посмотрел на меня с неподдельным удивлением и спросил: «А где мы познакомились?» И тогда я ему рассказал вот этот вот пинг-понговый сюжет. И вдруг он посмотрел на меня и сказал: «Надо же, я так часто вспоминал про это и думал, интересно, а что с этим парнем стало, которому я показывал Ригу?» Так что мы были абсолютно в своих помыслах чисты. Нас ничего, в этом смысле, не отягощало.

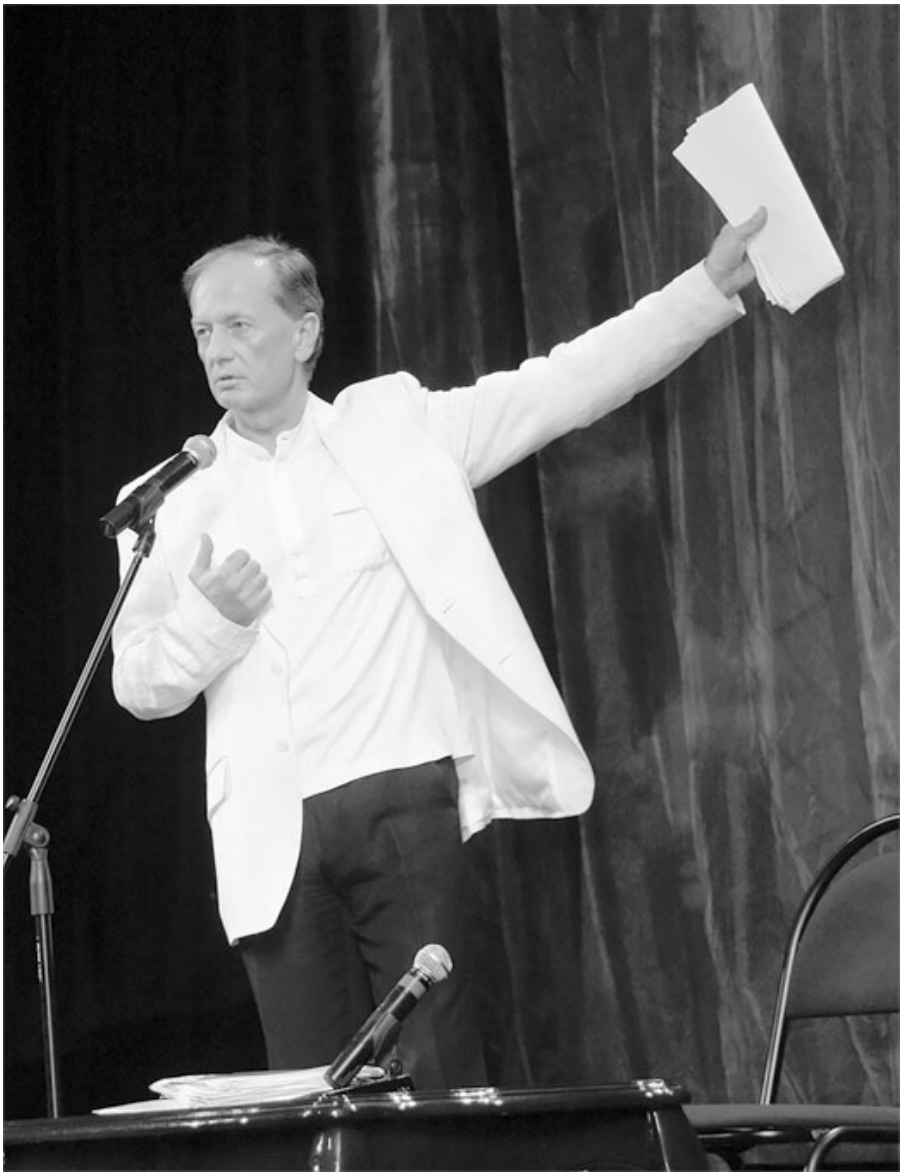
У меня впечатление, что мы мало пересекались на сценических площадках. Миша ворвался в это пространство очень ярко и очень убедительно. Он, вообще, представлял какую-то совершенно новую популяцию на эстраде в этом жанре. Очень точно я помню вот это ощущение бешеного энергетического запаса, который обваливался на зрительный зал. И мне зачастую казалось, что понять, где находится артист Задорнов, а где находится писатель Задорнов, – это было трудно. Наверное, потому, что у него это очень тесно всё переплеталось. Потому что вряд ли кто лучше Миши мог исполнять то, что он писал. Это не единичный случай. Мне кажется, что он в те годы стал, безусловно, у массового зрителя в этом жанре лидером. Это впечатление как тогда посетило меня, так и не покидает.



Во дворе стоял стол для пинг-понга, и приходил всё время к этому столу какой-то парень, школьник. Если мне не изменяет память, он тогда перешёл в 10-й класс. И мы с ним сутками, пока не темнело и шарик не пропадал из виду, так что его можно было найти только по звуку, резались в пинг-понг

В 1990-х годах начался кризис жанра эстрадной сатиры. Поменялась страна, поменялся зритель. И ушло время тонкого юмора литературного, эзопова языка. Я не смог с этим смириться

и ушёл, расстался с этим жанром. А Михаил рискнул и остался «социальным глашатаем», я уверен, что ему удалось найти правильную соединительную ткань, если можно так сказать, со зрителем этого времени. Время он чувствовал очень точно, очень тонко. И несмотря на то, что разница в возрасте у нас не очень большая, всего три года, но всё-таки я очень рано начал. И поэтому у Миши был такой запас для адаптации. А может, просто дарование такое. Может быть, он вообще точнее чувствовал массовую аудиторию, к которой хотел пробиться. Но думаю, что наступил момент, когда и его массовая аудитория стала тяготить, потому что она очень капризна. Она тебя любит, она тебя за что-то приблизила к себе и дальше начинает тебя эксплуатировать. И если ты пытаешься навязывать ей свои представления, она тебя отторгает просто. Я думаю, что у Миши довольно часто были минуты, когда он находился в таком раздумье, что делать, потому что аудитория за ним не успевает. А останавливаться и пятиться назад он не хотел. Вообще, это очень непростая вещь, массовая аудитория, массовый успех… Он очень опасен для носителя этого успеха.



Он, вообще, представлял какую-то совершенно новую популяцию на эстраде в этом жанре. Очень точно я помню вот это ощущение бешеного энергетического запаса, который обваливался на зрительный зал

В Юрмале, на прощании с Михаилом, ну, не поворачивается язык сказать «на поминках», это слово у нас с ним никак не ассоциируется, возникло предположение, почему невозможно делать пародии на Задорнова. Многие пытались, братья Пономаренко, Галкин, делать пародии на него, но невозможно передать его энергию…

Можно повторить слова Задорнова, интонацию, а передать личную энергию Задорнова, находящегося на сцене, – это большая проблема. Большая! И я думаю, что тот, кто мог бы это сделать с такой же мощью, не обязательно стал бы заниматься пародией, у него могла быть своя собственная дорога.

Миша всегда мне представлялся многослойным человеком. У него было большое чувство ответственности, вот это я точно знаю. То, за что он брался, он доводил до конца. Это касалось его очень близко. Он был очень заботливый. Вообще, у меня такое впечатление, что вот в этом ряду, в котором стоят писатели или, как их чаще называли, авторы, с моей точки зрения, Задорнов последний. Всё остальное – это уже какая-то другая субстанция. Это другие люди. И пишут они по-другому, и мыслят они по-другому, и видят мир они по-другому. Всё-таки Миша – продукт классической русской культуры.

Миша всегда мне представлялся многослойным человеком. У него было большое чувство ответственности, вот это я точно знаю. То, за что он брался, он доводил до конца. Это касалось его очень близко. Он был очень заботливый. Вообще, у меня такое впечатление, что вот в этом ряду, в котором стоят писатели или, как их чаще называли, авторы, с моей точки зрения, Задорнов последний

Миша в своё время, когда был соведущим Алексея Кортнева в программе «Салтыков-Щедрин» на НТВ, говорил о том, что есть

пошлая сатира, а есть умная сатира. И он надеялся, что он всё-таки причисляется к сатире умной. Видимо, в слова «пошлая сатира» он вкладывал то, что в последнее время транслируется с наших экранов, имеется в виду юмор туалетного уровня.

Что для меня умная сатира и какое место в ней занимал Задорнов?

Для меня всё-таки ближе определение пошлости, данное Пушкиным. Пушкин утверждал, что пошло – это то, что пошло в народ. Понимаете? Поэтому в этом смысле мы все – пошляки. В тот момент, когда до народа доходит то, что нам кажется интересным. Поэтому в этом смысле тут трудно спорить, это вопрос формулировок. Одно неоспоримо – Задорнов ориентировался на грамотного человека, сидящего в зале. Это значит, у него уже до определённой степени была усечённая аудитория. Знаете, тут даже обвинять никого нельзя. Мерилом всего этого является успех, а успех – вещь очень относительная. Ты можешь с одной и той же миниатюрой, с одной и той же шуткой иметь бешеный успех у одной аудитории и никакой успех у другой аудитории. Это не хорошо и не плохо. Это просто говорит о том, что смех, в отличие от слёз, очень разъединяет людей. Потому что плачут, как правило, над одним и тем же, а смеются зачастую над разными вещами.

Говорят, что мне и Михаилу удавалось собирать полные залы людей, которых смех объединял. И если говорить о массовости успеха, именно о том, что это относительно, как мерило, потому что толпа может признавать абсолютную бездарность и может не замечать безусловный талант. Но в нашем с ним случае это было совершенно противоположное. Каким же образом была выбрана та, сквозная, линия, которая пронизывала зал и соединяла людей очень разных?

Вы знаете, обмануть огромное количество людей очень трудно. На какой-то короткий отрезок времени можно. И у Миши была такая опасность, скажем, появиться и через какое-то время перестать быть интересным. Он проскочил все эти рифы, это значит, у него большой запас был внутренний. Не надо забывать, что, скажем, семья, в которой рос Задорнов, образование, которое он получил, юность его, становление – это всё происходило на дрожжах довольно мощной советской литературы, как бы ты к ней ни относился. И культуры, потому что средний уровень культуры в советское время был, с моей точки зрения, бесконечно далёк от того, что сегодня называется средним уровнем. Ну, такова была жизнь. Понимаете, вот это придуманное понятие «инженерно-технические работники», инженерно-техническая интеллигенция, которая теперь вообще перестала существовать,

она, кстати говоря, составляла огромную часть зрителей Задорнова. Да и не только Задорнова. Постепенно это стало всё вымываться. Этот класс стал истончаться и в конце концов почти исчез. Лотман Юрий Михалыч покойный, замечательный, сказал, что, вообще, творчество или культура, тут я могу запамятовать, начинается с запретов. Речь идёт о запретах внутренних, о своих личных табу, о том, что можно и чего нельзя. И когда исчезла внешняя цензура, то это предполагало перенесение этих цензоров внутрь самого человека. Вот у Миши этот цензор был до последнего мгновения. Он знал, что есть вещи, которые не попадают вот в этот коридор, нельзя этого делать. Да у него такое и не могло быть, потому что ему в голову бы не пришло это предлагать зрителю. Потому что успех зрительский – это, конечно, вещь обязательная, и зависимость эта очень сильная. Но мне кажется всё-таки, если зрительский успех окончательно подавляет того, кто обслуживает этот успех, то это кончается плачевно для обслуживающего.

А у Задорнова не было зависимости. Нет. Нет. И нет. Что-то могло быть более удачно, что-то менее удачно, но всё равно, был всегда этот стержень и планка своя, которая не опускалась. Дальше это вопрос уже вдохновения, что-то получалось, что-то получалось лучше. Ещё одна вещь: мы были счастливыми в том смысле, что у нас были иллюзии, что мы что-то можем изменить. И от того, что мы по этому поводу скажем и как мы это сформулируем, будет зависеть улучшение обстановки, ситуации, жизни. Понимаете, это, конечно, наивное представление, заблуждение, но без этого заблуждения очень трудно было работать. Мы все были в этом заблуждении, и это давало силы.

Улучшили ли мы что-то? Ну, если бы, если бы это улучшало, то человечество было бы идеальным. Ни Задорнов, ни все остальные не являются первопроходцами. Человечество давно борется за своё улучшение, и, как вы видите, что-то не очень получается. Потому что меньше всего изменился сам человек. Всё остальное действительно поменялось, благодаря рукам и мозгам этих же людей. А сами люди – не очень.

С чем у меня ассоциируется Михаил Задорнов? Сейчас такой образ возник, вот в лесу стоит дерево. Оно без зелени, без кроны. И даже ствол разрушен. Но оно такое мощное стоит. Видно, что за ним никто не ухаживает. Сколько оно простоит веков ещё – сказать трудно. Сценическая жизнь и сценический успех – вещи очень короткие. Память человеческая – потребительская память, зрительская, ничего тут обидного нет, тоже очень короткая. Надо менять, надо всё время чем-то этот аппетит гасить свой. Миша занял своё место в этом лесу. И даже если никогда зелень на этом

дереве больше не появится, то само дерево или фрагмент этого дерева, очень мощного, останется очень-очень надолго.

Геннадий Хазанов

Руководитель московского Театра эстрады, артист

Таких уже не будет…

Мы были знакомы без малого 30 лет…

Первая наша с ним встреча произошла в начале 1990-х. Рига. Мы с Кларой Новиковой приехали на гастроли. Я тогда был ещё молодым, робким автором, про которого знали три с половиной артиста. Перед началом концерта к нам подходит Задорнов. Уже звезда, уже блистательный говорун, который «укладывает» наповал тысячные залы.

Знакомимся. Задорнов спрашивает:

– Алексей, если мы сядем в кулисах (он был с очень красивой дамой), это тебе не помешает?

Он запросто мог не спрашивать… Тогда я на эстраде и для него лично ещё был Никто и звали меня Никак. Он мог запросто усесться, и никто бы ему не сказал ни слова. Звезда же! Но он спросил у меня разрешения. Это много говорит о человеке.

После концерта мы сидели в ресторане. Как-то вскользь, впроброс, мельком он сказал:

– У тебя там есть пара мест, их можно развить в совершенно самостоятельные эстрадные рассказы.

Когда мы прощались, мы вдруг обнялись. Он был не по-писательски развит физически, весь скручен из мышц, жил и сухожилий. Всегда, когда мы встречались и приобнимались, у меня было ощущение невероятной тренированности и подтянутости этого человека.

За долгие годы было много встреч: в кулисах, в офисе, у Евгения Петросяна, за столом. Задорнов был человеком фонтанирующим, он создавал веселье своим умением «крутить», «препарировать» ситуацию моментально. Радовался, когда это получалось у него, и был искренне счастлив, когда «выдавали нагора» другие.

Я всегда буду благодарен Задорнову за телефонные звонки. Очень короткие, очень ценные:

– Задорнов! Привет! Алексей, видел тебя в программе Петросяна. Достойно!! Поразил. Удачи.

Или:

– Задорнов! Это ты написал Степаненко про?..

– Я!!!

– Класс!!! Я бы не додумался!

– Михаил Николаевич, додумался бы!!

– Согласен! Я бы додумался. Но только я. И не сразу. Ты – молодец!!

Он был не по-писательски развит физически, весь скручен из мышц, жил и сухожилий. Всегда, когда мы встречались и приобнимались, у меня было ощущение невероятной тренированности и подтянутости этого человека

Авторы редко хвалят друг друга. Так что эти звонки

запомнились.

Была попытка нескольких совместных номеров, шла работа, но вдруг Задорнов «ушёл» в просветительство, в «славянский вопрос». После того как я посмотрел его фильм, я понял, что и педагогом он был бы просто блистательным.

В общении с ним для меня самым ценным был «теннис», когда мы обменивались репликами, фразами, намёками, загораясь друг от друга, накручивая и пришпоривая мозги.

Я как-то написал в «Литературке» пародию на его «жонглирование словами» и поиск в них древних символов и звучаний. Он долго хохотал в трубку.

Последняя наша встреча была в концертном зале «Меридиан». Это уже был ДРУГОЙ Задорнов. Одутловатый. Вымученный. С грустной улыбкой.

– Алексей! Мой организм уже одурел от лекарств. Он не знает, что делать!

Мы обнялись. Как оказалось, в последний раз…

С этого концерта его увезли в клинику.

Запись его последнего концерта часто повторяют, там сквозь начавшуюся мутную боль проглядывает усталая улыбка невероятно талантливого человека.

Старики про таких говорят:

– Поторопился. Ему ещё жить и жить!

Писать и писать.

Есть люди, уход которых мы сможем оценить нескоро. И никогда не сможем понять до конца, кого и что мы потеряли.

Я приведу имена совершенно разных людей, уход которых лично меня потряс. Евгений Леонов, Майя Плисецкая, директор моей школы Иван Михайлович Галкин, Михаил Задорнов, Дмитрий Хворостовский.

С их уходом чуть уменьшился остров, на котором мы с вами живём.

Таких уже не будет.

Жаль, что мой внук не застал живыми этих неповторимо талантливых людей.

Значит, он чего-то недополучит от Бога.

Очень жаль.

Алексей Цапик

Драматург эстрады, писатель, продюсер

г. Кисловодск

Надо перестать бояться

В 2005 году я начал работать на юмористической радиостанции, стал её продюсером, и поэтому было логичным, что начал искать возможности общаться с человеком, который, без лишней скромности можно сказать, был иконой юмора, в самом хорошем смысле этого слова. С Михаилом Николаевичем мы познакомились в 2006 году, то есть уже, получается, 12 лет назад. И с тех пор я всё хотел его заманить какими-то коврижками в эфир. Я ему предлагал разные варианты, чтобы он что-то записал, мы это транслировали, крутили, или, может быть, чтобы он что-то сам озвучил у себя дома или где-то ещё. Он, ссылаясь на занятость, которая действительно у него была очень серьёзная, всё время отказывался. И вот прошли годы, как говорят в хороших фильмах…

Мы встретились с ним в отеле одной гостиницы, куда он меня пригласил, а каждая встреча с Михаилом Николаевичем была фактически его мини-концертом. То есть он был просто полон разных историй, зачастую очень смешных, которые даже нельзя передать, к сожалению, поскольку они содержат такую информацию очень интимного, может быть, свойства. И в процессе такого разговора я говорю: «Михаил Николаевич, ну вот… невозможно просто удержаться, смешно, весело, давайте попробуем это перенести всё-таки в эфир?»

И он сказал: «Хорошо. Только с одним условием: это должен быть ПРЯМОЙ эфир». Так что идея программы как прямого эфира, была, несомненно, его. На станции прямой эфир не практиковался, и это вообще не очень приветствуется сейчас, поскольку прямой эфир – это всегда определённые сложности, это определённая боязнь того, что там вылезет что-то, что ты не можешь исправить, и т. д. И я, как продюсер станции, конечно же, отвечал за это и понимал, что иду на серьёзный риск. Тем более с Михаилом Задорновым, таким непредсказуемым, невероятно энергичным человеком, который всегда говорит прямо, что он думает. Но тем не менее он сказал: «Максим, я готов, если это будет прямой эфир». Поговорили с руководством холдинга, те сказали, что всё хорошо, давайте. Но! Вы, Максим, делаете на свой страх и риск, что называется. Я потом уже понял, что значат эти слова.

Мы думали над названием. Михаил Николаевич говорит: «Ну вот я – Михаил Задорнов, а вы – Максим Забелин. И давайте поэтому назовём программу «МихЗад в гостях у МакЗаба». Я говорю: «Ну, наверное, это, конечно, будет весело и интересно».

Он говорит: «Я шучу, программа будет называться «Неформат». Потому что всё, что мы с вами будем делать, – это будет неформат».

И мы попробовали первую программу, она вышла в эфир в январе 2012 года и просуществовала до конца 2016 года, когда мы, по понятным причинам, были вынуждены её приостановить, а потом и закрыть. Но за эти почти пять лет это была невероятная совершенно история радиоэфира. Радио в самом лучшем смысле этого слова, каким мы его помним, может быть, там, в начале 1990-х. То есть это эпоха романтического радио.

Программа была действительно неформатная, она презирала вообще все лекала коммерческого радиовещания, которые наработаны на протяжении этих десятилетий, начиная с 1990-х годов. И то, что творилось в эфире, это нельзя было назвать в прямом смысле концертом Михаила Николаевича, но его тонкий юмор, живой ум, острая реакция на всё происходящее в мире привлекало огромное количество аудитории.

То, что творилось в эфире, это нельзя было назвать в прямом

смысле концертом Михаила Николаевича, но его тонкий юмор, живой ум, острая реакция на всё происходящее в мире привлекало огромное количество аудитории

Задорнов приезжал, как всегда, весёлый, всегда жизнерадостный…

Он приходил, открывал дверь ко мне в кабинет, говорил «Ну, здрасте!», садился за стол, ему приносили кофе или чай, в зависимости от того, какое у него было настроение. Если он был настроен философски, то он пил чай, если он был настроен более игриво, прошу прощения за это слово, такое бывало у Михаила Николаевича, он пил кофе. Он рассказывал мне о том, где он побывал за эту неделю. Рассказывал о поездке на остров Пасхи, о каких-то совершенно невероятных раскопках, которые где-то проходили в глубинке, о том, что он встречался с людьми. Я сидел и вот по-хорошему завидовал. Потому что ну что я, клерк, белый воротничок, нигде не бывал, кроме каких-то там конференций, отелей, бизнес-завтраков, ничего я не видал, а он был непосредственно там, где кипит жизнь! И вот это кипение, в самом таком прямом смысле, Задорнов переносил в эфир. После того как он рассказывал, где был, он говорит: «Ну что там у нас?» – я ему коротко зачитывал подготовленные редакцией материалы…

По многим вещам – да, он прямо удивлялся: «Да? И это происходит? Боже, куда катится мир!» Потом мы шли в эфир, и это были два часа непередаваемых ощущений, просто до коликов в животе, до того, что я сгибался со смеха, все падали вокруг, он продолжал говорить, и говорить, и говорить, и ради этого все включались, все слушали эту программу. И до сих пор я получаю огромное количество сообщений в социальных сетях, где люди пишут, что это была прекрасная программа, замечательная. Здорово, что она была!

Это были два часа непередаваемых ощущений, просто до коликов в животе, до того, что я сгибался со смеха, все падали вокруг, он продолжал говорить, и говорить, и говорить, и ради этого все включались, все слушали эту программу

Сам Михаил Николаевич неоднократно говорил, что само по себе существование программы «Неформат» доказывает, что в нашей стране нет цензуры. И он по большому счёту был прав, потому что вся цензура – она у нас внутри.

Я, как в прошлом руководитель станции, могу сказать, что да, действительно, мы все боимся. Мы боимся за себя, за свой коллектив, за тот бизнес, который нам доверили, и т. д. И мы зачастую сами подвергаем себя цензуре. И сейчас, зная людей из власти, я могу сказать, что они более чем спокойно к этому относятся. Конечно, есть те, кто не хотел бы, чтобы про них так говорили и т. д. Но тем не менее, если критика существовала со стороны Михаила Николаевича, она была всегда очень здравой, очень точной и всегда по делу.

Меня поражало всегда ещё то, что он очень точно предсказывал события. Даже тогда, когда, казалось, это совершенно не вытекало из логики происходящих событий, он говорил: «Это будет так!» И сбывалось.

Вообще, иногда складывалось ощущение, что он просто это бросает. Может быть, он был подключён к какому-то космическому каналу в этот момент, я не знаю как…

Я ещё вспомнил такой момент, Михаил Николаевич рассказывал это, в том числе в «Неформате». Первый расцвет его карьеры, 1989 год по-моему, он выступает в каком-то цирке в Воронеже. И он говорит: «Я выхожу – цирк. То есть сидят люди, полный цирк народу, я на арене. Я начинаю, народ взрывается хохотом через какое-то время. И вдруг это очень начинает не нравиться хищникам – львам, тиграм… Или, наоборот, нравиться… Но они начинают нервничать из-за того, что люди смеются, аплодируют… И они начинают рычать».

И Михаил Николаевич говорит: «А вы знаете, почему они рычат? Потому что им не нравится слово «КПСС»!» И в этот момент «Аааа» – рёв.

Он снова говорит: «КПСС», и опять рёв. Всё, зал лежал, но я понимаю, что для тех людей, которые отвечали партбилетами за подобного рода выходки львов, конечно, это была совершенно критическая ситуация. Но ещё с тех пор, с конца 1980-х, через 1990-е и в наше время он пронёс совершенно чёткое ощущение, что никогда не надо лгать, прежде всего самому себе. Он всегда говорил правду, он всегда говорил то, о чём на самом деле думал в тот момент. И делал это очень легко. И поэтому в том числе люди тянулись к нему, потому что они хотели услышать правду. Никогда не выбирал он излишне дипломатические, скажем так, ходы. И в рамках программы «Неформат», что называется, рубил сплеча. Очень по делу, очень точно комментируя, правда, то, о чём многие боялись сказать, он делал это всегда легко, не заботясь о том, что потом, кто будет куда звонить, кто потом что будет говорить – этого не было никогда.

Мы с 2012 года работали с Михаилом Николаевичем с

небольшими перерывами практически в еженедельном режиме. Мы готовили программу «Неформат». Но уже тогда я понимал, что мой путь радийный, он подходит к концу, потому что я уже сделал всё, что мог. Радиостанция стала успешной, стала известной. Находясь на ней с момента создания, я вложил в неё всё, что хотел, всё, что мог привнести в неё, сделал. Поэтому я подумывал о том, чтобы уходить с радио. Но тут возникла эта идея с «Неформатом». И в течение пяти лет «Неформат» был тем светом, который освещал мой путь, простите за мой пафосный слог, в том числе и на радиостанции. Я думал, чем заняться дальше. Я занимаюсь музыкой, я занимаюсь различными проектами, но Михаил Николаевич в одном из эфиров рассказал о том, что у него есть пьеса. Пьеса эта называется «Однажды в Африке», и он хотел бы по этой пьесе снять фильм. Это было рассказано сначала безо всяких предложений, просто вот есть такая пьеса. Мы через некоторое время вернулись вновь к этому, а он, если какой-то идеей загорался, то всё, начинал себя посвящать ей. Поэтому довольно часто стали мы это обсуждать. И в какой-то момент он говорит: «Максим, ну а давайте вы станете продюсером этого фильма?» Я говорю: «Михаил Николаевич, ну, я с телевидением знаком, я делал концерты, телевизионные программы и т. д. Я много лет работал на радио и знаю, как это делается, но в кино я никогда не работал». Он говорит: «Да это пустяки!»

Он всегда говорил правду, он всегда говорил то, о чём на самом деле думал в тот момент. И делал это очень легко. И поэтому в том числе люди тянулись к нему, потому что они хотели услышать правду

Совместными усилиями мы получили финансирование от

Минкульта, мы получили финансирование от телеканала НТВ, который также поддерживает этот проект. И фильм, который называется теперь «Однажды в Америке, или Чисто русская сказка», скоро выйдет сначала на экраны, а потом и в телевизионный эфир.

Этот фильм – однозначно фильм Михаила Задорнова, поскольку Михаил Николаевич его задумал. Он его видел таким, он участвовал с самого начала в кастингах, он отбирал лично актёров. Меня поразило то, что он работал со сценарием. Я не видел, чтоб кто-то так это делал. Мы встретились с ним и ещё с группой людей в каком-то ресторанчике, и он читал сценарий. Читал сценарий и заметил, что это не вызывает гомерического хохота. Тогда он сделал следующее: он в Театре на Таганке провёл шесть концертов, по-моему, в течение которых он вычитывал сценарий. Он читал людям и смотрел реакцию.

И он вычёркивал то, где люди не реагировали, и добавлял репризы, которые казались публике действительно остроумными и смешными. Изначальный сценарий и тот, который появился в результате правки, – это, что называется, две большие разницы. Это куда более динамичная, куда более современная история, куда более остроумная. Получилась лёгкая, очень добрая, ироничная история, где есть вымышленная страна и в ней проживают типажи, которых мы встречаем в повседневной жизни.

Его отношение к жизни не вписывалось в общепринятые рамки. И человек, тонко подмечающий всё, что происходит вокруг, неутомимый исследователь, он погружался настолько глубоко в вопрос, что иногда, разговаривая с ним, я ловил себя на мысли, что я абсолютно невежествен, некоторые вопросы я вообще не знаю. А он в них разбирается в деталях. Особенно это касалось истории России. Ведь он же по большому счёту, начистоту сказать, открыл нам всем глаза на то, что у России может быть и есть другая история. Разве это не неформат? Я в одной из программ «Неформат» Михаила Николаевича назвал историком и учёным-историком, точнее. И я понимаю, что он для истории нашей страны сделал куда больше, чем многие-многие академики.

Михаил Николаевич Задорнов был человеком неформатным не только в общении, но и в каком-то видении жизни. Я могу сказать, что он в прямом смысле вылечил меня. Когда мы начинали работать над программой «Неформат» в 2012 году, у меня была жесточайшая аллергия на цветение, на весну. Пыльца, всё, как только начало цвести, меня это начинало убивать. Я просто, чтоб вы понимали суть проблемы, приобрёл себе пожарный противогаз и ходил в нём. То есть ни таблетки, ни

уколы, ничего не помогало. Во время одной из программ, в студии жарко, окно прикрыто, но всё равно пыльца попадает как-то через коридор и так далее. И вдруг, прямо посреди моей речи, там, когда я что-то зачитываю, у меня начинается приступ. Аллергики знают, что это такое. Всё, это слёзы ручьём, ты задыхаешься, чихаешь, кашляешь, всё, что угодно… Говорить ты не можешь, однозначно. Я сгибаюсь, лезу по стол, это был, наверное, где-то, я думаю, 2013 год. Михаил Николаевич смотрит на это глазами такими удивлёнными, но что-то, достав бумаги, начинает говорить. Это продолжается там, не знаю, до рекламы минуты две. Мы уходим на рекламу, после этого он встаёт и говорит: «Максим, вам надо перестать бояться». И говорит: «Всё пройдёт». И я могу сказать, что – да, за это время, которое прошло, я правда перестал бояться каких-то вещей. Перестал, взял и подумал: «Ну действительно, есть какие-то страхи в каждом из нас», но не придавал, может быть, этому значения до тех пор, пока вот сегодня, сейчас весна, самое активное цветение, когда мы записываем это интервью, и я понимаю, что я здоров. Я не пью таблетки, я не ношу противогаз. Я сейчас готов с уверенностью заявить, что – да, это он вылечил меня, и это было абсолютно неформатное лечение.

Максим Забелин

Продюсер и ведущий радиостанции «Юмор FM»

Обаяние, которое нельзя купить

Я не помню точно, какого числа и даже года мы познакомились с Михаилом Задорновым. Было это лет тридцать тому назад, а может, и больше. Я выступал в МАИ, и после выступления ко мне подошёл некий человек и спросил: «Извините, а как вообще на эстраду попадают?» Я говорю: «В каком смысле? А вы чем занимаетесь?» Он говорит: «Вот я здесь учусь на 5-м курсе, у меня рассказы всякие есть. Хотите, дам вам почитать?» Я ответил, что не редактор, но договорился и привёл его в Московский комитет драматургов. А этот комитет драматургов организовали те, кого не принимали в Союз писателей. И там Мишечка Задорнов сделался тем самым Михаилом Задорновым.

Он, надо сказать, как и каждый человек, личность уникальная. Миша открыл новый жанр. Вот то, что сейчас называется стендап. Мишка впервые начал разговаривать с залом так, как до него не разговаривал никто. Это не были концерты. Сначала это было очень похоже на вечера встреч. Растягивалось на час, на два, на три… Стоял один человек. Я не могу сказать, что всегда это вызывало гомерический хохот, ничего подобного. Но это было на абсолютном внимании и совершеннейшем доверии.

Миша имел такое обаяние, которое нельзя купить. Это как музыкальный слух: либо он есть, либо нет. Ты, конечно, можешь и без этого стать актером, писателем, кем угодно. Но одно отличается от другого очень просто: вот идёт человек, ещё он не подошёл, а все начинают улыбаться. Почему? Нипочему, просто так. А второй пройдёт – могут не обратить внимания, могут нахмуриться. Может, он и хороший человек, но этого у него нет. А у Мишки было.

Мишка потрясающим образом разговаривал с залом. Он, кстати, и с людьми так разговаривал, абсолютно не менялся. Я видел очень многих, которые, выходя на сцену, брали на себя какой-то образ, хороший или дурной. Миша оставался самим собой всегда. У него был совсем не лёгкий характер, ничего подобного. Михаил Николаевич умел себя держать. У Михаила Николаевича было расстояние, преодолеть которое дано было не каждому. И не каждый называл его Мишкой или Мишенькой. Он был для многих, почти для всех, Михаилом Николаевичем!

Есть такое понятие «одиночество в толпе». Этим страдают очень многие, почти все творческие люди. Потому что никто до конца не понимает, чем человек занят. Он ведь ничего не делает:

на станке не работает, деревья не пилит, кирпичи не кладёт. Что значит: «Я думаю»? Можно думать и делать что-то ещё, так думают остальные.

Задорнов на сцене – это только верхушка айсберга. Он перелопачивал гигантское количество информации. Он на самом деле был эрудированный малый, начитанный человек. Конечно, там с чем-то можно было спорить. Много спорного он говорил про русский язык, но у него было своё мнение по этому поводу. Многие учёные морщились, возмущались, но его это никак не касалось. Это было настолько легко и обаятельно, хочешь верить – верь, не хочешь – не верь. Но всё имело право на существование, потому что – и это великая формула – это сказал Задорнов! До этого надо было дорасти.

Есть несколько человек из той, старой когорты, которые могут держать зал, могут импровизировать на сцене. И среди них совершенно отдельно стоит Задорнов. Смешных юмористов у нас много, но держать зал просто так два-три часа, когда ты просто стоишь с листком бумаги! Это когда-то давно сатирики на творческих вечерах читали свои произведения с листа. Но Мишка же не читал, он очень редко брал лист бумаги и читал с него. Он просто подглядывал, потому как в голове была просто огромная информация. Но то, как он общался с залом!..

Есть несколько человек из той, старой когорты, которые могут держать зал, могут импровизировать на сцене. И среди них совершенно отдельно стоит Задорнов

Последнее время у него кто-то ещё из молодых участвовал в концертах, но до этого он стоял один. Понимаете, это даже не труд. Это какое-то вдохновение. Причём это так тяжело! Я могу стоять на сцене, шутить с залом, наверное, час. Но я устану. Мишка был лёгок от начала и до конца. У него был абсолютно не театральный образ и полные залы. Это ведь не то что в маленьком клубе, где 10–15 человек, которые пришли у него конкретно спросить, например: «Кто у нас завтра станет президентом?» Это большие залы, я же видел. И у него был всегда улыбающийся зал. Смех – он разнородный, не могут все смеяться одинаково. Улыбаться могут. Улыбаться – это хорошее настроение. От начала до конца в зале было хорошее настроение. И я не помню ничего подобного, чтобы один человек так долго держал хорошее настроение зала. Мишенька это делал замечательно!

Мы никогда не садились в первый ряд на концертах друг у друга, только в программе «Вокруг смеха», пожалуй. Это очень трудная история, когда видишь своих в первом ряду. Зал ты воспринимаешь как одно целое всегда, обращаешься к нему на «ты», на «вы». Но если в зале сидит кто-то знакомый в первом ряду, это очень сбивает. Поэтому у нас было несколько правил поведения друг с другом, и это в том числе.

Как-то я придумывал розыгрыш к 1 апреля, стал всех обзванивать. Мишка сказал: «Ну я не знаю, придумай что-

нибудь!» И я ему по телефону говорю: «Мишка, давай расскажем какую-нибудь фигню». Он завёлся, и мы стали друг друга накручивать, так и придумалась целая история о том, как мы съезжали на лыжах в подъезде и сшибли тётку, которая совершенно обомлела, когда узнала нас. Миша неоднократно рассказывал эту историю со сцены. А случай-то на самом деле реальный. Однажды, когда ещё было выездное «Поле чудес», мы с Владом Листьевым вели его вместе – он начинал, я продолжал и т. д. Зима, у нас поездка по Золотому кольцу. Закончилось выступление где-то часов в десять вечера, нам надо было переезжать в следующий город. И вот ночью мы едем: пурга, снег по колено… А надо сказать, что у меня как тогда, так и сейчас есть один наркотик в жизни – это молоко. Я могу выпить три литра молока в день и жить без этого не могу. И я говорю всю дорогу, как сильно хочу молока. Наконец Листьев озверел совершенно и где-то в какой-то глухоманьской деревеньке сказал: «Стой!» Мы остановились. Где-то вдали светил маленький огонёк. И я пошёл, за мной Влад. В снегу протоптана дорога, снегу по колено. Маленький домик, залаяла собака, открылась дверца. В проёме обнаружилась маленькая старушечка в такой старинной байковой ночной рубашке и платке. Я пошёл в полосу света в три часа ночи, она глаза вылупила и говорит: «Ой, Якубович!» И тут туда же шагнул Листьев. Она говорит: «Ой, Листьев!» – и повалилась без сознания. Мы её занесли в дом и ещё долго откачивали. Так что в этом смысле, вообще говоря, история реальная. А потом Мишка уже рассказывал это как случай из нашей жизни…

Леонид Якубович

Телеведущий, сценарист, писатель, продюсер

Последнее интервью

Фрагмент из записи программы «Разговор на сцене с Ириной Безруковой»

Ирина Безрукова: У меня в гостях потрясающий человек, Михаил Николаевич Задорнов.

Михаил Задорнов: Здравствуйте! Я подтверждаю всё, что сказала Ира, – и кто у неё в гостях, и что он потрясающий, и здравствуйте.

Ирина Безрукова: Мы находимся на сцене Московского губернского театра, и я хочу поздравить вас с премьерой, вы на большой сцене. Вот этот прекрасный зал, огромная аудитория, которая нас смотрит, это Крым, это Московская область, это Интернет, это триколор, Москва… Здесь всё, что вы пожелаете. Вас знают в разных ипостасях, но не все знают, что у вас достаточно большое количество идёт спектаклей по вашим рассказам или по вашим пьесам. Можете прояснить или как-то так рассказать, где можно посмотреть спектакли по Задорнову.

Михаил Задорнов: Ну вот мы находимся на этой сцене, в этом театре поставили спектакль по моим рассказам, в Губернском театре. Это не моя драматургия, драматургию выявили режиссёры этого спектакля. На самом деле они из литературы как бы выжали драматургию и сделали добрый, чудный, лирический, драматический спектакль. Меня считают сатириком, а я же на самом деле уставший романтик, романтик, но уставший.

Ирина Безрукова: Я подтверждаю, вы прекрасный романтик, лирик, я бы даже сказала.

Михаил Задорнов: Да, просто это не видно, когда я выступаю, когда я на сцену выхожу, я другой. На самом деле я Рак по гороскопу, а на сцене даже астрологи думают, что я Лев, когда смотрят на меня, то есть я притворяюсь.

Ирина Безрукова: Спектакль называется «Весна», и там есть главный герой. Если честно, то, когда мы подбирали главного героя для спектакля, я тоже участвовала в этом процессе, мне так повезло, мы хотели, чтобы он немного, хотя бы немного был похож на вас.

Михаил Задорнов: Он был похож на меня, а главное, когда премьера закончилась, я решил показать, что у меня ещё есть порох в пороховницах…

Ирина Безрукова: …Я помню, расскажите.

Михаил Задорнов: Я встал на руки и пошёл на руках, и он встал на руки.

Ирина Безрукова: Да, Саша Соколовский, который очень известный медийный актер, работает в нашем театре, играет Михаила Николаевича, фактически…

Михаил Задорнов: …Вот мы с ним кармически повязаны, это я так, чтобы вы не думали, что я лох, я тоже модные слова знаю.

Ирина Безрукова: Вы знаете, таких мыслей мне в голову никогда не приходило.

Михаил Задорнов: И правильно. Ещё одна пьеса шла в шестидесяти четырёх театрах российских.

Ирина Безрукова: А как называется?

Михаил Задорнов: «Куплю вашего мужа», «Хочу вашего мужа», «Продам мужа».

Ирина Безрукова: Ну, в общем, что-то про мужа.

Михаил Задорнов: Муж везде есть. А вот дальше: куплю, хочу, продам – это уже в зависимости от режиссёра. Она была написана в середине восьмидесятых, и снят фильм был, причём я в то время ещё мог мужа играть.

Ирина Безрукова: И вы снялись в этом фильме, насколько я знаю.

Михаил Задорнов: Да. И это было так плохо, что я никогда больше не снимался нигде, в смысле, как актёр не снимался. Правда, в 86-м году в Минске мы, сами того не понимая, снялись в одном фильме с Альтовым, и там снялась Агурбаш, которая в то время была победительницей конкурса «Минская красавица».

Ирина Безрукова: Очень красивая женщина!

Михаил Задорнов: Да, у нас дружный в то время был коллектив, такая группа, но этот фильм никто не знает, и никто не знает даже, где он, вот так скажем.

Ирина Безрукова: А вы можете его как-то, может быть, выложить? У вас же невероятно активные соцсети.

Михаил Задорнов: Соцсети у меня такие активные, что мне, если я еду на гастроли в какой-то город, мне не нужно телевидению платить деньги, мне надо только в соцсетях…

Ирина Безрукова: …Спасибо, что вы здесь, потому что вы сами себе СМИ, вы можете сами выложить всё, что угодно.

Михаил Задорнов: Я сам себе СМИ, слово отвратительное – СМИ, но да, я сам себе делаю всё, что мне надо. Потому что я уже когда говорю о какой-то новой своей программе, это я говорю, а не торгаши при мне пытаются наварить на мне бабки, чего я терпеть не могу. Мои концерты стоят или дорого, или бесплатно.

Ирина Безрукова: А почему, почему нет середины?

Михаил Задорнов: Потому что если торгаши, которые

называют себя громким словом импресарио, теперь ведь больше не директор, а импресарио… на мне зарабатывают, как будто я охломон какой-то.

Ирина Безрукова: Я была на вашем концерте, в «Крокусе», это пятитысячный зал.

Михаил Задорнов: Мне до сих пор не доплатили за него.

Ирина Безрукова: Ага, хулиганьё какое.

Михаил Задорнов: Эта компания развалилась, не «Крокус» развалился, а эта компания, которая…

Ирина Безрукова: …Они себе испортили карму…

Михаил Задорнов: …А не надо против светлого человека идти.

Ирина Безрукова: Я обычно говорю «не надо обижать маленьких», ну я имею в виду чистых людей.

Михаил Задорнов: В «Крокус-Сити» я много лет не хотел выступать по одной простой причине: я терпеть не могу золото, а уж позолоту тем более, а дешёвую позолоту…

Ирина Безрукова: Ой, ну тогда Кремль. В гримёрке же в Кремле карельская береза, там же сусальное золото, реально сусальное золото и стразы.

Михаил Задорнов: В Кремле?

Ирина Безрукова: Да, в гримёрках.

Михаил Задорнов: Я в Кремле, Ира, выступал, я не знаю, что с вами будет, как говорит Задорнов, в 1976 году первый раз. В ложе слева, которая на высоте, сидел Брежнев, и я читал стихи, и Брежнев мне аплодировал, вот какое у меня прошлое.

Ирина Безрукова: Ой, прекрасно. Хорошее чувство юмора у Брежнева?

Михаил Задорнов: Ну я стихи читал, я понятия не имею, какое у него чувство. У Ельцина было хорошее чувство юмора, я часто рассказывал Ельцину о наблюдениях в поездках по России, и он всегда смеялся правильно, как смеются интеллигентные люди в зале.

Ирина Безрукова: А как смеяться правильно, скажите?

Михаил Задорнов: Реагировать на остроумную мысль, а не на рожу. Я иногда умничаю со сцены, просто недолго, потому что зал всё-таки хочет смеяться, поэтому я так поумничаю, поумничаю, но не до такой степени, как в Фейсбуке умничают, но тем не менее, а потом, конечно, снова перехожу на юмор.

Многие мне говорят, что мы иногда думаем, что вы прикалываетесь, а оказывается, вы что-то серьёзное сказали, такие претензии есть.

Ирина Безрукова: Но я-то знаю, мне довелось побывать у вас в гостях, сидеть рядом с костром, который вы зажигаете для

ваших друзей.

Михаил Задорнов: Все должны зажигать.

Ирина Безрукова: Жечь.

Михаил Задорнов: Жечь хоть что-то.

Ирина Безрукова: Я тут выяснила, я, к своему стыду, не знала, что был такой соцопрос, который проводился в тридцати странах мира, где выбирали самых уважаемых персон мира, и вы входите в двадцатку самых уважаемых людей мира. Рядом есть фамилии Лео Ди Каприо, Брэд Питт, Путин, Хабенский, ну вот и другие фамилии. Как вы сами относитесь к таким соцопросам и вам приятно, что вы входите в двадцатку этих людей?

Михаил Задорнов: Мне приятно, что вы об этом говорите, а что я вхожу – мне это всё равно, у меня нет ни одной награды, у меня нет ни одного звания…

Ирина Безрукова: …Подождите, премия Ленинского комсомола, вы же создали театр…

Михаил Задорнов: Ну это за студенческий театр, который я возглавлял.

Ирина Безрукова: Ну вы же создали театр, вы на сцене театра, вот этот студенческий, который был настолько популярен…

Михаил Задорнов: В одном спектакле у меня двести двадцать человек участвовало.

Ирина Безрукова: Потрясающе. Значит, вы театральный режиссёр.

Михаил Задорнов: Более того, меня даже после этого спектакля мастера, преподаватели Щукинского училища пригласили поступать на режиссёрское, сказали, что заранее принимаем, я отказался, потому что нашей команде студенческой дали путёвку с концертами проехать по атомоходам, ледоколам, Северный морской путь. Ну что Щукинское, то, что Щукинское преподаёт, я и сам выучить могу, а когда ещё на ледоколах побываешь. Мы были на ледоколах «Ленин», «Арктика», «Красин», смотрели, как мишки белые ловят рыбу, как они убегают от ужасных этих монстров-кораблей, это было очень интересно. Мы со своей театральной бригадой много проехали, были у золотоискателей, у лесорубов, у пограничников, у рыбаков, мы очень много видели.

Ирина Безрукова: Потрясающий опыт.

Михаил Задорнов: Я видел страну, которая работала, вот в чём моя заслуга. И когда я сейчас езжу по стране, я вижу страну, которая не работает, а только гонит, что она работает, по сравнению с тем, что я видел тогда. Я семь раз был на строительстве Байкало-Амурской магистрали, пять раз вел

концерты «Огни магистрали», был ведущим, это очень интересно.

Ирина Безрукова: Я думаю, да, потому что молодые люди ехали на стройку века, они строили Байкало-Амурскую магистраль, и мне кажется, что там происходило всё самое интересное, приезжали лучшие артисты…

Михаил Задорнов: …Некоторые ехали по идее, а некоторые ехали за дублёнкой и ондатровой шапкой, потому что только там можно было это купить.

Курильские острова, Сахалин, Приморье – всё это было видено нами, когда мы были студенческим театром, между прочим, мы до сих пор собираемся.

Ирина Безрукова: Ой, как здорово!

Михаил Задорнов: Многие стали богатыми. Сначала, в конце 1980-х, обеднели все, кроме меня. Потому что я уже звездил, а они… кому нужны авиационные инженеры…

Ирина Безрукова: Ну да, вы же закончили МАИ, да?

Михаил Задорнов: Они все были из МАИ, но потом многие нашли себя, потому что всё-таки вот эта пружина, заложенная студенческими поездками, она начала работать, и некоторые из них сейчас делают, например, концерты, ну вот на Поклонной горе, когда Клинтон приезжал, это вот ребята из моего театра делали, в Ванкувере – Русский дом – это из нашего театра ребята делали, Васильевский спуск – это вот все они. Они стали побогаче меня, многие, я не бомж по сравнению с ними, но так уже…

Но в то время было о чём мечтать, сейчас так всё развалилось и так и не состоялось то, о чём мечтаешь, что сейчас и мечтать не о чем.

Ирина Безрукова: Вы считаете, что сейчас не о чем?

Михаил Задорнов: Ну в моём возрасте в любом обществе не о чем мечтать. Но когда мы встречаемся, мы можем попеть те песни, которые мы пели тогда, и черпануть большим черпаком силу и энергию из того времени, когда объём добра был больше.

Ирина Безрукова: Есть ностальгия по этому времени?

Михаил Задорнов: Есть. И я так задумался недавно, вот бы в советское время, потом думаю, нет, к стоматологу советскому я не хочу идти.

Ирина Безрукова: Ой, нет, я их боялась, сейчас не боюсь.

Михаил Задорнов: Я тоже боялся. Нет, безусловно, были плюсы, но были и минусы.

Ирина Безрукова: Ну, наверное, пока человек молод, он, может, более наивен, более прекрасен, он верит в справедливость, что будет когда-то лучше, он действительно мечтает, но проходит время, и он сталкивается с действительностью.

Михаил Задорнов: Когда молод, веришь в справедливость, а

когда становишься старше, веришь в великодушие, это важнее справедливости.

Ирина Безрукова: Но вы же являетесь таким духовным меценатом для многих актёров. Я знаю, что вы помогли целому курсу в Риге…

Михаил Задорнов: Да, я платил за них деньги для того, чтобы они учились в Ярославле, и у них сегодня тоже такой театр. Они были очень удивлены, когда оказалось, что я чувствую режиссуру и внутреннее действие актёрское чувствую, они такого не ожидали, авиационный инженер – сатирик, какая-то несвязуха.

Ирина Безрукова: Потому что технарь и сатирик?

Михаил Задорнов: Ну да.

Ирина Безрукова: Но у вас же гены, у вас же папа был актёром, кроме того что он знаменитый писатель.

Михаил Задорнов: Но он недолго был, потом стал журналистом, потом стал писателем. Но вот это творческое, конечно, от него есть, безусловно. А потом, отец самое главное дело сделал в моей жизни, он приучил меня балдеть, тащиться, так сказать, от природы.

Ирина Безрукова: Вот я хотела спросить, вот Михаил Николаевич Задорнов, естественно, мужчина видный со всех сторон, спортивный, красивый, знаменитый…

Михаил Задорнов: Я ещё был хорошенький…

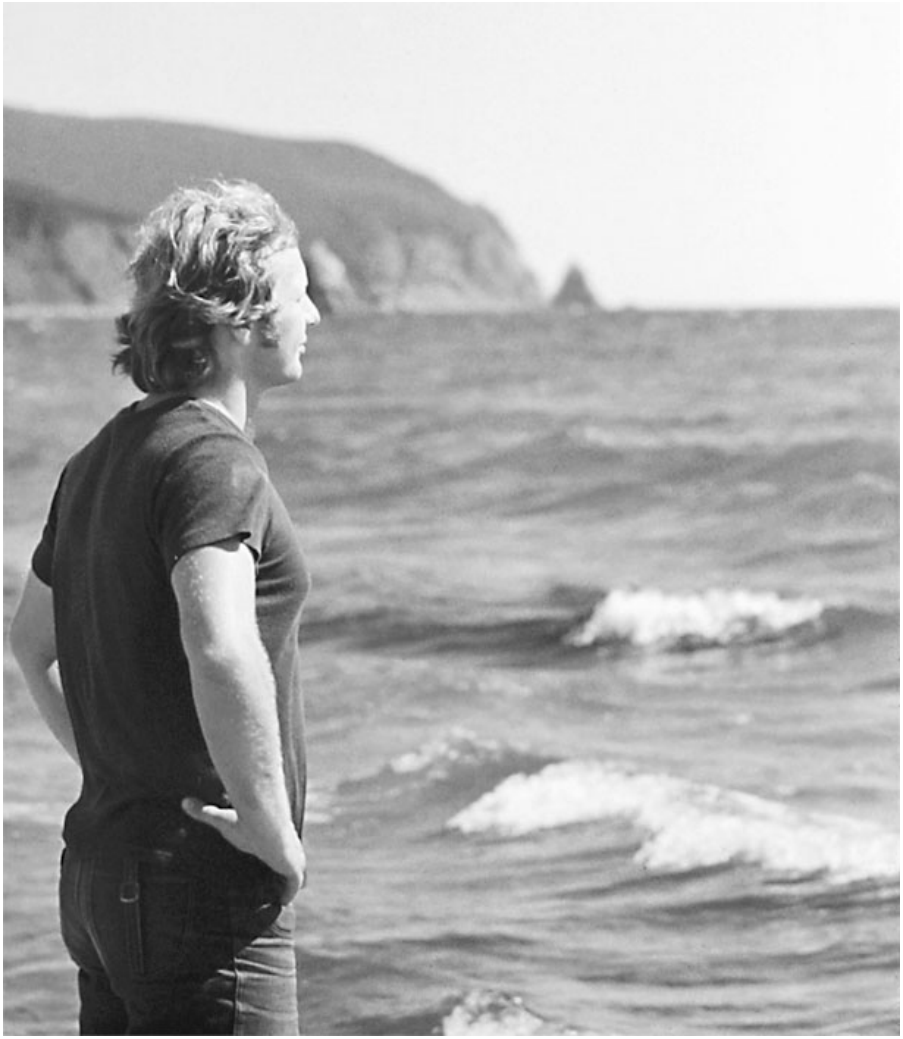
Ирина Безрукова: Вы кокетничаете, и сейчас хорошенький, это заметно по реакции женщин нашей съёмочной группы.

Михаил Задорнов: Что-то интересное хотели спросить?

Ирина Безрукова: Я хотела спросить, в вашем представлении красивая женщина, красота женская – это что?

Михаил Задорнов: Для меня это обаяние, вот какая бы она ни была красавица, но если она тупа, я сразу отхожу в сторону.

Ирина Безрукова: Но многие мужчины от умных женщин как-то держатся особняком, потому что надо же быть умнее, как минимум в два раза.



– Михаил Николаевич Задорнов, естественно, мужчина видный со всех сторон, спортивный, красивый, знаменитый…

– Я ещё был хорошенький…

Михаил Задорнов: Тяжело с умной.

Ирина Безрукова: У вас нет этой проблемы?

Михаил Задорнов: Нет, я очень умный.

Ирина Безрукова: Я в курсе.

Михаил Задорнов: Нет, вот с точки зрения женского ума у меня проблемы нет. Наоборот, мне это очень нравится, наверное, у меня эрогенная зона в уме моём.

Ирина Безрукова: Обычно у женщин. А вот как интересно, потому что многие мои подруги говорят, что не кошелёк эрогенная зона…

Михаил Задорнов: …А мозг.

Ирина Безрукова: Да, чувство юмора, мозг…

Михаил Задорнов: …Я думаю, что это так. Если бы люди вот по таким признакам выбирали друг друга, то семейные пары были бы более счастливыми.

Ирина Безрукова: Желательно хотя бы, чтобы приблизительно уровень образования совпадал, потому что всё остальное ещё как-то, наверное, можно…

Михаил Задорнов: Ну да, или образование можно наверстать, у меня же много было знакомых женщин разных возрастов в течение жизни. И вот иногда жалуются, он меня не любит, говорит она, с Рублёвки приехала, наблатыканная во все места, и говорит, он меня не любит. А ты выходила по любви? В чём претензия у тебя, ты не выходила за него по любви, с чего он должен тебя любить? Вспомнили вдруг, он меня не любит, да и не должен.

Ирина Безрукова: А вообще, по-моему, никто никому ничего не должен. Вот это вот мужчина должен, женщина должна, мне кажется, что никто не должен.

Михаил Задорнов: Я знаю секретик, как понять, женщине нравишься или нет.

Ирина Безрукова: Как?

Михаил Задорнов: Надо повести её в кафе и посмотреть, она ест аккуратненько, осторожненько, боится показать что-то не так, значит, ты ей нравишься. А если жрёт…

Ирина Безрукова: …Боже мой…

Михаил Задорнов: …Ну не жрёт, а вот так вот хавает и ещё добавки просит, ни в коем случае с ней жизнь связывать не надо. А вот иногда сидит, так осторожненько пальчик оттопырит, это значит – хочет нравиться, с этой жизнь можно связывать.

Ирина Безрукова: Много не съест, расходы небольшие.

Михаил Задорнов: И будет прилично вести себя.

Ирина Безрукова: Как интересно, неожиданно. А если мужчина? Нет, у мужчины должен быть хороший аппетит, мне кажется, мужчина должен есть, так со вкусом.

Михаил Задорнов: Только не перед свиданием. Потому что если он объелся, он уже не мужик.

Ирина Безрукова: То есть в кино посидеть, попкорн подержать в руках в состоянии, да, и всё…

Михаил Задорнов: …Всё, потом уже нечего вместе на квартиру ехать, потому что у него в организме всё слиплось, и бессмысленно это всё. Женщины ведь любят кормить мужчин больше, чем мужчины – есть, да, я вам открываю секрет.

Ирина Безрукова: А те, которые голодом морят, чтобы выглядел хорошо, есть такие…

Михаил Задорнов: Вот это настоящая любовь.

Ирина Безрукова: Это любовь, да?

Михаил Задорнов: А вот когда говорит – ешь, а там и котлеты, и рыба фаршированная, всё, это из чувства эгоизма женщины делают. У большинства женщин нет творчества, и, когда они котлетят на кухне, для них это творчество. И когда мужик жрёт это всё…

Ирина Безрукова: …Это аплодисменты?

Михаил Задорнов: Да. Это признание их таланта. А когда на бис ещё котлету просят, то это совсем мило и хорошо. И вот я тоже жене говорю, перестань тешить своё чувство эгоизма, перестань мне подсовывать еду.

Ирина Безрукова: Ну, по-моему, накормить близкого человека – это нормально. К тому же говорят, что голодный мужчина – злой мужчина. Надо сначала накормить, выслушать, успокоить, а потом уже, собственно, наверное…

Михаил Задорнов: Ну конечно, ну как бы она ни готовила, ну что, неужели можно едой соблазнить мужчину?

Ирина Безрукова: Очень многих, мне кажется.

Михаил Задорнов: Значит, это уже мужчина отсталый и нефиг с ним связывать жизнь.

Ирина Безрукова: Михаил Николаевич, вы вот так сидите, вы просто царь, просто царь, король. Я знаю, что у вас есть королевская кровь, и это правда.

Михаил Задорнов: Не королевская, дворянская.

Ирина Безрукова: Дворянская. Мама столбовая дворянка, но там же по роду…

Михаил Задорнов: Ну вроде как от королевского рода Радзивиллов, но стопроцентных доказательств этого нет, хотя по родовым книгам даже от Стефана Батория есть, но это не предмет гордости.

Ирина Безрукова: То есть это данность, вы родились в этой семье…

Михаил Задорнов: …Премия Ленинского комсомола за студенческий театр – это предмет гордости.

Ирина Безрукова: Понятно.

Михаил Задорнов: А что ты родился в какой-то ветви рода какого-то, ну ты сделай сначала что-нибудь в жизни, а потом гордись.

Ирина Безрукова: Хорошо, но вы говорили, что у вас только премия Ленинского комсомола и больше нет наград. Это вас как-то смущает, ваше отношение вообще к признанию?

Михаил Задорнов: Это и есть признание, когда нет наград. Я никогда не выбивал и не подавал ни на какое звание, ну что, ну

повешу я какую-то стекляшку себе на лацкан. И что это?

Ирина Безрукова: Если б вы хотели, то конечно, поскольку и Ельцин к вам относился с большим уважением.

Михаил Задорнов: Вовремя сделал бы, а зачем это? Люди если видят меня и улыбаются – это важнее ордена.

Ирина Безрукова: Я согласна.

Михаил Задорнов: Улыбку через Кремль не выбьешь.

Ирина Безрукова: Насколько я знаю, ни ваша мама, ни ваш папа не состояли ни в одной партии, да?

И ваш отец как бы завещал вам, скажем так, как бы напутствовал, что не следует ни с кем идти в ногу…

Михаил Задорнов: Потому что любая партия – это стая, в которой каждый не может заработать сам, а должен присосаться коллективно. И больше отгрызает от пирога государственного.

Ирина Безрукова: Вот вы знаете, я тоже так думаю, многие удивлялись, мне предлагали разные организации – и «Единая Россия», и т. д. Я отшучивалась: я сижу дома, примус починяю. Я не достойна. Мне говорили: нет, вы достойны. Я говорила: нет, ну что вы!

Михаил Задорнов: Тогда нужна партия для тех, кто починяет примус.

Ирина Безрукова: Нет, мне больше нравится коалиция людей, которые собираются вокруг костра и общаются под звёздным небом.

Михаил Задорнов: Конечно, есть сейчас партия в Швейцарии, они прикололись, потому что думают так же, как мы с вами. И создали партию «макаронного монстра».

Ирина Безрукова: Ой, это как?

Михаил Задорнов: И туда вступило столько людей уже. Потому что многим это все так надоело. Вот этот формат партийного мышления, когда все должны думать одинаково. В этом и есть суть демократии, все должны думать одинаково.

Ирина Безрукова: А лучше не думать вообще…

Михаил Задорнов: А кто против демократии – расстрел.

Ирина Безрукова: Ну не так…

Михаил Задорнов: Но часто так…

Ирина Безрукова: Но не сейчас…

Михаил Задорнов: Страна против демократии – расстрелять страну. К сожалению, так…

Я вообще, между прочим, могу похвастаться, у меня есть ещё одно звание, в прошлом году я получил «лучшего диджея радио».

Ирина Безрукова: Я не знала, поздравляю, прекрасно.

Михаил Задорнов: Да, потому что у меня есть передача «Неформат» с Михаилом Задорновым на «Юмор FM». И там мы

говорили всё, о чём думаем. И ни разу мне не позвонили ниоткуда и не сказали мне, что я говорю что-то не то.

Ирина Безрукова: Вы говорите, что вы общаетесь с Зюгановым, ну это совсем не модно, скажем так, компартия. Но у вас есть свое мнение.

Михаил Задорнов: Я не должен быть модным, я и так крутой.

– Я с радостью и очень громко по-детски смеюсь.

– Кто много смеется, тот меньше болеет. Смех лечит.

– Вы считаете, что смех сильнее сеансов Кашпировского?

– Ну конечно… У меня из зала многие уходят без головной боли, хотя приходят с болью. Конечно, это вибрация оздоровления, безусловно

Ирина Безрукова: Я должна вам сознаться, я не имею шутить.

Михаил Задорнов: Вы смеяться умеете?

Ирина Безрукова: Я с радостью и очень громко по-детски смеюсь.

Михаил Задорнов: А это важнее, кто много смеётся, тот меньше болеет. Смех лечит.

Ирина Безрукова: Вы считаете, что смех сильнее сеансов Кашпировского?

Михаил Задорнов: Ну конечно…

Ирина Безрукова: Я тоже так считаю.

Михаил Задорнов: Конечно.

Ирина Безрукова: Потому что это высокая вибрация.

Михаил Задорнов: У меня из зала многие уходят без головной боли, хотя приходят с болью. Конечно, это вибрация оздоровления, безусловно.

Ирина Безрукова: Прекрасно, хорошо, а как вы отдыхаете, потому что человек не может, даже если он прекрасно это делает, всё время шутить…

Михаил Задорнов: Дома я не шучу, я грустняк полнейший.

Более того, даже жене запрещаю разговаривать.

Ирина Безрукова: Получается, женщине очень сложно молчать.

– Вы любите одиночество или вам нужна компания?

– Я одиночество очень люблю.

– Вы можете путешествовать один и наслаждаться?

– Могу один, и могу в нашей компании, только с близкими мне людьми

Михаил Задорнов: Очень сложно, очень… Но отдыхать, я вам скажу, лучше всего в путешествии.

Ирина Безрукова: Вы любите одиночество или вам нужна компания?

Михаил Задорнов: Я одиночество очень люблю.

Ирина Безрукова: Вы можете путешествовать один и наслаждаться?

Михаил Задорнов: Могу один, и могу в нашей компании, только с близкими мне людьми. А вот так, что пойдём пиво пить или в казино? Вот это мне… Я часто путешествую в таких местах, где нет всех этих заведений. Например, мы были на острове Пасхи, там нет ничего этого. Но там есть сумасшедшая энергия Тихого океана и клочка материи, запитанного этой энергией, это место силы, будут говорить сразу наши колдуны, экстрасенсы.

Ирина Безрукова: Гиперборея – это более сильное место, она

у нас на территории находится.

Михаил Задорнов: Вот здесь, тоже сейчас место силы.

Ирина Безрукова: Намоленная сцена?

Михаил Задорнов: Да, конечно. И мы сейчас сделали её ещё сильнее, потому что говорим по правде, а не по кривде. Вообще, моя задача такая, мне в жизни была дана популярность сверху, не из Кремля, а выше. И я должен теперь её отработать.

Ирина Безрукова: Я хотела спросить, какой средний возраст зрителей или посетителей ваших сетей.

Михаил Задорнов: До тридцати лет.

Ирина Безрукова: Прекрасно.

Михаил Задорнов: Мой возраст вообще не ходит на концерты, они вообще не ходят, уже половина.

* * *

Ирина Безрукова: Вы говорите, что это слово, «гламур», пришло с Запада, что гламур – это уродство. О чём вы говорите?

Михаил Задорнов: Это понятие уродов о красоте. Вчера получил письмо от женщины: «Мне подруга предложила пойти в косметический салон и сделать там грудь «от Армани», ноги «от Гуччи». А я ей говорю: я посмотрю концерт Задорнова, если над этим люди не смеются, то тогда пойду».

Ирина Безрукова: Мне кажется, что скоро натуральных лиц не останется, и я жду того момента, когда…

Михаил Задорнов: И мозгов не останется.

Ирина Безрукова: Нет, я очень надеюсь, что останутся, хотя бы у моего окружения.

Михаил Задорнов: Ну это да, у вашего и моего окружения останутся. У меня всегда было хорошее окружение. Сегодня винят Советский Союз, что очень многих посадили или расстреляли. В моей жизни, в советское время было ну минимум три тысячи друзей, ни одного не посадили, ни одного не расстреляли. Были определённые условия, например, мы в студенческом театре играем что-то, пришли из парткома и сказали: «Вот это лучше не говорить».

Это было… все понимали, ну это были условия. Не так, как сейчас, свобода слова, а в то же время, извините, продюсеры стали сами цензорами. Они боятся за свои бабки, и это пострашнее, чем нанятые цензоры, работающие. Массмедиа контролируют олигархи, и они все боятся, что у них лицензию отнимут. Поэтому они самые страшные цензоры, с одной стороны, они о демократии говорят, а с другой… вот это мне не

нравится. Но я скажу вам, что действительно у меня никого не посадили… А недавно разговаривал с одним бизнесменом, ну достаточно зажиточным. Не олигарх, потому что совесть есть, не стал олигархом. И я ему вот это сказал, что сейчас вам сказал, а он мне говорит: «Да, а у меня всех посадили». Я говорю, правильно, потому что ты занимался спекуляцией, и твой круг был спекулянты. Но в наше время твои друзья сидят в Думе и занимаются бизнесом, спекулянты стали называться бизнесменами, главное ж – не школа, а лицей, а толку никакого. Публичный дом как ни переименовывай, он все равно публичный дом!

Ирина Безрукова: Ну да, всё равно…

Михаил Задорнов: Надо тогда девочек поменять, если хочешь что-то поменять…

Ирина Безрукова: Ну вам виднее.

Михаил Задорнов: Ну да, мне конечно. У меня однажды смешной случай был… По Испании ехал давно-давно, и мне водитель говорит: вот здесь самый большой публичный дом. Хочешь зайти посмотреть? Конечно хочу, я же писатель. Огромный ангар, и по периметру брусья. И у брусьев стоят девочки. Разных национальностей, возрастов, всех мастей, а я зашёл так, прямо шок у меня… И вдруг ползала кидается ко мне…

Ирина Безрукова: Наши, украиночки…

Михаил Задорнов: Украинки, белоруски, русские, больше половины зала.

Ирина Безрукова: Мне интересно, что испанцы подумали. О, приехал настоящий мужчина. Что такое, донжуан пришёл известный, девочки все бросились.

Михаил Задорнов: У меня вообще с этой профессией связаны смешные случаи. Мне в Харькове привели двух девушек в баню. Пигалицы редчайшие, я не просил. Это бонус… Причём такие две пигалицы, с какими-то жабо такими, я не знаю, на кого это рассчитано. Но они только хороши в свете фар автомобиля, на Ленинградском шоссе, и только дальних фар…

Ирина Безрукова: Ну, вероятно, мужчины выпивают уже до определённого состояния…

Михаил Задорнов: И жабо их начинает привлекать, как на испанских картинах у инфант.

Так вот я в это время, Ира, вы меня поймёте, смотрел передачу о Товстоногове. И мне так обидно стало, что я вот таким высоким занимаюсь, а мне тут этих привели.

Ирина Безрукова: Ну усадили рядом с собой девушек?

Михаил Задорнов: Нет, я спросил, вы знаете, кто это? Они

говорят: нет. Я говорю: тогда уходите. Я не могу иметь дело с теми, кто не знает Товстоногова.

Ирина Безрукова: Они пошли учиться…

Михаил Задорнов: Они так расстроились, ушли, а потом наутро в газете написали: Задорнов не имеет дела с проститутками, которые не знают Товстоногова.

* * *

Ирина Безрукова: Я хотела спросить: ваш смысл жизни? Вот такой очень бытовой, простой вопрос. В чём ваш смысл?

Михаил Задорнов: Очень, очень давно кривда заменила правду в человечестве. Например, есть воля, а есть свобода. Воля – это правда, а свобода – это кривда. Воля не переводится на другие языки. Кстати, подвиг не переводится на другие языки, отважный, смелый, бравый переводится, а подвиг – нет. И вот есть такие слова точные русские, в которых правда. И вот я чувствую, что я должен, хоть какой-то части своей аудитории, которая мне доверяет, рассказать, где всё-таки плюс, а где минус, потому что есть законы, придуманные людьми. Конституция, если у каждой страны разные конституции, – значит, это всё неправда. А есть один Закон Божий, а он один на всех.

Ирина Безрукова: Он вроде простой, но почему не соблюдают люди?

Михаил Задорнов: И он, как правило, сосредоточен в языках древних, в словах языков. Было слово «кон» – это то, что создала природа, утром рассвет – встаёт солнце, – это «кон». Изменить не может ни одна Конституция Америки, никто не может. И когда переносили всё время часовые пояса, нельзя этого делать, это «кон» природы, а не закон. Законы могут меняться, за «кон» – это за «коном» стоящий. То, что люди придумали сами себе. Вот я должен в жизни больше говорить о том, что такое «кон» всё-таки.

Ирина Безрукова: Ну именно поэтому у вас два грандиозных, не побоюсь этого слова, два документальных проекта, это о Рюрике и о Вещем Олеге.

Михаил Задорнов: И на сегодняшний день в Ютьюбе фильм о Вещем Олеге, три месяца как выложил пять серий, собрал 1 000 350 тысяч просмотров.

Ирина Безрукова: Ну, не все эстрадники собирают столько своими клипами.

Михаил Задорнов: Да, больше, чем у Волочковой в бане просмотров. Вещий Олег может гордиться, что им больше интересуются, чем Волочковой, а Рюрик – 2 000 500,

документальный фильм. Это говорит о том, что у нас очень много людей, интересующихся правдой.

* * *

Ирина Безрукова: А у вас бывает депрессия?

Михаил Задорнов: У меня? Да я постоянно в ней.

Ирина Безрукова: А как вы выходите?

Михаил Задорнов: Вот меня пригласят на телевизионную передачу к Безруковой – и опа, я вышел…

Ирина Безрукова: Ну, тогда комплимент нашему театру, потому что, я помню, когда вы пришли смотреть спектакль «Остров сокровищ» и сказали: ну конечно, Стивенса я читал, посмотрю, у меня 15 минут, и у меня там встреча с человеком, этим и этим. И когда вы остались и досмотрели до конца, это было самое…

Михаил Задорнов: У вас очень добрый театр, и это признак таланта. Таланта руководителя, таланта того, кто верит в этого руководителя. Потому что просто в талант коллектива я не верю, но я верю, что талантливый человек видит доброе и лучшее у своего руководителя. И после ваших спектаклей, как мне однажды рассказал Сергей Безруков, он видел, как люди выходили из зала, взявшись за руки. Я потом однажды видел такое же, когда Дима Певцов в одном месте пел, долго пел. И передо мной сидела пара, давно женатая, по тому, как сидят, видно – давно женаты или нет. Вот два кулька сидят. Постепенно он придвинулся к ней, потом приобнял, и они ушли, взявшись за руки. А потом он заказал шампанское. Это значит, что она заново ему понравилась.

Ирина Безрукова: Я хотела спросить, Михаил Николаевич, все знают или нет, что была история, когда вы перед Новым годом говорили речь.

Михаил Задорнов: Все знают…

Ирина Безрукова: Все знают, ну хорошо тем, кто не знает. Вот если бы сейчас вы хотели что-то пожелать россиянам и имели эту возможность. Что вы бы сейчас пожелали людям?

Михаил Задорнов: Подумать вот о чём: почему у России за много столетий всегда было два пути развития? Первый путь – путь, которым она должна идти, второй – тот, которым она идёт…

Ирина Безрукова

Актриса, член Общественной палаты МО

Михаилу Николаевичу

Все будем там – без скорби и могил.
Всех встреча ждёт, и ни к чему печали.
Сегодня к Богу первым Михаил:
Договориться, чтоб и нас встречали
С улыбкой, смехом, яствами, вином.
Он здесь любил и юмор, и сатиру.
Что на земле зовётся вечным сном,
Там называют совершенным миром.
Дорога не способна стать другой:
Идти по ней и долго, и не много.
Прощай, мой друг, до встречи, дорогой!
И посмеши, как ты умеешь, Бога.

Андрей Алякин

Поэт

notes

Сноски

1

Скончался в процессе работы над этой книгой. (*Примеч. ред.*)